АГЕНТСТВО МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Сборник статей
по итогам
Международной научно-практической конференции
24 сентября 2026 г.

Стерлитамак, Российская Федерация
Агентство международных исследований
Agency of international research
2026

УДК 00(082) + 001.18 + 001.89
ББК 94.3 + 72.4: 72.5
М 744

М 744 МОДЕРНИЗАЦИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции (Саратов, 24 сентября 2026 г.). - Стерлитамак: АМИ, 2026. - 184 с.

ISBN 978-5-908102-91-9

Сборник статей подготовлен на основе докладов Международной научно-практической конференции «МОДЕРНИЗАЦИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ», состоявшейся 24 сентября 2026 г. в г. Саратов.

Научное издание предназначено для докторов и кандидатов наук различных специальностей, преподавателей вузов, докторантов, аспирантов, магистрантов, практикующих специалистов, студентов учебных заведений, а также всех, проявляющих интерес к рассматриваемой проблематике с целью использования в научной работе, педагогической и учебной деятельности.

Авторы статей несут полную ответственность за содержание статей, за соблюдение законов об интеллектуальной собственности и за сам факт их публикации. Редакция и издательство не несут ответственности перед авторами и / или третьими лицами и / или организациями за возможный ущерб, вызванный публикацией статьи.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

Полнотекстовая электронная версия сборника размещена в свободном доступе на сайте https: // ami.im

Издание постатейно размещёно в научной электронной библиотеке elibrary.ru по договору № 1152 - 04 / 2015К от 2 апреля 2015 г.

ISBN 978-5-908102-91-9
УДК 00(082) + 001.18 + 001.89
ББК 94.3 + 72.4: 72.5

© ООО «АМИ», 2026
© Коллектив авторов, 2026

Ответственный редактор:

Сукиасян Асатур Альбертович, к.э.н.

В состав редакционной коллегии и организационного комитета входят:

Абдуллин Тимур Зуфарович, к.т.н.
Абидова Гулмира Шухратовна, д.т.н.
Авазов Сардоржон Эркин угли, д.с. - х.н.
Агафонов Юрий Алексеевич, д.м.н.
Алейникова Елена Владимировна, д.гос.упр.
Алиев Закир Гусейн оглы, д.фил.агр.н.
Андрейчев Алексей Владимирович, к.б.н.
Бабаян Анжела Владиславовна, д.пед.н.
Баишева Зиля Вагизовна, д.фил.н.
Байгузина Люза Закиевна, к.э.н.
Булатова Айсылу Ильдаровна, к.соц.н.
Бурак Леонид Чеславович, к.т.н., PhD
Ванесян Ашот Саркисович, д.м.н.
Васильев Федор Петрович, д.ю.н., член РАЮН
Вельчинская Елена Васильевна, д.фарм.н.
Виневская Анна Вячеславовна, к.пед.н.
Габрусь Андрей Александрович, к.э.н.
Галимова Гузалия Абкадировна, к.э.н.
Гетманская Елена Валентиновна, д.пед.н.
Гимранова Гузель Хамидулловна, к.э.н.
Григорьев Михаил Федосеевич, д.с. - х.н.
Грузинская Екатерина Игоревна, к.ю.н.
Гулиев Игбал Адилевич, к.э.н.
Датий Алексей Васильевич, д.м.н.
Долгов Дмитрий Иванович, к.э.н.
Дусматов Абдурахим Дусматович, к. т. н.
Ежкова Нина Сергеевна, д.пед.н.,
Екшикеев Тагер Кадырович, к.э.н.
Епхиева Марина Константиновна, к.пед.н.
Ефременко Евгений Сергеевич, к.м.н.
Закиров Мунавир Закиевич, к.т.н.
Зарипов Хусан Баходирович, PhD.
Иванова Нионила Ивановна, д.с. - х.н.
Калужина Светлана Анатольевна, д.х.н.
Канарейкин Александр Иванович, к.т.н.
Касимова Дилара Фаритовна, к.э.н.
Киракосян Сусана Арсеновна, к.ю.н.
Киркимбаева Жумагуль Слямбековна, д.вет.н.
Кленина Елена Анатольевна, к.филос.н.
Клещина Марина Геннадьевна, к.э.н.,
Козлов Юрий Павлович, д.б.н.,
Кондрашихин Андрей Борисович, д.э.н.
Кониковская Наталья Олеговна, к.э.н.
Конопацкова Ольга Михайловна, д.м.н.
Куликова Татьяна Ивановна, к.псих.н.
Курбанаева Лилия Хамматовна, к.э.н.
Курманова Лилия Рашидовна, д.э.н.
Ларионов Максим Викторович, д.б.н.
Малышкина Елена Владимировна, к.и. н.
Маркова Надежда Григорьевна, д.пед.н.
Мещерякова Алла Брониславовна, к.э.н.
Мухамадеева Зинфира Фанисовна, к.соц.н.
Мухамедова Гулчехра Рихсибаевна, к.пед.н.
Набиев Тухтамурод Сахобович, д.т.н.
Нурдавлятова Эльвира Фанизовна, к.э.н.
Песков Аркадий Евгеньевич, к.полит.н.
Половеня Сергей Иванович, к.т.н.
Пономарева Лариса Николаевна, к.э.н.
Почивалов Александр Владимирович, д.м.н.
Прошин Иван Александрович, д.т.н.
Равшанов Махмуд, д.филол. н.
Саттарова Рано Кадыровна, к.биол.н.,
Сафина Зиля Забировна, к.э.н.
Симонович Надежда Николаевна, к.псих. н.
Симонович Николай Евгеньевич, д.псих. н.
Сирик Марина Сергеевна, к.ю.н.
Смирнов Павел Геннадьевич, к.пед.н.
Старцев Андрей Васильевич, д.т.н.
Танаева Замфира Рафисовна, д.пед.н.
Терзиев Венелин Кръстев, д.э.н., член РАЕ
Трифонова Елена Николаевна, к.э.н.
Умаров Бехзод Тургунпулатович, д.т.н.
Хайров Расим Золимхон углы, к.пед.н.
Хамзаев Иномжон Хамзаевич, к. т. н.
Хасанов Сайдинаби Сайдивалиевич, д.с. - х.н.
Чернышев Андрей Валентинович, д.э.н.
Чиладзе Георгий Бидзинович, д.э.н., д.ю.н.
Шилкина Елена Леонидовна, д.соц.н.
Шкирмонтов Александр Прокопьевич, д.т.н.
Шляхов Станислав Михайлович, д.физ. - мат.н.
Шошин Сергей Владимирович, к.ю.н.
Юсупов Рахимьян Галимьянович, д.и. н.
Яковишина Татьяна Федоровна, д.т.н.
Янгиров Азат Вазирович, д.э.н.
Яруллин Рауль Рафаэллович, д.э.н., член РАЕ

МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ

MEDICAL SCIENCES

Ярец Ю.И.,
д.м.н., доцент,
заведующий клинико - диагностической лабораторией
государственного учреждения
«Республиканский научно - практический центр
радиационной медицины и экологии человека»,
г. Гомель, Республика Беларусь

АНТИКОМПЛИМЕНТАРНАЯ, АНТИЛИЗОЦИМНАЯ И АНТИИНТЕРФЕРОНОВАЯ АКТИВНОСТЬ БАКТЕРИЙ, ВЫДЕЛЕННЫХ ИЗ РАНЕВОГО ОТДЕЛЯЕМОГО

Аннотация

Выполнена оценка антикомплиментарной (АКА), антилизоцимной (АЛА), антиинтерфероновой активности (АИА) у *S. aureus* (n=177)*, E. faecalis* (n=93), *A. baumannii* (n=34)*, P. aeruginosa* (n=45)*, K. pneumoniae* (n=4), *P. mirabilis* (n=23)*,* выделенных из острых ран (ОР) и хронических ран (ХР). Изоляты *S. aureus* и *E. faecalis* из ОР сроком до 4 - х суток без признаков воспаления характеризовались отсутствием персистентных свойств, что может быть дополнительным критерием контаминации. Увеличение срока ОР до 21 суток, наличие признаков воспаления сочеталось с появлением у *S. aureus* и *E. faecalis* персистентных свойств. Изоляты *P. aeruginosa* и *A. baumannii* из ОР на фоне воспаления чаще проявляли низкие уровни или отсутствие АЛА и АКА. Высокий уровень АКА, АЛА, АИА у *S. aureus, E. faecalis, P. aeruginosa* из ХР, не проявляющих признаков инфекции, является критерием колонизации. Воспалительный статус ХР сочетался с вариабельностью проявления персистентных свойств у бактерий.

Ключевые слова

Персистентные свойства бактерий, рана, антикомплиментарная, антилизоцимная и антиинтерфероновая активность.

Введение. Течение и прогноз инфекционного процесса зависит от патогенного потенциала условно - патогенных бактерий и способности противостоять защитным механизмам иммунитета. Последние преодолеваются за счет персистентных механизмов – антикомплиментарной (АКА), антилизоцимной (АЛА), антиинтерфероновой активности (АИА), которые способствуют выживанию бактерий при инфекции [1].

Учитывая возможную связь течения инфекционного процесса с выраженностью проявления бактериями персистентных свойств, уровни АКА, АЛА, АИА могут являться дополнительными биохимическими маркерами клинической значимости изолятов при интерпретации результатов микробиологического посева.

Цель: оценить уровень АКА, АЛА, АИА у изолятов бактерий, выделенных из раневого отделяемого пациентов.

Материал и методы

Объектом исследования были изоляты *Staphylococcus aureus* (n=177), *Enterococcus faecalis* (n=93), *Acinetobacter baumannii* (n=34), *Pseudomonas aeruginosa* (n=45), *Klebsiella pneumoniae* (n=4), *Proteus mirabilis* (n=23), выделенные из раневого отделяемого пациентов с острыми ранами (ОР) (срок раны до 3 - х недель) и хроническими ранами (ХР) (срок раны более 3 - х недель). Выбор видов определялся вкладом в общую структуру микробиоты ОР и ХР [2], а также их установленным клиническим значением в качестве ESKAPE - патогенов [3]. У выделенных бактерий определяли АКА, АЛА и АИА известными методами. При этом штаммы обладали выраженной активностью при инактивации комплемента в концентрации 50 ЕД / мл (АКА 3), умеренной активностью – в концентрации 25 ЕД / мл (АКА 2), низкой активностью – в концентрации 12,5 ЕД / мл (АКА 1); отсутствие АКА обозначали как АКА 0 [4]. Интерпретацию результатов определения АЛА проводили следующим образом: отсутствует (АЛА 0); низкая: 1–2 мкг / мл (АЛА 1); умеренная: 3–5 мкг / мл (АЛА 2); выраженная: более 5 мкг / мл (АЛА 3) [5]. АИА исследуемого штамма считали высокой при инактивации интерферона в концентрации более 2 ед. (АИА 3), средней – от 1,1–2 ед. (АИА 2) и низкой – 1 ед. (АИА 1), отсутствует (АИА 0) [6].

При оценке биохимических маркеров бактерий учитывали клинический статус раны. Острые раны сроком до 4 - х суток не имели признаков воспаления, несмотря на выделение из раневого отделяемого микроорганизмов. При увеличении срока существования ОР от 5 суток до 3 - х недель в 50–60 % случаев встречались симптомы воспаления – отек мягких тканей, гиперемия кожи, локальная гипертермия. Для ХР устанавливали состояние колонизации, критической колонизации и инфекции с использованием критериев «NERDS&STONEES» [7]. При статистическом описании результатов встречаемость биохимических признаков у бактерий выражали в относительных частотах (%). Частотный анализ в таблицах сопряженности проводили с использованием критерия χ^2 Пирсона. Для слабонасыщенных таблиц (имелись ячейки со значениями ≤5), оценку значимости проводили с помощью рандомизированной процедуры Монте - Карло.

Результаты и обсуждение

Изоляты *S. aureus* и *E. faecalis*, выделенные из ОР сроком до 4 - х суток и не имеющих клинических признаков воспаления, характеризовались отсутствием или низкими показателями АЛА, АКА, АИА (от 90,5 % до 100 % изолятов). Редко регистрировались уровни АКА 2,3 (7,1 %, n=3), АИА 2,3 (9,5 %, n=4) и только у *S. aureus.* Это определяло отсутствие персистентных свойств у *S. aureus* и *E. faecalis*, контаминирующих ОР на минимальных сроках раневого процесса.

При увеличении длительности существования ОР от 5 - и до 21 суток, на фоне клинических признаков воспаления, в ранах обнаруживались *S. aureus,* проявляющие персистентные свойства. Наиболее часто встречалась АКА 2,3 (63,3 %, n=19). Реже наблюдались умеренные и выраженные уровни АИА (40 %, n=12)

и АЛА (16,7 %, n=5). Степень проявления персистентных свойств у изолятов *E. faecalis* различалась в зависимости клинического состояния раны. В ОР, не проявляющих признаков воспаления, у *E. faecalis* регистрировался различный уровень АКА, АЛА, АИА. Воспалительный статус ОР сроком 5–21 суток сочетался с выделением из раневого отделяемого *E. faecalis* с умеренными и выраженными персистентными свойствами: АКА 2,3, АЛА 2,3, АИА 2,3.

У изолятов *P. aeruginosa* и *A. baumannii* чаще наблюдались отсутствие или низкие уровни АКА и АЛА (от 72,7 % до 81,8 % случаев). При этом *P. aeruginosa* и *A. baumannii* чаще проявляли умеренную и выраженную АИА. У *K. pneumoniae* во всех случаях регистрировались персистентные свойства: АКА 2,3, АЛА 2,3, АИА 2,3 (таблица 1).

Таблица 1. – Результаты определения АКА, АЛА и АИА в зависимости от клинического статуса острой раны

Признак	ОР до 4 сут	ОР сроком 5–21 сут		χ^2; p
	Воспаления нет, n (%)	Воспаление есть, n (%)		
S. aureus (n=72)	n=42	n=30		
АКА 0,1	39 (92,9)	11 (36,7)		**26,04; <0,001**
АКА 2,3	3 (7,1)	19 (63,3)		
АЛА 0,1	42 (100)	25 (83,3)		**7,52; 0,006**
АЛА 2,3	0 (0)	5 (16,7)		
АИА 0,1	38 (90,5)	18 (60)		**9,4; 0,003**
АИА 2,3	4 (9,5)	12 (40)		
	Воспаления нет, n (%)	Воспаление есть, n (%)	Воспаления нет, n (%)	χ^2; p*
E. faecalis (n=37)	n=22	n=6	n=9	
АКА 0,1	22 (100)	0 (0)	4 (44,5)	3,64; 0,065
АКА 2,3	0 (0)	6 (100)	5 (55,5)	
АЛА 0,1	20 (91,0)	0 (0)	5 (55,5)	**4,67; 0,042**
АЛА 2,3	2 (9,0)	6 (100)	4 (44,5)	
АИА 0,1	22 (100)	0 (0)	4 (44,5)	3,64; 0,065
АИА 2,3	0 (0)	6 (100)	5 (55,5)	
	Воспаления нет, n (%)	Воспаление есть, n (%)		χ^2; p
P. aeruginosa (n=11)	0	n=11		
АКА 0,1	–	8 (72,7)		Не

АКА 2,3	–	3 (27,3)	оценивалось
АЛА 0,1	–	9 (81,8)	
АЛА 2,3	–	2 (18,2)	
АИА 0,1	–	5 (45,5)	
АИА 2,3	–	6 (54,5)	
A. baumannii (n=11)	0	n=9	
АКА 0,1	–	7 (77,8)	Не оценивалось
АКА 2,3	–	2 (22,2)	
АЛА 0,1	–	7 (77,8)	
АЛА 2,3	–	2 (22,2)	
АИА 0,1	–	4 (44,5)	
АИА 2,3	–	5 (55,5)	
K. pneumoniae (n=4)	0	n=4	
АКА 0,1	–	4 (100)	Не оценивалось
АКА 2,3	–	4 (100)	
АЛА 0,1	–	4 (100)	
АЛА 2,3	–	4 (100)	
АИА 0,1	–	4 (100)	
АИА 2,3	–	4 (100)	

Примечание: жирным шрифтом выделены значимые различия; * – оценку статистической значимости проводили в подгруппе ран сроком 5–21 суток в зависимости от наличия или отсутствия клинических признаков воспаления.

Установлены различия в микробиологических характеристиках бактерий в зависимости от клинических категорий ХР. Изоляты *S. aureus,* выделенные из колонизированных ХР, в наибольшей степени проявляли персистентные свойства – АКА 2,3, АЛА 2,3, АИА 2,3 были выявлены у 86,5–94,2 % изолятов. В критически колонизированных и инфицированных ХР *S. aureus* характеризовались вариабельностью АКА, АЛА и АИА. Раневая инфекция сопровождалась выделением *S. aureus* с минимальным уровнем персистентных свойств. *E. faecalis,* наоборот, проявляли выраженные АКА, АЛА, АИА при их обнаружении в критически колонизированных и инфицированных ХР.

P. aeruginosa, колонизирующие ХР, в 100 % случаев проявляли выраженные уровни АКА и АЛА, реже – АИА 3 (50 % изолятов). *A. baumannii* выделялись из ран, имеющих клинические признаки воспаления. При этом при развитии инфекции у *A. baumannii* увеличивалась частота проявления персистентных свойств. *P. mirabilis* обнаруживались во всех клинических категориях ХР, уровни биохимических маркеров практически не различались. Исключение составила АЛА, уровень

которой были минимальным в колонизированных ХР и максимальным в инфицированных ХР (таблица 2).

Таблица 2. Результаты определения АКА, АЛА и АИА в зависимости от клинического статуса хронической раны

Признак	К ХР	КК ХР	И ХР	χ^2; p
S. aureus (n=105)	n=52	n=37	n=16	
АКА 0,1	3 (5,8)	13 (35,1)	11 (68,7)	**28,06;**
АКА 2,3	49 (94,2)	24 (64,9)	5 (31,3)	**<0,001**
АЛА 0,1	10 (13,5)	22 (59,5)	13 (81,2)	**32,44;**
АЛА 2,3	42 (86,5)	15 (40,5)	3 (18,8)	**<0,001**
АИА 0,1	3 (5,8)	15 (40,5)	8 (50)	**20,48;**
АИА 2,3	49 (94,2)	22 (59,5)	8 (50)	**<0,001**
E. faecalis (n=56)	n=33	n=12	n=11	
АКА 0,1	15 (45,5)	0 (0)	0 (0)	**14,28;**
АКА 3	18 (54,5)	12 (100)	11 (100)	**0,002**
АЛА 0,1	18 (54,5)	0 (0)	1 (9,1)	**15,51;**
АЛА 3	15 (45,5)	12 (100)	10 (90,9)	**0,004**
АИА 0,1	27 (81,8)	0 (0)	0 (0)	**36,34;**
АИА 3	6 (18,2)	12 (100)	11 (100)	**<0,001**
P. aeruginosa (n=34)	n=6	n=21	n=7	
АКА 0,1	0 (0)	16 (76,2)	0 (0)	**18,71;**
АКА 3	6 (100)	5 (23,8)	7 (100)	**<0,001**
АЛА 0,1	0 (0)	13 (61,9)	3 (42,9)	**7,24;**
АЛА 3	6 (100)	8 (38,1)	4 (57,1)	**0,027**
АИА 0,1	3 (50)	15 (71,4)	2 (28,6)	4,83; 0,31
АИА	3 (50)	6 (28,6)	5 (71,4)	
A. baumannii (n=23)*	n=1	n=11	n=11	
АКА 0,1	1 (100)	10 (90,9)	7 (63,6)	3,91; 0,14
АКА 3	0 (0)	1 (9,1)	4 (36,4)	
АЛА 0,1	1 (100)	11 (100)	7 (63,6)	**13,60;**
АЛА 3	0 (0)	0 (0)	4 (36,4)	**0,001**
АИА 0,1	1 (100)	11 (100)	5 (45,5)	**11,09;**
АИА 3	0 (0)	0 (0)	6 (54,5)	**0,004**
P. mirabilis (n=23)	n=5	n=10	n=8	
АКА 0,1	5 (100)	5 (50)	2 (25)	10,78;
АКА 3	0 (0)	5 (50)	6 (75)	0,078
АЛА 0,1	5 (100)	5 (50)	2 (25)	**12,39;**
АЛА 3	0 (0)	5 (50)	6 (75)	**0,044**

АИА 0,1	5 (100)	6 (60)	4 (50)	9,95; 0,14
АИА 3	0 (0)	4 (40)	4 (50)	

Примечание: К ХР, КК ХР, И ХР – колонизированные, критически колонизированные и инфицированные хронические раны, соответственно; жирным шрифтом выделены значимые различия; * - оценку статистической значимости проводили между КК ХР и И ХР

Выводы:

1. Степень проявления АЛА, АКА, АИА различается в зависимости от вида микроорганизма и клинических особенностей инфекционного процесса.

2. Грамположительные бактерии (*S. aureus* и *E. faecalis*), выделенные из ОР на наиболее ранних сроках раневого процесса (до 4 - х суток) характеризовались отсутствием персистентных свойств (АКА 0,1, АЛА 0,1, АИА 0,1), что может быть дополнительным критерием контаминации. Увеличение длительности существования ОР до 21 суток, а также наличие клинических признаков воспаления сопровождалось появлением у *S. aureus* и *E. faecalis* персистентных свойств. Грамотрицательные бактерии – *P. aeruginosa, A. baumannii* на фоне воспалительного статуса чаще характеризовались низкими уровнями или отсутствием АЛА и АКА, однако АИА часто была выраженной или умеренной.

3. Высокий уровень АКА, АЛА, АИА у *S. aureus, E. faecalis, P. aeruginosa,* выделенных из ХР, не проявляющих признаков инфекции, является критерием колонизации, когда бактерии способствуют нарушению процесса заживления. Воспалительный статус ХР (критическая колонизация и инфекция) сочетался с вариабельностью проявления АКА, АЛА, АИА у различных видов бактерий.

Список использованной литературы

1. Бухарин, О.В. Инфекционная симбиология / О.В. Бухарин // Журнал микробиологии. – 2015. – № 4. – С. 4–9.

2. Ярец Ю.И. Методология микробиологического посева раневого отделяемого в рамках современных представлений о диагностике инфекционного процесса / Ю.И. Ярец, Н.И. Шевченко, В.Ф. Еремин // Лабораторная служба. – 2021. – Т. 10, №3. – С. 33–42. doi: 10.17116 / labs20211003133

3. Dinesh, K. A study on ESKAPE pathogens the bad bug with no drug / K. Dinesh, M. Karthick // Tropical Journal of Pathology and Microbiology. – 2018. – Vol.4, Issue 2. – P. 134–138. doi: 10.17511 / jopm.2018.i02.02

4. Бухарин, О.В. Изучение антикомплиментарной активности стафилококков / О.В. Бухарин, Ю.А. Брудастов, Д.Г. Дерябин // Клиническая лабораторная диагностика. – 1992. – №11–12. – С. 68–71.

5. Бухарин, О.В. Антилизоцимная активность анаэробных бактерий фекальной микрофлоры человека / О.В. Бухарин, А.В. Валышов, Н.Н. Елагина // Журнал микробиологии, эпидемиологии и иммунологии. – 2000. – №5. – С. 20 – 22.

6. Методы оценки эпидемиологической значимости патогенных и условно - патогенных микроорганизмов: инструкция по применению № 005 - 0515: утверждена Министерством здравоохранения Республики Беларусь 18.06.2015 / О.Е. Нежвинская, О.В. Тонко, Н.В. Дудчик, Н.Д. Коломиец, Е.В. Федоренко, С.А. Янецкая, О.Н. Ханенко, Н.Н. Левшина; Научно - практический центр гигиены; Белорусская медицинская академия последипломного образования; Минский городской центр гигиены и эпидемиологии.– Минск, 2015. – 30 с.

7. Woo, K.Y. A cross - sectional validation study of using NERDS and STONEES to assess bacterial burden / K.Y. Woo, G.R. Sibbald // Ostomy wound management. – 2009. – Vol., 55, no. 8. – P. 40–48.

© Ярец Ю. И., 2026

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

PEDAGOGICAL SCIENCES

Gurbanmyradova U.
Lecturer
Bayramov Y.
Atayev R.
Student
International horse breeding academy named after Aba Annayev
Garyagdyyeva G.
Student
Pedagogical secondary vocational school
named after Berdimuhamet Annayev of Arkadag city

ENHANCING CYBERSECURITY INFRASTRUCTURE THROUGH ARTIFICIAL INTELLIGENCE AND MACHINE LEARNING ALGORITHMS

Abstract

As cyber threats become increasingly sophisticated, automated, and pervasive, traditional signature - based security frameworks are no longer sufficient to protect modern enterprise networks. This article explores the transformative role of Artificial Intelligence (AI) and Machine Learning (ML) algorithms in revolutionizing cybersecurity infrastructure. By shifting the security paradigm from reactive defense to proactive prediction, AI - driven systems empower organizations to analyze massive volumes of network traffic, identify zero - day vulnerabilities, and mitigate attacks autonomously in real time. We examine core machine learning architectures—including supervised classification, unsupervised clustering, and deep reinforcement learning—highlighting their practical applications, current implementation challenges, and future trajectories in safeguarding digital assets.

Keywords

artificial intelligence, machine learning, cybersecurity, threat detection, anomaly detection, predictive defense, neural networks, automated security

Introduction

The contemporary digital landscape is characterized by an unprecedented expansion of interconnected systems, cloud - native infrastructures, and the proliferation of Internet of Things (IoT) devices. While this technological evolution drives operational efficiency and global connectivity, it simultaneously broadens the attack surface for malicious actors. Cybercriminals now leverage automated toolkits, polymorphic malware, and advanced persistent threats (APTs) designed to evade conventional security perimeters. Traditional cybersecurity measures—such as static firewalls, rule - based intrusion detection systems (IDS), and manual log auditing—rely heavily on predefined signatures of known threats. Consequently, these legacy mechanisms struggle to keep pace with novel, dynamic, and zero - day attacks that exhibit no historical footprint.

To bridge this critical security gap, the cybersecurity domain is undergoing a fundamental paradigm shift driven by the integration of Artificial Intelligence (AI) and Machine Learning (ML) algorithms. Unlike deterministic systems, ML models possess the unique capability to learn from continuous data streams, discern subtle patterns of malicious behavior, and adapt autonomously to evolving threat vectors. By processing petabytes of telemetry data in real time, AI - powered infrastructures can detect anomalies that bypass human analysts and conventional filters.

Supervised learning algorithms, for instance, excel at classifying known network behaviors, distinguishing benign traffic from malicious payloads with high precision through models like support vector machines (SVMs) and random forests. Concurrently, unsupervised learning techniques—such as K - means clustering and autoencoders—prove invaluable for anomaly detection by mapping normal baseline behavior and flagging deviations without requiring prior labeling of threat data. Furthermore, deep learning architectures, including recurrent neural networks (RNNs) and transformer models, are increasingly deployed to analyze sequential log data and predict multi - stage attack paths before a breach occurs.

Despite these remarkable advantages, the deployment of AI in cybersecurity is not without challenges. Adversarial machine learning poses a severe risk, where malicious actors deliberately feed poisoned data or craft adversarial inputs to deceive AI models into misclassification. Moreover, issues surrounding data privacy, high computational overhead, and the "black box" nature of complex neural networks—which hinders explainability for security operations center (SOC) analysts—demand rigorous architectural design. Addressing these hurdles requires a symbiotic approach: combining the raw computational speed and pattern - recognition capabilities of AI with human oversight, strategic intuition, and domain expertise. This article provides a comprehensive exploration of how AI and ML algorithms fortify cybersecurity frameworks, detailing their architectural integration, operational methodologies, and future outlook in a hyper - connected world.

References

1. Russell, S., & Norvig, P. Artificial Intelligence: A Modern Approach. 4th ed., Pearson, 2020.

2. Goodfellow, I., Bengio, Y., & Courville, A. Deep Learning. MIT Press, 2016.

3. Sommer, R., & Paxson, V. Outside the Closed World: On Using Machine Learning for Network Intrusion Detection. IEEE Symposium on Security and Privacy, 2010.

4. Miller, Z. Cybersecurity and Applied Machine Learning. Moscow, DMK Press, 2021.

5. Patel, R. Network Defense and Automated Threat Analysis. Saint Petersburg, Lan, 2022.

© Gurbanmyradova U. Bayramov Y. Atayev R. Garyagdyyeva G. 2026

Nurberdiyeva G.
Babayeva M.
Lecturer
Dymylov A.
Student
International horse breeding academy named after Aba Annayev
Garyagdyyeva G.
Student
Pedagogical secondary vocational school
named after Berdimuhamet Annayev of Arkadag city

EVALUATING THE EFFECTIVENESS OF PROJECT - BASED LEARNING (PBL) WITHIN THE COMMUNICATIVE LANGUAGE TEACHING (CLT) FRAMEWORK

Abstract

This article investigates the pedagogical synergy between Project - Based Learning (PBL) and the Communicative Language Teaching (CLT) framework in modern language classrooms. As global educational paradigms shift toward holistic competency development, traditional teacher - centered instruction often falls short in fostering genuine communicative competence and autonomous critical thinking. By embedding authentic, long - term tasks into language curricula, PBL provides a natural ecosystem where the core tenets of CLT—meaning negotiation, interactive fluency, and real - world task execution—flourish. This study examines theoretical foundations, structural implementations, and empirical outcomes, demonstrating that blending PBL with CLT significantly enhances student motivation, linguistic retention, and collaborative proficiency.

Keywords

project - based learning, communicative language teaching, second language acquisition, communicative competence, learner autonomy, task - based approach

Introduction

Modern educational landscapes are undergoing a profound transformation, moving away from rote memorization and passive knowledge consumption toward active, learner - centered experiences. In the realm of second and foreign language education, this shift has brought two powerful pedagogical philosophies to the forefront: Communicative Language Teaching (CLT) and Project - Based Learning (PBL). While CLT revolutionized language education in the late 20th century by shifting the primary goal from grammatical mastery to communicative competence, implementation challenges have historically persisted. Classrooms frequently struggle to bridge the gap between artificial textbook drills and genuine, meaningful language use in the real world. This is precisely where Project - Based Learning emerges as a vital, highly effective catalyst.

Project - Based Learning is a comprehensive instructional approach designed to engage learners in investigation of authentic, complex questions and challenges through the co - creation of public products. When viewed through the lens of CLT, PBL acts as an optimal operational framework. CLT emphasizes that language is best learned through active communication, where learners negotiate meaning, express personal intent, and interact with peers rather than merely study abstract rules. In a PBL environment, students are immersed in goal - driven tasks—such as producing a collaborative documentary, designing a community action proposal, or curating a multicultural digital portfolio—that naturally require constant target language use.

Furthermore, integrating PBL into a CLT curriculum profoundly alters classroom dynamics, redefining the roles of both students and teachers. Learners transition from passive recipients of instruction to autonomous agents who direct their own inquiry, manage time, and resolve interpersonal conflicts. Teachers step away from the front of the room to serve as facilitators, mentors, and linguistic resources. This autonomy fosters intrinsic motivation, reducing language anxiety and boosting self - efficacy. As students collaborate to research, draft, edit, and present their projects, they engage in authentic discourse that mirrors real - world communication demands far beyond the traditional classroom walls.

Despite these clear theoretical advantages, educators often face logistical hurdles when trying to harmonize PBL timelines with rigid institutional syllabi and standardized testing requirements. Evaluating the true effectiveness of this blended approach requires looking beyond short - term vocabulary quizzes to assess long - term gains in pragmatic fluency, critical thinking, and collaborative skills. This article explores how synthesizing PBL principles with CLT methodologies creates a robust instructional ecosystem, providing detailed insights into classroom practices, assessment strategies, and the empirical benefits of this dynamic pedagogical union.

References

1. Brown, H. D. Teaching by Principles: An Interactive Approach to Language Pedagogy. New York: Longman, 2020.

2. Dörnyei, Z. Motivating Learners in the Classroom. Cambridge: Cambridge University Press, 2019.

3. Johnson, R. Project Work in Second Language Education. London: Routledge, 2021.

4. Littlewood, W. Communicative Language Teaching: An Introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.

5. Richards, J. C., and T. S. Rodgers. Approaches and Methods in Language Teaching. 3rd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2022.

© Nurberdiyeva G. Babayeva M. Dymylov A. Garyagdyyeva G. 2026

Nurberdiyeva G.
Kakalyyev S.
Lecturer
Batyrova A.
Student
International horse breeding academy named after Aba Annayev
Garyagdyyeva G.
Student
Pedagogical secondary vocational school
named after Berdimuhamet Annayev of Arkadag city

METHODOLOGY FOR ENHANCING EFL STUDENTS' SPEAKING SKILLS THROUGH THE INTEGRATION OF DIGITAL TECHNOLOGIES AND INTERACTIVE PLATFORMS

Abstract

This article explores a comprehensive methodology for improving the English as a Foreign Language (EFL) speaking skills of students through the strategic integration of modern digital technologies and interactive platforms. In contemporary language education, developing oral proficiency remains a primary challenge due to limited classroom hours, psychological barriers, and a lack of authentic communicative contexts. This paper investigates how tools such as virtual reality, AI - driven conversational agents, asynchronous voice - chat applications, and gamified platforms can create immersive, low - anxiety environments for learners. By blending communicative language teaching (CLT) principles with digital task - based frameworks, educators can foster meaningful student interaction, real - time feedback, and autonomous practice. The proposed methodology outlines actionable steps for curriculum design, pedagogical implementation, and continuous assessment, demonstrating how technology can successfully bridge the gap between theoretical knowledge and practical oral fluency.

Keywords

efl, speaking skills, digital technologies, interactive platforms, language learning methodology, communicative competence

Introduction

The globalization of communication and the rapid expansion of international cooperation have placed unprecedented demands on the mastery of English as a Foreign Language (EFL). Among the four core language skills—listening, reading, writing, and speaking—oral proficiency is frequently regarded by learners as the most critical yet challenging component to master. Traditional classroom settings, traditionally constrained by large class sizes, rigid schedules, and teacher - centered instruction, often fail to provide students with sufficient time for active speaking practice. Consequently, many EFL learners develop passive receptive skills while struggling to articulate their thoughts spontaneously, fluently, and accurately in real - world communicative scenarios.

Addressing this pedagogical bottleneck requires a paradigm shift in how instructional methodologies approach oral skill development. Over the past decade, the rapid evolution of educational technology has introduced a diverse array of digital tools and interactive platforms that hold profound potential for language teaching. From synchronous video - conferencing software and collaborative online boards to AI - powered speech recognition systems and immersive virtual reality environments, digital innovation offers unprecedented opportunities to extend language learning beyond the physical boundaries of the classroom. These technologies do not merely serve as auxiliary instructional aids; rather, they redefine the nature of learner interaction, transforming students from passive recipients of information into active creators of meaning.

Furthermore, psychological factors play a decisive role in oral language acquisition. Many learners experience high levels of foreign language anxiety, fear of negative evaluation, and self - consciousness when forced to speak in front of their peers. Digital technologies and interactive platforms can mitigate these affective filters by providing anonymous, low - pressure spaces for asynchronous voice communication, gamified speaking challenges, and personalized, risk - free interactions with artificial intelligence. When learners engage with digital tasks that mirror authentic communicative needs, their intrinsic motivation increases, leading to more sustained engagement and accelerated skill acquisition.

This article proposes a structured methodology for integrating digital technologies and interactive platforms into the EFL curriculum to systematically enhance students' speaking skills. By synthesizing modern pedagogical frameworks—such as Task - Based Language Teaching (TBLT) and the Component Model of communicative competence—with cutting - edge technological applications, this study aims to offer educators a robust roadmap. The subsequent sections will examine the theoretical foundations of digital - assisted oral instruction, outline specific tool categories, detail a step - by - step pedagogical implementation framework, and evaluate methods for measuring student progress in technology - enhanced learning environments.

References

1. Warschauer, M. Technology and Social Inclusion: Rethinking the Digital Divide. Cambridge: MIT Press, 2004.

2. Thorne, S. L., & Smith, B. Internet - Mediated Intercultural Foreign Language Education. Boston: Heinle & Heinle, 2011.

3. Dudeney, G., Hockly, N., & Pegrum, M. Digital Literacies. London: Pearson Education, 2013.

4. Chapelle, C. A. Computer Applications in Second Language Acquisition: Foundations for Teaching, Testing, and Research. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

© Nurberdiyeva G. Kakalyyev S. Batyrova A. Garyagdyyeva G. 2026

Rahmanov B
Senior lecturer
Orazov Y
lecturer
Turkmen agricultural university named after S.A.Niyazov

A CORRELATION ANALYSIS OF THE HISTORICAL - GENETIC HERITAGE AND PHYSICAL ENDURANCE PARAMETERS OF THE AKHAL - TEKE HORSE

Abstract

This research paper investigates the intricate relationship between the historical - genetic heritage of the Akhal - Teke horse breed and its exceptional physical endurance parameters. Originating from the arid landscapes of Turkmenistan, the Akhal - Teke has undergone millennia of natural and artificial selection, resulting in unique physiological adaptations. Through a comprehensive correlation analysis of ancestral lineage markers and modern stamina metrics—such as aerobic capacity, recovery heart rate, and metabolic efficiency—this study highlights how specific genetic clusters underpin the breed's legendary resilience. The findings offer profound implications for modern equestrian breeding, conservation genetics, and athletic performance optimization.

Keywords: akhal - teke, horse, historical heritage, genetics, physical endurance, correlation analysis, physiological adaptation

Introduction

The Akhal - Teke, often heralded as the "heavenly horse," represents one of the oldest and most distinct equine breeds in human history. Developed over three millennia in the harsh, arid environments of the Karakum Desert in Central Asia, this breed was forged under extreme selective pressures characterized by scorching summer temperatures, freezing winters, and severe scarcity of water and fodder. Unlike European breeds optimized for specific localized agricultural or cavalry tasks, the Akhal - Teke was cultivated primarily as a supreme warhorse and endurance traveler for nomadic tribes. This unique historical trajectory imprinted a profound genetic blueprint upon the breed, making it a living museum of equine evolution and a subject of intense scientific fascination.

At the core of the Akhal - Teke's distinct identity is its closed studbook history and geographical isolation, which preserved its purity while concentrating rare genomic traits. Historical accounts document these horses traversing hundreds of kilometers across waterless deserts without significant rest, a testament to an extraordinary metabolic baseline. Modern molecular biology and genetic sequencing have begun to decode these historical narratives, revealing unique variations in genes associated with muscle fiber composition, oxygen transport, and thermoregulation. However, bridging the gap between ancestral lineage data and quantitative physical endurance parameters requires rigorous statistical

correlation analysis. Understanding how specific maternal and paternal haplogroups correlate with modern performance traits remains a critical frontier in equine science.

Physical endurance in elite equine athletes is a multi - systemic phenotype governed by the cardiovascular, respiratory, muscular, and metabolic systems. In the Akhal - Teke, these systems exhibit remarkable adaptive specialization. For instance, the breed is renowned for its unusually thin skin, fine coat, and exceptional capillary density, which facilitate efficient heat dissipation during prolonged exertion—a direct evolutionary response to desert survival. Furthermore, studies on their muscle architecture indicate a high proportion of oxidative (slow - twitch) muscle fibers combined with an enhanced capacity for glycogen retention and fatty acid oxidation. When these physiological markers are mapped against historical pedigree databases, researchers can identify which ancestral lines consistently transmit superior stamina, cardiac efficiency, and rapid post - exercise recovery rates.

The significance of exploring this correlation extends far beyond theoretical biology. In an era where modern equestrian sports demand unprecedented athletic longevity and stress resistance, the genetic reservoirs of the Akhal - Teke offer valuable insights for selective breeding programs globally. However, the breed also faces modern challenges, including the risk of inbreeding depression and the dilution of traditional performance metrics due to shifting aesthetic preferences in the show ring. By quantifying the exact statistical relationships between historical - genetic heritage and physical endurance, this paper aims to provide breeders and conservationists with an empirical framework to safeguard functional traits. Ultimately, preserving the athletic integrity of the Akhal - Teke ensures that its legendary evolutionary legacy continues to thrive in the modern equestrian world.

References

1. Ivanov, P. V. Genetics and Evolution of Central Asian Equine Breeds. Ashgabat: Ylym Publishing, 2018.

2. Klimova, N. A. The Akhal - Teke Horse: History, Breeding, and Performance. Saint - Petersburg: Lan Publishing, 2020.

3. Bekmetova, M. T. Physiological Adaptations of Desert - Adapted Animals. Tashkent: Fan and Technology, 2019.

4. Henderson, R. K. Equine Physiology and Exercise Science. London: Academic Press, 2021.

5. Saparov, K. G. The Historical Heritage of Turkmenistan’s Livestock Industry. Ashgabat: Turkmenistan National Press, 2017.

© Rahmanov B. Orazov Y. 2026

БОВА А.А.
обучающаяся Гуманитарно - педагогической академии (филиал)
ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского» в г. Ялте
Научный руководитель:
ВОЛОШИНА Т.А.
старший преподаватель кафедры музыкальной педагогики и исполнительства,
Гуманитарно - педагогическая академия (филиал)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Ялта, РФ

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ

Аннотация.
В статье проанализированы сущность и методы организации дистанционного обучения, раскрыты особенности применения электронных платформ для организации такой формы обучения в различных странах мира. Приведены результаты социологического мониторинга мнения обучающихся одного из университетов Республики Крым относительно организации учебного процесса и перехода на удалённый формат.

Ключевые слова.
Дистанционное обучение, дистанционное образование, Moodle, тьюториал, обучение в течение всей жизни, преимущества и недостатки дистанционного образования.

Дистанционно в России могут обучаться граждане, имеющие среднее, профессиональное, высшее образование, а также те, кто имеет возможность выполнять дистанционно необходимые задания с помощью образовательных технологий.

Цифровая трансформация, а также экономические, политические и социальные изменения, происходящие в мире, делают неизбежным реформирование образовательной сферы. В первую очередь это касается удовлетворения образовательных потребностей граждан на протяжении всей жизни и обеспечения равного доступа к профессиональной подготовке для всех, кто обладает необходимыми способностями и достаточным уровнем подготовки.

Наиболее эффективному решению вышеуказанных проблем способствует дистанционное обучение. Поэтому закономерным этапом адаптации образования к современным условиям является внедрение дистанционной формы обучения в образовательный процесс.

Дистанционное образование – это открытая система обучения, которая даёт свободу выбора места, времени и темпа обучения благодаря Интернету, который охватывает широкие слои общества и становится важным фактором развития. На

сегодняшний день полноценное развитие дистанционного обучения в России возможно лишь при наличии следующих компонентов: сформированной нормативно - правовой базы, сети аккредитованных учебных заведений, стабильного контингента студентов, квалифицированных преподавательских кадров, качественных учебных программ и курсов, современной материально - технической базы [2, с. 38]. Ключевой принцип удалённого обучения – это самостоятельное освоение студентом определённого объёма знаний и навыков по выбранному курсу с опорой на информационные технологии.

Многочисленные исследования подтверждают, что качество учебных курсов и уровень преподавания при дистанционном формате зачастую оказываются выше, чем в классической системе. Интерактивные инструменты, встроенные в программы и системы доставки контента, дают возможность выстроить эффективную обратную связь, обеспечить полноценный диалог и непрерывное сопровождение – то, чего обычно не хватает традиционному обучению. Качество дистанционного образования не уступает качеству очной формы обучения, поскольку предполагается введение специализированного контроля качества дистанционного образования на соответствие его образовательным стандартам [4, с. 16].

Дистанционное обучение – это поэтапный процесс организации системы профессиональной подготовки специалистов, который включает такие компоненты, как: цели и принципы внедрения, содержание и методы обучения, формы и средства обучения, при возможности реализации взаимосвязи студента и преподавателя. Характерными чертами дистанционного обучения являются: интерактивность обучения; гибкий график; модульный принцип; индивидуализация обучения; экономичность; информационная обеспеченность; параллельность (оно осуществляется одновременно с профессиональной деятельностью или с обучением по другому направлению подготовки).

Исследователи различают две формы дистанционного обучения: корреспондентскую и телекоммуникационную. При корреспондентской студент оказывается отделённым от преподавателя не только пространственно, но и во времени [1, с. 38]. Телекоммуникационная форма предполагает занятия с небольшими группами студентов, находящихся в разных местах, объединённых в сеть в режиме реального времени. В современной практике всё чаще используется гибридный формат, сочетающий элементы обеих форм.

Основные элементы, которые составляют дистанционное образование: постоянное удаление учителя и ученика; центральное участие формальной организации; использование телекоммуникационных технологий; обеспечение двусторонней связи. В процессе дистанционного образования ученик постоянно находится в центре внимания, при этом интерактивные телекоммуникационные системы активно используются для подключения учащихся, ресурсов и инструкторов. Дистанционное образование освобождает студента от необходимости поездки в «постоянное место, в определённое время, чтобы

встретиться с фиксированным лицом для обучения в результате технологического разделения на учителя и ученика».

Главной предпосылкой вхождения России в единое европейское образовательное пространство является внедрение кредитно - модульной системы организации учебного процесса, которая предусматривает усиление роли самостоятельной работы студентов. Наиболее эффективному решению указанных проблем способствует дистанционное обучение.

Дистанционное образование становится всё более актуальным [3, с. 125]. Количество тех, кто получит высшее образование в системе дистанционного образования, по прогнозам, будет расти. В настоящее время развитие дистанционных университетов – одна из возможностей получить образование. Примеры успешных проектов: Открытый университет (Великобритания) – более 2 миллионов человек из 157 стран мира получили диплом; Заочный университет (Германия) – в настоящее время обучается почти 100 тысяч студентов; Университет Народов (США) – обучаются около 20 тысяч студентов из почти 200 стран мира. В России дистанционные программы реализуют многие ведущие вузы, включая МГУ им. М.В. Ломоносова, НИУ ВШЭ, СПбГУ, а также университеты Крыма.

Moodle – это самый популярный бесплатный программный пакет с открытым кодом, который активно используется и в российских вузах, включая университеты Крыма. Учёные из Португалии проанализировали использование основных инструментов, доступных на платформе Moodle, в университете города Авейру. Анкетирование студентов позволило определить, что наиболее часто они обращались к рубрикам: «Загрузить материалы», «Новости», «Выполнить задание», «Тексты» и «Слайды» [5, с. 151]. Эти результаты совместимы с гипотезой, что платформа Moodle используется преимущественно как хранилище материалов и информации.

Переход российских университетов на дистанционное обучение – это вызов, который приносит образовательной системе множество проблем разного рода, но в то же время это возможность сделать российское образование более конкурентоспособным и качественным. Именно удалённый формат предоставляет студентам доступ к нетрадиционным информационным источникам и заметно повышает эффективность их самостоятельной работы.

Для Республики Крым развитие дистанционного обучения имеет дополнительное значение – оно позволяет нивелировать инфраструктурные различия между городами и сельской местностью, обеспечивая равный доступ к качественному образованию для всех жителей полуострова.

Среди положительных характеристик дистанционного обучения определим следующие: экстерриториальность; экономия на транспортных расходах; заинтересованность молодёжи пользованием современными информационными средствами; увеличение числа учащихся; доступность обучения; удобная система консультирования; демократические отношения между студентом и преподавателем; удобство для компаний и организаций в обучении своих сотрудников без отрыва от постоянной работы; индивидуальный темп обучения; новый статус преподавателя.

В фокусе дальнейших исследований остаются вопросы защиты интеллектуальной собственности преподавателей – разработчиков дистанционных

курсов, внедрение современных систем прокторинга (в том числе на основе искусственного интеллекта), а также регулярный мониторинг того, как работодатели оценивают уровень подготовки выпускников, прошедших обучение в дистанционном формате.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адольф, В. А. Становление профессиональной компетентности педагога / В. А. Адольф. – Текст: непосредственный // Сибирский педагогический журнал. – 2013. – № 5. – С. 38–41.

2. Варданян, Ю. В. Развитие профессиональной компетентности студента как субъекта педагогического общения в процессе изучения психологии / Ю. В. Варданян, Н. Н. Рузанкина. – Текст: непосредственный // Интеграция образования. – 2008. – № 4. – С. 38–44.

3. Вяликова, Г. С. Профессиональная компетентность современного учителя: учебное пособие / Г. С. Вяликова. – Коломна: Коломенский гос. пед. ин - т, 2008. – 125 с. – Текст: непосредственный.

4. Добудько, Т. В. Формирование профессиональной компетенции магистров педагогического образования по направлению «Информационные технологии в образовании» / Т. В. Добудько. – Текст: непосредственный // Самарский научный вестник. – 2012. – № 1. – С. 16–17.

5. Карапетова, И. Н. Цифровые образовательные технологии в обучении иностранному языку в высшей школе / И. Н. Карапетова, М. К. Харина. – Текст: непосредственный // Современная наука и инновации. – 2021. – Вып. 1. – С. 151 - 155.

© Бова А.А., 2026 г.

ЛИПЕНКО Л.О.
обучающийся Гуманитарно - педагогической академии (филиал)
ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского» в г. Ялте
Научный руководитель:
ВОЛОШИНА Т.А.
старший преподаватель кафедры музыкальной педагогики и исполнительства,
Гуманитарно - педагогическая академия (филиал)
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»,
г. Ялта, РФ

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИКТ КАК СРЕДСТВО ЭСТЕТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ УЧАЩИХСЯ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ НА УРОКАХ МУЗЫКИ

Аннотация.

В статье рассматриваются и обсуждаются проблемы музыкального образования, в частности использование педагогами в учебном процессе ИКТ (информационных

компьютерных технологий) на уроках музыки. В ней отражен практический опыт педагогов - музыкантов, работающих в системе общего образования, а также их экспериментальная деятельность (тестирование учащихся и педагогического состава). Освещены приемы и способы работы с ИКТ и ЭОР (электронными образовательными ресурсами) на уроках музыки. В использовании ИКТ отмечено повышение качества усвоения материала, повышение интереса к обучению. В статье автором рассмотрено использование современных методов и средств обучения детей в рамках общеобразовательной школы. Данные многофункциональные учебные заведения, имеют не только крупные, специфически профессиональные и просветительские цели, а и значительный воспитательный и образовательный потенциал. Они призваны дать учащимся общее музыкальное образование, воспитывать их эстетический вкус на лучших образцах мирового и отечественного искусства.

Ключевые слова.

Информационные коммуникативные технологии, эстетическое воспитание, музыкальное воспитание, электронные образовательные ресурсы, музыкальная деятельность.

В решении поставленных перед педагогическим образованием проблемных задач немаловажную роль играет курс музыкального воспитания как дисциплины, имеющий большое значение в профессиональном становлении будущего учителя начальных классов. Овладение студентами методикой музыкального воспитания предполагает осознание ими психолого - педагогических факторов художественного воздействия на ребенка, расширение специальных музыкальных знаний, ознакомление с алгоритмами организации музыкальной деятельности учащихся.

По нашему мнению, особая роль в эстетическом развитии принадлежит начальной школе, где закладывается фундамент подготовки к жизни, обеспечивают интеллектуальное, духовное и физическое становление особенности. В начальной школе у детей пробуждается интерес к искусству, происходит их вовлечение в музыку и художественную деятельность. Начальное звено образования призвано сформировать у учащихся целостное мировосприятие и мироощущение, обеспечить развитие эстетических идеалов и вкусов, чувство ответственности за сохранение культурного достояния общества.

Современный отечественный и зарубежный опыт обосновывает, что компьютер можно удачно использовать при исследовании разных учебных курсов, в частности, школьных дисциплин гуманитарно - эстетического цикла. С помощью игровых методов, используя возможности видео и аудио возможностей компьютера, появляются новые перспективы значительного повышения эффективности усвоения разнообразных знаний. [1, с. 36].

В основу компьютеризации обучения могут быть положены фундаментальные психолого - педагогические теории и концепции – П. Гальперина, Р. Гуревича, Д. Эльконина, Г. Костюка, Т. Кудрявцева, А. Матюшкина, Ю. Машбица, Н. Менчинской, Л. Проколиенко, Н. Тализиной. Исследователи внушительно доказывают, что в первую очередь во время обучения с использованием ИКТ необходимо обеспечивать усвоение содержания знаний (материала курса), способов его изучения (логические действия, операции, тип мышления и т.п.). Поэтому прежде всего, по их мнению, перед учителем следует ставить задачи по выделению и осознанию основных способов решения учебных задач, установлению соотношения между ними. Результатом такого обучения должен стать высокий уровень овладения материалом, когда учащийся усваивает существенные признаки и функции рассматриваемого объекта, может определить место каждого из них в наборе средств, четко представляет условия их применения [5, с. 44].

Целью статьи является изучение и исследование учебно - воспитательного потенциала использования ИКТ как средства эстетического развития учащихся начальных классов на уроках музыки.

Работа с компьютерными обучающими программами (КНП) на уроках информатики и музыки открывает перед учащимися возможности экспериментирования с электронными звуками. А выбор средств массовой информации для урока музыки, на котором применяются КНП, – вопросы педагогической и дидактической стратегии, личной компетенции и интереса к средствам, которыми будет пользоваться и учитель, и ученики [4, с. 78].

Следует помнить, что применение компьютера на уроках музыки в начальной школе определяется функциональными учебно - воспитательными резервами, которые заложены в компьютерной технике и компьютерных учебно - развивающих программах и обеспечивают:

– во - первых, получение детьми на уроке музыки интересной, доступной, яркой музыкально - теоретической информации, качественного наглядно - слухового аудио материала;

– во - вторых, возможность разнообразия спектра музыкально - творческих задач;

– в - третьих, реализацию индивидуального, дифференцированного подхода к каждому ученику начальной школы;

– в - четвертых, расширение диапазона коллективных, групповых форм музыкальной работы с включением кроме информационных технологий интерактивных методов обучения школьников.

Формы и методы использования ИКТ на уроках музыки, по нашему мнению, успешно совмещаются с новыми интерактивными технологиями обучения. В контексте использования ИКТ на уроках в начальных классах цель применения интеракций состоит в организации такого учебного диалога, когда каждый учащийся является равноценным партнером преподавателя. В результате ученик

приобретает не только необходимые знания, умения и навыки, формирует у себя значимые для современной жизни ценности и компетентности, но и учится отстаивать собственное мнение, аргументировать свою позицию во время дискуссии. Как результат, у него возникает потребность в новых знаниях. Так, например, на уроках музыки в начальных классах можно использовать такие интерактивные технологии «Прогнозирование», «Микрофон», «Мозговой штурм» с анализом - рефлексиями и анкетированием, групповую кооперативную форму «Гронирование», а также ролевые игры на компьютере, обсуждения в группах и т.д. Соучение и взаимообучение, создание атмосферы сотрудничества позволяет педагогу стать настоящим лидером детского коллектива, помогает найти эффективные приемы овладения музыкальным материалом с использованием компьютера, практически реализовать интересные варианты компьютерных музыкально - творческих задач.

По нашему мнению, можно выделить основные этапы формирования компьютерной компетентности педагогов - музыкантов:

Первый этап – информативный, по нашему мнению, заключается в ознакомлении педагогов - музыкантов с современным компьютерным программным обеспечением и практическим освоением возможностей глобальной информационной сети Интернет.

Второй этап – методически поисковый – должен учитывать квалификацию педагога - музыканта и прежде всего предусматривает его самоподготовку, которая включает:

– обретение общей компетенции по музыкально - теоретических дисциплин; усовершенствование знаний и практических умений по музыкально - педагогическим дисциплинам и по методике музыкального воспитания, включая овладение методикой использования компьютера на уроке музыки в начальной школе;

– разработка компьютерных дисковых фондов с записями произведений музыкального искусства, предусмотренных программой по музыке для начальной школы; подбор и комплектование аудиоматериалов и информационных блоков для использования на уроках музыки в процессе разных видов музыкальной деятельности детей;

Работая с мультимедийной учебной программой «Музыкальный класс», в частности, блок «музыкальная грамота», подбираются интересные упражнения для сольфеджирования и моделирования звуковысотного движения мелодии, задачи на овладение детьми нотной записи. С помощью компьютера учащиеся учатся выполняют тестовые музыкально - теоретические задания и разрабатывать на их основе собственные варианты музыкальных заданий для школьников, учится проводить слуховой анализ предложенного музыкального фрагмента и строить алгоритм такого анализа для использования в начальной школе;

Третий этап – творчески - практический – предполагает апробацию в применении компьютера и компьютерных учебно - развивающих программ на уроках музыки. На этом этапе следует практически апробировать свои методические находки, которые выкристаллизовались в процессе практических и лабораторных занятий [2, с. 135].

Четвертый этап – рефлексивно - оценочный характеризуется тем, что на этом этапе оцениваются полученные результаты в обучении. Особенность рефлексивно - оценочного этапа в обращении внимания на возникающие во время работы эмоциональные переживания и взаимоотношения между членами коллектива [3, с. 115].

Таким образом, использование художественной деятельности в эстетическом развитии младших школьников приобретает инновационное звучание, стимулирует познавательные и креативные способности детей, способность к творческому самовыражению и рефлексии, потребностям в художественно - творческой самореализации и духовном самосовершенствовании. Следовательно, следует отметить, что в условиях современного образования компьютер является безальтернативным инструментом подготовки учащихся. Информационное осовременивание и разнообразие форм и методов работы с младшими школьниками на уроках музыки будет способствовать развитию личности ученика, создавать надежную основу для образования и самообразования каждого ребенка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Быков, В.Ю. Инновационное развитие средств и технологий систем открытого образования / В.Ю. Быков // Современные информационные технологии и инновационные методики в подготовке специалистов: методология, теория, опыт, проблемы: сб. наук. стирать; выпуск 29 / редкол.: И.А. Зязюн (председатель) и др. – Киев - Винница ООО фирма "Планер", 2012. - С. 32 - 40.
2. Вдовичин, Т.Я. Применение технологий открытого образования для информатизации учебного процесса / Т.Я. Вдовичин, А.В. Яцишин // Информационные технологии в образовании: сб. наук. пр.; вып. 16. - Херсон: ХГУ, 2013. - С. 134 - 140.
3. Захарова, О.А. Открытые системы в дистанционном образовании / О.А. Захарова // Мир образования - образование в мире. – 2011. – № 2. – С. 111 - 116.
4. Мойсеев, В. Открытое образование: идеология формирования сети / В. Мойсеев // Высшее образование в России. – 2002. - № 6. – С. 78 - 83.
5. Огиенко, О.И. Тенденции развития образования взрослых в скандинавских странах (вторая половина XX века): автореф. дис. д - ра пед. наук: 13.00.01 / О.И. Огиенко. – 2009. – 44 с.

© Липенко Л.О., 2026 г.

Мажарцева А.К.
Старший преподаватель
ФГБОУ ВО «МИРЭА — Российский технологический университет», г.Москва, Россия
Гапоненко В.П.
ассистент
ФГБОУ ВО «Омский государственный медицинский университет», г.Омск, Россия

ЦИФРОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ В ЯЗЫКОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ НАУЧНО - ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ

Аннотация

В статье рассматривается проблема языковой поддержки научно - исследовательской работы студентов (НИРС) в техническом и медицинском вузе в условиях цифровизации. Обосновывается необходимость интеграции цифровых инструментов в курс английского языка для специальных целей (ESP) с целью подготовки студентов к написанию научных статей и тезисов. Предлагается классификация инструментов по этапам работы над научным текстом, а также выявляются риски и ограничения, связанные с академической честностью и качеством обратной связи.

Ключевые слова

НИРС, ESP, цифровые инструменты, искусственный интеллект, научная коммуникация, технический вуз, медицинский вуз.

Введение. Цифровая трансформация научной деятельности предъявляет новые требования к языковой подготовке студентов неязыковых направлений. Публикационная активность, участие в международных конференциях, работа с зарубежными источниками — всё это предполагает владение английским языком на уровне, достаточном для полноценной научной коммуникации. Однако практика показывает разрыв между содержанием курса ESP и реальными задачами, которые встают перед студентом при написании статьи или тезисов [1, с.327]. Цель настоящей статьи - обосновать и описать систему языковой поддержки НИРС средствами цифровых инструментов.

НИРС как объект языковой подготовки. Научно - исследовательская работа студентов часто реализуется в формате научной статьи или тезисов. Для тезисов критичны лаконичность, точность формулировок и умение сжать мысль до нескольких предложений. Для статьи - академическая лексика, корректное цитирование и связность текста. Специфика технического и медицинского профиля усиливает эти требования. Медицинская терминология имеет латинские корни и строгие условия употребления, тогда как техническая лексика часто нестабильна и зависит от быстро меняющейся предметной области [2, с.99]. В обоих случаях

студент должен не просто знать слова, но и понимать, как они функционируют в научном дискурсе.

Обзор цифровых инструментов. Современный арсенал цифровых средств, применимых к обучению академическому письму, можно условно разделить на несколько групп [3, с.8]. Корпусные инструменты (AntConc, Lextutor, COCA, Sketch Engine) позволяют работать с терминологией и контекстом её употребления [4 - 7]. ИИ - ассистенты (ChatGPT, Gemini, Claude) используются для генерации идей, обратной связи и редактирования [8 - 10]. Инструменты проверки (Grammarly, Hemingway Editor, QuillBot) отвечают за грамматику и стиль [11 - 13]. Справочно - академические ресурсы (Manchester Academic Phrasebank, MICUSP) дают готовые фразеологические модели для разных секций статьи [14 - 15]. Наконец, инструменты работы с источниками (Scispace, Litmaps, ScholarAI) помогают на этапе поиска и анализа литературы [16 - 18]. Понимание точки приложения позволяет преподавателю не просто рекомендовать сервисы, а встраивать их в последовательность учебных заданий. Основные риски связаны с академической честностью и качеством обратной связи от нейросети.

Заключение. Цифровые инструменты не заменяют преподавателя, а расширяют возможности языковой поддержки НИРС. Их эффективность определяется методически обоснованным отбором и поэтапным введением в учебный процесс. Перспективы дальнейшей работы связаны с разработкой критериев оценки цифровой языковой компетенции и исследованием долгосрочного влияния ИИ - инструментов на качество научных текстов студентов.

Список использованной литературы

1. Boudaoud, R. Bridging the Gap Between ESP Training and Scientific Communication Needs: Evidence from Biotechnology Researchers / R. Boudaoud // Atras Journal. – 2026. – Vol. 7, № 2. – P. 321–335.
2. Mićić, S. Features of Language for Scientific and Technical Purposes / S. Mićić // Stomatološki glasnik Srbije. – 2003. – Vol. 50, № 2. – P. 97–101. – DOI 10.2298 / SGS0302097M.
3. Corpora and Artificial Intelligence for Academic Students / P. T. Pinto, B. Curti - Contessoto, C. T. de Carvalho [et al.]. – São Paulo: Letraria, 2024. – ISBN 978 - 65 - 5434 - 106 - 6. – DOI 10.1016 / j.esp.2023.10.003.
4. AntConc. – URL: https: // www.laurenceanthony.net / software / antconc /
5. Lextutor: Complete Lexical Tutor. – URL: https: // www.lextutor.ca /
6. COCA / Mark Davies. – URL: https: // www.english - corpora.org / coca /
7. Sketch Engine. – URL: https: // www.sketchengine.eu /
8. ChatGPT. – URL: https: // chatgpt.com /
9. Gemini: ИИ - ассистент. – URL: https: // gemini.google.com /
10. Claude:ИИ - ассистент. – URL: https: // claude.ai /
11. Grammarly. – URL: https: // www.grammarly.com /
12. Hemingway Editor. – URL: https: // hemingwayapp.com /

13. QuillBot. – URL: https: // quillbot.com /
14. MAP. – URL: https: // www.phrasebank.manchester.ac.uk /
15. MICUSP. – URL: http: // micusp.elicorpora.info /
16. SciSpace. – URL: https: // scispace.com /
17. Litmaps. – URL: https: // www.litmaps.com /
18. ScholarAI. - URL: https: // scholarai.io /

© Мажарцева А. К., Гапоненко В.П., 2026

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

POLITICAL SCIENCE

Каюпова Ф. М.
Магистр социальных наук
Докторант по направлению ОП 8D03107 –
Дипломатия и менеджмент в этнополитике
Старший преподаватель кафедры
«Социально - политические дисциплины и международные отношения»
Место учебы: Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева,
Астана, Казахстан
Место работы: Yessenov University
Актау, Казахстан

ПРОАКТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ: РОЛЬ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ФОРМИРОВАНИИ НОВЫХ МЕТОДОВ

Аннотация. В современной политической науке наблюдается необходимость переосмысления традиционных методов исследования в условиях стремительного развития цифровых технологий. Актуальность данной темы обусловлена тем, что цифровая трансформация открывает новые возможности для получения, анализа и интерпретации политической информации, а также для прогнозирования и реагирования на политические процессы. В данной статье рассматриваются основные концептуальные основы проактивных стратегий в контексте политических исследований, подчеркивается их роль в повышении оперативности, точности и эффективности анализа политической ситуации. Особое внимание уделяется роли современных цифровых инструментов и технологий. Анализируются преимущества внедрения проактивных подходов, позволяющих предвидеть политические события и своевременно реагировать на вызовы современности, а также рассматриваются вызовы и перспективы их реализации. В статье обоснована необходимость активного внедрения цифровых технологий в научную практику для повышения качества и актуальности политических исследований в условиях быстро меняющейся информационной среды.

Ключевые слова: проактивные стратегии, цифровые технологии, политические исследования, новые методы, большие данные

Актуальность темы обусловлена быстрым развитием цифровых технологий, которые кардинально меняют подходы к проведению политических исследований. В условиях информационной насыщенности и высокой динамичности политических процессов использование проактивных стратегий и современных цифровых инструментов становится необходимым для своевременного анализа, прогнозирования и реагирования на политические вызовы. Это позволяет повысить эффективность и точность исследований, а также адаптироваться к быстро меняющейся информационной среде.

Цель работы — определить роль современных цифровых технологий в проведении политических исследований и выявить их влияние на качество анализа. В ходе исследования использовались **методы** анализа литературы, сравнения различных подходов и наблюдения за практическим применением технологий. Такой подход позволил получить объективные выводы о преимуществах и ограничениях цифровых инструментов в политической сфере.

Результаты исследования показывают, что использование современных цифровых технологий существенно повышает эффективность проведения политических и социальных исследований. В ходе анализа было выявлено, что внедрение автоматизированных систем обработки данных и аналитических инструментов позволяет ускорить сбор и анализ информации, что особенно важно в условиях быстроменяющейся цифровой среды. Обзор существующих исследований подтверждает, что мультимодальные модели выявления языка вражды, такие как те, что разработаны Джони Салминеном и коллегами, показывают высокую эффективность при анализе масштабных массивов пользовательского контента [1]. Важную роль играет использование объясняющего искусственного интеллекта (XAI), разработанного Х.Мехтой и К. Пасси, который позволяет понять механизмы принятия решений алгоритмами и повысить доверие к автоматическим системам анализа [2].

Также современные подходы включают стандартизированные тесты и контрольные наборы данных, такие как HateXplain, что способствует более точной идентификации контента, провоцирующего конфликты [3]. Эти исследования подтверждают необходимость перехода к аналитическим моделям, основанным на вычислительных и прогностических технологиях, обеспечивающих мониторинг социальных процессов в реальном времени. В целом, результаты демонстрируют, что интеграция данных методов и инструментов позволяет не только повысить качество анализа, но и своевременно реагировать на трансформации этносоциальных процессов, что является важным аспектом современных политических и социальных исследований.

Выводы: Использование современных цифровых технологий и передовых аналитических моделей существенно повышает эффективность исследований в области политики и общества. Эти инструменты позволяют ускорить сбор и обработку данных, обеспечивают более точное выявление опасных тенденций и конфликтных ситуаций, а также способствуют более своевременному реагированию на изменения в обществе. В целом, интеграция современных технологий в исследовательскую практику открывает новые возможности для более глубокого понимания и эффективного управления межгрупповыми и социальными процессами.

Список использованной литературы:

1. Salminen, J., Hopf, M., Chowdhury, S.A., et al. (2020). Developing an online hate classifier for multiple social media platforms. *Human - Centric Computing and Information Sciences*, 10, Article 1. https: // doi.org / 10.1186 / s13673 - 019 - 0205 - 6

2. Mehta, H., & Passi, K. (2022). Social Media Hate Speech Detection Using Explainable Artificial Intelligence (XAI). Algorithms, 15(8), 291. https: // doi.org / 10.3390 / a15080291

3. Mathew, B., Saha, P., Yimam, S. M., Biemann, C., Goyal, P., & Mukherjee, A. (2021). HateXplain: A Benchmark Dataset for Explainable Hate Speech Detection. Proceedings of the AAAI Conference on Artificial Intelligence, 35(17), 14867–14875. https: // doi.org / 10.1609 / aaai.v35i17.17745

© Каюпова Ф.М., 2026

Монгуш М.Ч.
Студент
Научный руководитель Николенко А.А.
к.п.н. профессор
ВВГУ "Владивостокский государственный университет"

ПРОБЛЕМА СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В 21 ВЕКЕ

Аннотация: В статье исследуются актуальные проблемы соблюдения прав человека в XXI веке в условиях глобальных кризисов, экономической нестабильности и геополитической напряженности. Рассматриваются особенности трансформации международных и национальных механизмов защиты прав человека, анализируются противоречия между международными обязательствами государств и принципом государственного суверенитета. На основе проведенного исследования предложены направления совершенствования национальной системы защиты прав человека посредством развития института омбудсмена, усиления роли общественных советов и оптимизации административных процедур.

Ключевые слова: права человека, защита прав человека, государственный суверенитет, социально - экономические права, уязвимые группы населения, омбудсмен, административные процедуры, международное право.

Mongush M.C.
Scientific adviser: Nikolenko A.A.

THE PROBLEM OF HUMAN RIGHTS PROTECTION IN THE 21ST CENTURY

Abstract: The article examines current challenges to the protection of human rights in the twenty - first century under conditions of global crises, economic instability, and geopolitical tensions. It analyzes the transformation of international and national human rights protection mechanisms, as well as the contradictions between states' international obligations and the principle of state sovereignty. Based on the conducted research, the

paper proposes measures to improve the national human rights protection system through the development of the ombudsman institution, strengthening the role of public councils, and optimizing administrative procedures.

Keywords: human rights, human rights protection, state sovereignty, socio - economic rights, vulnerable groups, administrative procedures, international law.

ВВЕДЕНИЕ

Вторая половина 2010 - х и первая половина 2020 - х годов ознаменовались серией глобальных кризисов, которые вскрыли глубокие противоречия между декларируемыми универсальными стандартами прав человека и их фактической реализацией. Экономическая нестабильность, вызванная пандемией и геополитической напряженностью, в сочетании с региональными конфликтами привела к тому, что наиболее уязвимые группы населения — вынужденные переселенцы, малообеспеченные слои и национальные меньшинства — оказались в ситуации, когда их базовые права, включая право на жизнь, свободу от дискриминации и доступ к социальным гарантиям, систематически нарушаются. Данный разрыв между формальными нормами и практикой их применения составляет центральную проблему современного правозащитного дискурса, требующую критического переосмысления.

В 2020 - е годы правозащитная система столкнулась с беспрецедентной фрагментацией классических институтов, таких как ООН и Европейский суд по правам человека, чья эффективность снижается под давлением новых вызовов. Принудительные санкции, климатическая миграция и углубляющееся неравенство требуют пересмотра традиционных инструментов защиты, которые оказались недостаточно гибкими для реагирования на современные реалии. Для России особую актуальность приобретает обеспечение социально - экономических и культурных прав в условиях внешних ограничений, что напрямую связано с конституционным приоритетом социального государства и требует поиска новых механизмов, способных гарантировать достойный уровень жизни всем гражданам.

Цель настоящего исследования заключается в разработке аналитической модели оценки соблюдения прав человека, применимой для стран с переходной экономикой и высокой международной напряженностью. На примере анализа ситуации в отдельных регионах, с акцентом на право на достаточный уровень жизни и недискриминацию, предполагается выявить ключевые факторы, препятствующие реализации прав, и предложить пути их преодоления. Такая модель позволит не только диагностировать текущее состояние, но и прогнозировать возможные риски, что особенно важно в условиях динамично меняющейся геополитической обстановки.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд взаимосвязанных задач. Во - первых, провести анализ действующих международных и российских нормативных актов в сфере прав человека с акцентом на право на достаточный уровень жизни и недискриминацию. Во - вторых, выявить основные практические

нарушения и пробелы в реализации этих прав для уязвимых категорий граждан, таких как вынужденные переселенцы, малоимущие и жители депрессивных регионов, на основе данных за 2020 - 2024 годы. В - третьих, предложить практические рекомендации по совершенствованию механизмов защиты прав человека на национальном уровне с учетом текущих геополитических реалий, что позволит перейти от констатации проблем к поиску конструктивных решений.

ГЛАВА 1 НОРМАТИВНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРАВ

1.1. Эволюция конституционных гарантий социального государства в условиях внешних ограничений

Внешние санкционные ограничения оказывают существенное давление на финансово - экономическую основу социального государства, порождая фундаментальное противоречие между закрепленными в Конституции обязательствами по обеспечению социальных прав и реальной ресурсной базой. Стремление сохранить финансовый суверенитет в условиях ограничений приводит к перераспределению бюджетных средств, что неизбежно сказывается на возможностях государства выполнять свои социальные функции. Как отмечается в исследованиях, «Таким образом, финансовый суверенитет, достигнутый в «защитном» аспекте, создает внутренние вызовы для «развивающего» аспекта, и эти вызовы напрямую отражаются на качестве жизни граждан через инфляцию и дорогие кредиты» [1, с.1050]. Таким образом, ресурсные ограничения ставят под вопрос полноценную реализацию конституционных гарантий социального обеспечения.

Для преодоления негативных последствий внешних шоков государство использует механизмы правового регулирования, которые допускают временные отступления от стандартных процедур социального обеспечения, однако при этом сохраняется базовый уровень защиты граждан. Такая адаптация проявляется в оперативном внесении изменений в нормативные акты, регулирующие порядок предоставления социальных выплат и услуг. Исследователи отмечают, что «Результатом исследования явилась констатация нынешнего высокого уровня адаптации применимых норм права в области осуществления гражданских прав на конкретных примерах действующим социально - правовым реалиям, в связи с чем, сделан вывод о гибкости российской правовой основы и высокой степени проработанности нормативной регламентации механизма осуществления гражданских прав» [7, с.173]. Данная гибкость позволяет оперативно реагировать на изменяющиеся условия, не отказываясь от конституционных принципов социальной защиты.

Важным аспектом эволюции конституционных гарантий становится формирование правовых конструкций, направленных на перераспределение социальных обязательств между федеральным центром, регионами и внебюджетными фондами. Такое перераспределение изменяет сложившуюся структуру конституционных гарантий, поскольку часть функций передается на уровень субъектов Федерации или специализированным институтам. В результате

меняется не только объем ответственности каждого уровня власти, но и механизмы финансирования социальных программ. Подобная трансформация требует постоянного мониторинга со стороны правозащитных органов для предотвращения снижения уровня защиты граждан.

1.2. Динамика международных обязательств и национального суверенитета в сфере прав человека

Взаимодействие универсальных стандартов и государственного суверенитета образует центральное противоречие современного международного права. «Основная особенность международной системы состоит в том, что она формируется на добровольной основе самими участниками международных отношений, то есть самими государствами. В свою очередь государства по своей воле передают определенную в уставах таких организаций власть над государствами - участницами в части принятых последними на себя по собственной воле международных обязательств» [2, с.133]. Именно эта добровольная основа закрепляет за каждым государством право на отказ от имплементации отдельных норм, если они противоречат конституционным ценностям, рассматриваемым в качестве фундаментальных. В результате возникает коллизия между формально признанными обязательствами и национальной правовой идентичностью, где суверенное право государства становится барьером на пути универсализации правозащитных стандартов.

Согласование наднациональных обязательств с национальным правопорядком осуществляется через специальные правовые инструменты, среди которых выделяются оговорки к международным договорам и доктрина конституционной идентичности. Оговорки позволяют государству заявить об исключении или изменении действия отдельных положений договора на своей территории, что признается международным правом как реализация суверенной воли. Доктрина конституционной идентичности, в свою очередь, служит внутренним механизмом защиты основополагающих принципов национального права от потенциально конфликтующих с ними международных предписаний. Таким образом, данные инструменты формируют правовой канал, через который государство адаптирует внешние нормы к своей правовой системе, создавая возможность для частичного, а не полного восприятия универсальных стандартов.

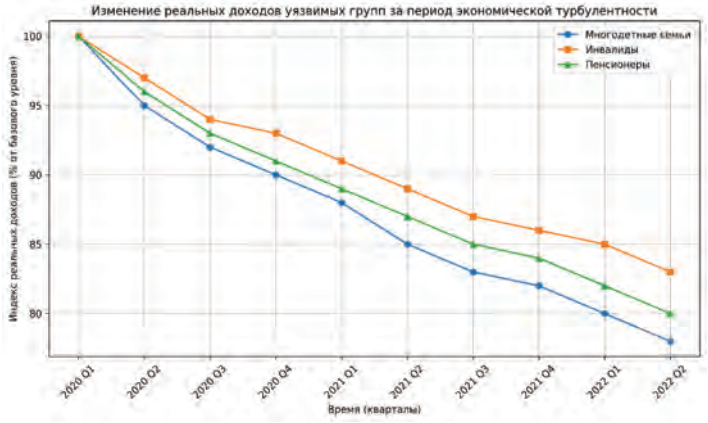
Избирательное восприятие международных стандартов влечет за собой формирование дифференцированного режима защиты прав человека, при котором различие между категориями прав становится особенно заметным. Одни права, например, политические и гражданские, могут реализовываться в полном объеме, если их содержание совпадает с национальными конституционными положениями. Другие права, особенно социально - экономические, нередко ограничиваются или корректируются с учетом национальной безопасности, экономических возможностей или культурных традиций. Подобная селективность не только создает неравенство в уровне защиты разных групп прав, но и порождает

правовую неопределенность для граждан, которые не могут быть уверены в полной применимости международных обязательств на национальном уровне.

ГЛАВА 2 КРИЗИС ПРАВОЗАЩИТНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ

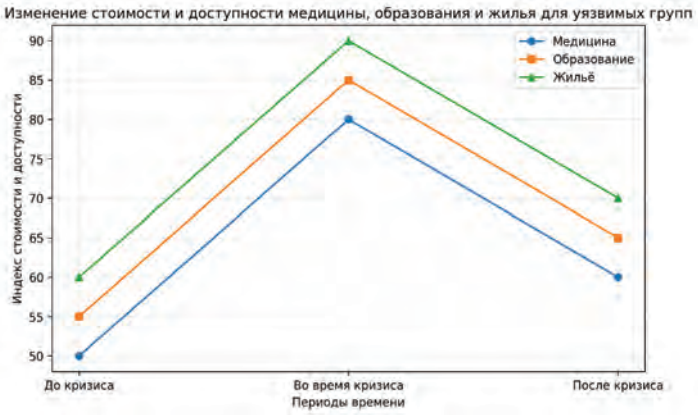
2.1. Социально - экономические барьеры для уязвимых групп в условиях экономической турбулентности

В условиях экономической турбулентности, проявляющейся в кризисных явлениях, высокой инфляции и стагнации, наиболее ощутимый удар приходится по реальным доходам уязвимых слоев населения. Многодетные семьи, инвалиды и пенсионеры, чьи доходы и без того невелики, сталкиваются с обесцениванием сбережений и пособий, что напрямую ограничивает их доступ к базовым благам и услугам. Как отмечается в исследованиях, «инфляция выступает в роли квазиналога, через который население и бизнес оплачивают издержки структурной трансформации» [1, с.1051], что особенно болезненно для тех, кто не имеет возможности компенсировать потери дополнительными заработками. Сокращение покупательной способности влечет за собой вынужденную экономию на питании, лекарствах и коммунальных платежах, что усугубляет и без того сложное положение этих групп. Статистические данные показывают, что «рост средних показателей доходов и снижение бедности маскируют усиление неравенства и зависимость благополучия значительной части населения от государственных трансфертов» [1, с.1051]. Таким образом, формальные гарантии социальной поддержки не компенсируют реального падения уровня жизни, создавая лишь иллюзию стабильности для наиболее незащищенных категорий граждан.

Одновременно с падением доходов происходит стремительный рост стоимости и снижение доступности критически важных благ и услуг, таких как медицинская помощь, качественное образование и жилье. В периоды кризиса социальное неравенство многократно усиливается, поскольку именно уязвимые группы первыми теряют возможность пользоваться платными медицинскими услугами или

оплачивать репетиторов для детей. Кроме того, «высокая ключевая ставка, как инструмент борьбы с инфляцией, ограничивает доступность кредитных ресурсов, в первую очередь ипотеки, что затрудняет решение жилищного вопроса для многих семей» [1, с.1051]. В результате формальное право на жилье, на доступ к образованию и здравоохранению остается для части граждан лишь декларацией, не подкрепленной экономическими возможностями.

Системы социальной защиты, призванные смягчать последствия кризисов, в периоды нестабильности зачастую не успевают адекватно реагировать на стремительно меняющиеся условия. Механизмы индексации пособий и пенсий отстают от темпов инфляции, а критерии нуждаемости не учитывают резкого ухудшения положения семей, которые ранее считались благополучными. Как следствие, проявляются пробелы в адресности и достаточности государственной поддержки: помощь может не доходить до наиболее пострадавших групп либо оказываться в объеме, неспособном компенсировать возросшие расходы. Такая инерционность социальной политики в условиях экономической турбулентности превращает конституционные гарантии социального государства в формальные обещания, не обеспеченные реальными ресурсами.

2.2. Анализ лакун в обеспечении прав вынужденных переселенцев и жителей депрессивных регионов РФ

Категория вынужденных переселенцев, включающая лиц, покинувших места постоянного проживания вследствие вооруженных конфликтов, экологических катастроф или иных чрезвычайных ситуаций, сталкивается с комплексом административных и социально - экономических барьеров, которые порождают длительные периоды правовой неопределенности. Первоочередной проблемой является получение официального статуса, который зачастую сопряжен с бюрократическими проволочками, несовершенством нормативной базы и отсутствием единых критериев оценки обстоятельств вынужденного перемещения.

Это влечет за собой трудности с регистрацией по месту жительства, что, в свою очередь, блокирует доступ к формальным институтам рынка труда, жилищным программам и системе обязательного медицинского страхования, создавая порочный круг исключения из сферы социальных гарантий. Правовая неопределенность усугубляется тем, что даже после получения статуса вынужденные переселенцы нередко сталкиваются с дискриминационными практиками при найме на работу, обусловленными стереотипами работодателей или отсутствием механизмов подтверждения квалификации, полученной в иных условиях. «По сей день существуют различные нарушения прав и свобод человека, произвольное использование власти должностными лицами и многие другие нарушения прав и свобод населения» [2, с.134], что подтверждает системный характер данных проблем. В результате, значительная часть вынужденных переселенцев оказывается в зоне неформальной занятости, лишенной социальных гарантий, что закрепляет их уязвимое положение и препятствует интеграции в принимающее сообщество.

Жители депрессивных регионов, к которым относятся моногорода с угасающей градообразующей промышленностью, районы Крайнего Севера с оттоком населения и сельская периферия, испытывают ограничения в реализации целого спектра конституционных прав, прежде всего — права на труд и достойный уровень жизни. Отсутствие рабочих мест в таких локациях, обусловленное структурной перестройкой экономики и закрытием нерентабельных производств, приводит к вынужденной миграции или застойной безработице, что подрывает экономическую основу существования. «Политика суверенизации, концентрируя ресурсы в определенных отраслях и регионах, приводит к формированию «островов благополучия» на фоне стагнации или более медленного роста в других сегментах экономики» [1], что усугубляет территориальную поляризацию и лишает жителей периферии равных возможностей.

Системные лакуны в правовом регулировании и правоприменительной практике, выявленные при анализе положения вынужденных переселенцев и жителей депрессивных регионов, демонстрируют разрыв между формальными конституционными гарантиями и реальным уровнем жизни этих категорий граждан. «Экономический рост, обусловленный государственными вливаниями, носит избирательный характер, что приводит к углублению межотраслевого и межрегионального неравенства» [1], что напрямую коррелирует с недостаточностью существующих механизмов перераспределения ресурсов и социальной поддержки. Данное положение дел требует не просто совершенствования законодательных норм, но и разработки институциональных механизмов, способных обеспечить адресную защиту прав наиболее уязвимых групп населения, преодолевая инерцию сложившихся диспропорций.

ГЛАВА 3 МЕХАНИЗМЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ

3.1. Оптимизация институтов омбудсмена и общественных советов в текущих геополитических реалиях

В условиях эскалации геополитической напряженности институт омбудсмена приобретает особое значение как гарант соблюдения прав граждан, что диктует

необходимость пересмотра его полномочий и статуса. Как отмечается в научной литературе, «во времена международной нестабильности, как известно, наиболее хрупкими являются институты прав и свобод человека» [2, с.133], что делает уполномоченного по правам человека ключевым звеном в защите граждан от возможных административных злоупотреблений. Для эффективного противостояния данным рискам требуется законодательное закрепление дополнительных рычагов влияния, включая право оперативного реагирования на нарушения и расширенный доступ к информации ограниченного распространения. Только при условии реальной независимости от исполнительной власти омбудсмен способен выступать действенным противовесом в механизме сдержек и противовесов. Первый шаг к повышению эффективности института состоит в наделении Уполномоченного по правам человека правом законодательной инициативы по вопросам, непосредственно связанным с защитой прав граждан, что позволит оперативно устранять пробелы в правовом регулировании. Кроме того, необходимо усилить институциональную автономию региональных омбудсменов посредством введения механизма их независимого назначения при участии общественных палат и квалификационных комиссий. Такой подход минимизирует риск превращения правозащитных органов в придаток государственной бюрократии, ориентированный исключительно на интересы ведомств. В конечном счете расширение полномочий и обеспечение независимости омбудсмена создают фундамент для устойчивой правовой защиты граждан в условиях внешнего давления.

Общественные советы при органах власти представляют собой важный инструмент гражданского контроля, однако их практическая отдача часто ограничена из - за декларативного характера принимаемых решений. Для преодоления данной проблемы требуется сместить акцент с формального согласования позиций на реальное участие в выработке правозащитных стратегий, что предполагает внедрение механизмов обязательного учета рекомендаций советов при принятии нормативных актов. Как справедливо указывают исследователи, «деятельность многосторонних организаций должна обрести демократический характер – с обязательным подключением институтов гражданского общества, а не только государственных структур» [5, с.123]. При этом, согласно позиции ряда экспертов, «если нет сильного общественного мнения, конституционные гарантии и судебный контроль становятся критически важными для граждан» [14, с.18]; следовательно, усиление влияния общественных советов через публичную отчетность и независимую экспертизу может компенсировать слабость иных механизмов защиты.

3.2. Перспективы укрепления правовой устойчивости граждан через совершенствование административных процедур

Административные барьеры представляют собой многообразные процедурные, организационные и информационные препятствия, возникающие при взаимодействии граждан с государственными органами. Типология таких барьеров

включает избыточные требования к документам, длительные сроки рассмотрения заявлений, сложность обжалования решений и недостаточную информированность заявителей о порядке действий. Совокупное воздействие данных факторов существенно снижает доступность правосудия, особенно для социально уязвимых категорий населения, вынуждая их отказываться от защиты своих прав ввиду непомерных временных и финансовых затрат.

Одним из приоритетных направлений преодоления административных барьеров является совершенствование процедур оказания бесплатной правовой помощи, которое должно включать упрощение порядка подачи заявлений и сокращение сроков их рассмотрения. Как отмечается в литературе, «низкий уровень правосознания и правовой грамотности приводит к таким фактам, как несоблюдение конституционных прав и свобод личности; принятие «некачественных» законов; несоблюдение государственными органами, должностными лицами установленных государством предписаний» [12]. Следовательно, упрощение доступа к квалифицированной юридической помощи способно компенсировать дефицит правовой культуры и повысить эффективность защиты прав граждан.

Внедрение стандартов прозрачности и подотчетности в административные процессы выступает важнейшим фактором укрепления правовой устойчивости граждан, поскольку обеспечивает реальную реализацию провозглашенных прав. В данном контексте справедливо утверждение, что «демократическая легитимность права возможна не только тогда, когда нормы существуют де - юре, то есть юридически, но и де - факто, то есть когда они реализуются и принимаются. Позитивность закона является выражением легитимной воли, основанной на рациональном и автономном участии граждан» [14]. Таким образом, создание открытых и контролируемых административных процедур способствует переходу от формального декларирования прав к их действительному обеспечению, что является основой правовой устойчивости.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование подтвердило наличие устойчивого разрыва между формально закрепленными стандартами прав человека и их фактической реализацией, что особенно остро проявляется для уязвимых групп населения в условиях санкционного давления и региональных кризисов. Анализ нормативной трансформации, выполненный в первой главе, показал, что адаптация конституционных гарантий социального государства к внешним ограничениям нередко сопровождается противоречиями между международными обязательствами и принципом государственного суверенитета. Эти противоречия создают правовой фундамент, на котором впоследствии формируются системные пробелы в обеспечении прав конкретных категорий граждан. Вторая глава исследования была посвящена кризису правозащитной реализации, который подтвердил наличие значительных социально - экономических барьеров для вынужденных переселенцев, малоимущих и жителей депрессивных регионов. Систематизация данных позволила выявить разрыв между формальными

гарантиями, закрепленными в национальных и международных актах, и фактическим уровнем жизни указанных категорий. Таким образом, основной вывод работы состоит в том, что в условиях турбулентности формальные нормы перестают быть достаточным инструментом защиты, требуя пересмотра подходов к их реализации.

Преодоление выявленных барьеров требует усиления национальных механизмов защиты прав человека через институциональную адаптацию и адресные социальные политики, учитывающие текущие геополитические реалии. В третьей главе были проанализированы возможности оптимизации работы институтов омбудсмена и общественных советов, а также предложены пути совершенствования административных процедур. Данные меры направлены на минимизацию бюрократических препятствий и повышение доступности правовой помощи для уязвимых групп, что подтверждает необходимость адаптации институциональной среды к новым вызовам. Разработанные в ходе исследования практические рекомендации ориентированы на укрепление правозащитного потенциала государства в условиях внешних ограничений и внутренних социально - экономических дисбалансов. Особое внимание уделено обеспечению социально - экономических и культурных прав, что прямо связано с конституционным приоритетом социального государства. В итоге можно констатировать, что эффективная защита прав человека в современных условиях возможна лишь при условии гибкой адаптации национальных институтов и политик к изменяющейся геополитической обстановке, без отрыва от базовых международных стандартов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дохолян С. В. Экономический суверенитет и качество жизни в современной России (2014–2024): диалектика взаимосвязи и социальные эффекты // Экономика и управление. — 2025. — №8. — С. 1040–1054.

2. Е.В. Медведева ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ // КиберЛенинка. — 2022. — С. 132–135.

3. Кушнарев К.А. Трансформация циклов Кузнеца в постсоциалистических государствах. Соотношение цикла Кузнеца с экономическим ростом // Научные труды Вольного экономического общества России. — 2020. — №4. — С. 541–553.

4. Леньшин Артем Александрович Реализация принципа о ликвидации дискриминации в области труда и занятий в государствах ЕАЭС // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2017. — С. 241–246.

5. Лушников Дмитрий А., Барсукова Татьяна И. ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ ПРАВАМ И СВОБОДАМ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО И СОЦИАЛЬНОГО КРИЗИСА // Историческая и социально - образовательная мысль. — 2016. — С. 121–126.

6. Маличенко Владислав Сергеевич, Гаджиева Альбина Омаровна Доступ к технологиям здравоохранения в условиях санкций и односторонних ограничительных мер // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations. — 2023. — №3. — С. 27–41.

7. Мицык Анна Владимировна К ВОПРОСУ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ НЕДРУЖЕСТВЕННЫХ СТРАН // Право и практика. — 2024. — №1. — С. 173–177.

8. Насырова С. И. Развитие человеко - ориентированной экономики в России: методика оценки // Экономика и управление. — 2024. — №9. — С. 1039–1055.

9. Нурисламов А.Ф., Кадикова А.А. ОБЕСПЕЧЕНИЕ И ЗАЩИТА ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. — 2021. — С. 132–135.

10. Пономарева Карина Александровна Реализация принципа запрета дискриминации в правоприменительной практике интеграционных объединений // Правоприменение. — 2018. — №3. — С. 78–88.

11. С.Н. Ревина, Д.Г. Багдасарян, М.А. Спиридонова ЗАЩИТА ПРАВ ЧАСТНЫХ ЛИЦ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ НОРМ ПРАВА ЕАЭС В СФЕРЕ ТАМОЖЕННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ // КиберЛенинка. — 2022. — С. 155–157.

12. Тошев А.М., Боуш К.С. Проблемы и перспективы реализации социально - экономических прав в Республике Таджикистан. Опыт конституционной модели Российской Федерации // Юридическая наука и правоохранительная практика. — 2016. — С. 31–38.

13. Хажеева Мария Алексеевна Сравнительные методики оценки благосостояния населения на уровне мировой экономики // Вестник евразийской науки. — 2013. — С. 108–108.

14. Ярар М. Конституционные гарантии в странах Центральной Азии: основные гражданские права и свободы де - юре и их фактическое положение // Право и политика. — 2025. — №4. — С. 16–28.

© Монгуш М.М. 2026

Уланова М. К.
студентка 2 курса
Ульяновский государственный технический университет
г. Ульяновск, Россия
Научный руководитель: Розанов Ф.И.
кандидат философских наук, доцент
доцент кафедры философии
Ульяновский государственный технический университет
г. Ульяновск, Россия

ТРАДИЦИОННЫЕ ДУХОВНО - НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ОСНОВА СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Аннотация

В статье анализируется закрепление традиционных духовно - нравственных ценностей в системе современной российской государственности. На материале

Указа Президента РФ № 809, статьи 67.1 Конституции РФ и данных опросов ВЦИОМ сопоставлены официально закреплённый перечень ценностей и реальные ценностные установки граждан, в первую очередь молодёжи. Сделан вывод о необходимости системной просветительской работы для их усвоения.

Ключевые слова

российская государственность, традиционные ценности, гражданская идентичность, историческая память, суверенитет, государственная политика, молодёжь

За последнее десятилетие тема традиционных ценностей перестала быть предметом исключительно философских дискуссий и заняла место в системе стратегического планирования Российской Федерации. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 закрепил традиционные духовно - нравственные ценности как национальный приоритет обеспечения безопасности страны, а поправка 2020 г. к Конституции РФ дополнила Основной закон статьёй 67.1 об исторической памяти и преемственности государства. Параллельно с этим с сентября 2023 г. во всех российских вузах введена дисциплина «Основы российской государственности», третий модуль которой прямо посвящён мировоззрению и ценностям российской цивилизации. Таким образом, вопрос о содержании и месте традиционных ценностей в структуре современной российской государственности приобретает не только теоретическое, но и практическое, учебно - воспитательное значение.

Актуальность темы связана с тем, что нормативное закрепление ценностей само по себе не гарантирует их усвоения обществом, прежде всего молодёжью, на которую и ориентирован новый вузовский курс. Цель настоящей статьи — рассмотреть, как традиционные ценности закреплены в правовой системе России, какие вопросы вызывает их определение в научной литературе и насколько представления о ценностях, зафиксированные в нормативных актах, соответствуют реальным ценностным установкам, отражённым в социологических исследованиях. В работе использованы методы анализа нормативных правовых актов, а также вторичный анализ данных всероссийских социологических опросов.

1. НОРМАТИВНО - ПРАВОВОЕ ЗАКРЕПЛЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Ключевым документом, определяющим государственную политику в данной сфере, является Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно - нравственных ценностей» [1]. Согласно указу, традиционные ценности определяются как нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению и лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности. К их числу отнесены семнадцать позиций: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над

материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России [1]. Документ является частью системы стратегического планирования в области национальной безопасности и подлежит пересмотру не реже одного раза в шесть лет, что подчёркивает его статус долгосрочного политического ориентира, а не разовой декларации.

На конституционном уровне сходные положения закреплены статьёй 67.1, введённой поправкой 2020 г. В ней указывается, что Российская Федерация, «объединённая тысячелетней историей, сохраняя память предков… а также преемственность в развитии Российского государства, признаёт исторически сложившееся государственное единство» [2]. Эта норма важна тем, что переводит вопрос исторической памяти и преемственности из области идеологии в область конституционного права: защита исторической правды и памяти защитников Отечества становится обязанностью государства, а не предметом факультативной политики.

Практическим продолжением этой линии стало введение с сентября 2023 г. дисциплины «Основы российской государственности», состоящей из пяти модулей, третий из которых — «Российское мировоззрение и ценности российской цивилизации» — прямо посвящён рассматриваемой проблематике [3]. Тем самым нормативные акты и образовательная политика оказываются взаимосвязаны: ценности, закреплённые указом и Конституцией, транслируются студентам как часть обязательной университетской программы.

2. ДИСКУССИОННЫЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

Несмотря на нормативную определённость, вопрос о содержании и критериях традиционных ценностей остаётся предметом научной дискуссии. Так, И. П. Скворцов отмечает, что перечень, приведённый в Указе № 809, представляется «чрезмерно широким»: схожий набор ценностей в принципе характерен и для других цивилизаций, а специфика конкретного общества определяется скорее иерархией и сочетанием этих ценностей, чем их простым перечислением [4, с. 200–201]. Автор предлагает институциональный критерий: ценность можно считать традиционной, если она на протяжении длительного времени поддерживается устойчивыми социальными институтами — семьёй, государством, системой образования, культурой [4, с. 202]. Опираясь на этот подход, он выделяет более узкое «ядро» российских традиционных ценностей: солидарность и взаимопомощь, единство народов России, отсутствие деления этносов на «привилегированные» и «непривилегированные», патриотизм и служение Отечеству, сильная государственная власть и суверенитет [4, с. 203].

Показательно, что в научном и общественном дискурсе присутствует и более скептическая позиция, согласно которой само понятие «традиционные ценности» может использоваться как идеологический конструкт, а не как строго объективная научная категория [4, с. 199]. Наличие подобной полемики говорит о том, что

закрепление ценностей на уровне указа — это не завершение дискуссии, а скорее её институционализация: государство фиксирует определённую версию ценностного консенсуса, оставляя пространство для научного обсуждения его границ и обоснованности.

3. НОРМАТИВНАЯ МОДЕЛЬ ЦЕННОСТЕЙ И ДАННЫЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Сопоставление официального перечня ценностей с данными всероссийских опросов позволяет увидеть, какие из них реально воспринимаются гражданами как приоритетные. По данным аналитического обзора ВЦИОМ (июль 2025 г.), в тройку главных ценностей россияне включают крепкую семью (68 %), историческую память (33 %), а также гордость за страну и права и свободы человека (по 30 %) [5]. При этом наименее востребованными в самоотчётах респондентов оказались созидательный труд и коллективизм [5] — то есть именно те ценности из перечня Указа № 809, которые в советский период были частью официальной идеологии, а сегодня заметно уступают по значимости ценностям, связанным с семьёй и личной идентичностью.

Определённый разрыв фиксируется и в отношении молодёжи. Согласно опросу ВЦИОМ 2023 г., 16 % россиян считают, что традиционные семейные ценности не являются неизменными и могут меняться со временем, однако среди молодых людей до 25 лет так думают уже 42 % — почти втрое больше, чем в среднем по выборке [6]. Специалисты ВЦИОМ связывают это скорее с тем, что представители данной возрастной группы зачастую ещё не создали собственную семью и сосредоточены на образовании и самореализации, а не с сознательным отказом от традиционных ориентиров [6]. Тем не менее этот разрыв показывает, что задача, поставленная перед курсом «Основы российской государственности», — сформировать у первокурсников целостное представление о ценностях российской цивилизации, — требует не только трансляции нормативного перечня, но и содержательной работы именно с установками этой возрастной группы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённый анализ показывает, что традиционные духовно - нравственные ценности сегодня являются не только предметом философского осмысления, но и полноценным элементом правовой системы и государственной политики России: они закреплены Указом Президента РФ № 809 как приоритет национальной безопасности, статьёй 67.1 Конституции — как основа исторической преемственности государства, а с 2023 г. транслируются студентам в рамках дисциплины «Основы российской государственности». Вместе с тем научная дискуссия о критериях и границах перечня традиционных ценностей далека от завершения, а данные социологических опросов свидетельствуют о неравномерном усвоении разных ценностей массовым сознанием: если крепкая семья, историческая память и патриотизм устойчиво воспринимаются как приоритетные, то созидательный труд и коллективизм заметно уступают им по значимости, а часть молодёжи демонстрирует более гибкое отношение к

традиционным ориентирам. Это позволяет сделать вывод, что эффективность государственной политики в данной сфере будет зависеть не столько от полноты нормативного перечня ценностей, сколько от качества просветительской и воспитательной работы, прежде всего в системе высшего образования.

Список использованной литературы:

1. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно - нравственных ценностей: Указ Президента Рос. Федерации от 9 нояб. 2022 г. № 809 // Президент России: официальный сайт. URL: http: // www.kremlin.ru / acts / bank / 48502 (дата обращения: 17.09.2026).

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020), ст. 67.1 // КонсультантПлюс: справ. - правовая система. URL: https: // www.consultant.ru / document / cons _ doc _ LAW _ 28399 / (дата обращения: 17.09.2026).

3. Марасанова В. М. Основы российской государственности: учеб. - метод. комплекс по дисциплине для образовательных организаций высшего образования / В. М. Марасанова, В. Э. Багдасарян, Ю. Ю. Иерусалимский, Л. Г. Титова, С. А. Кудрина. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2023. – 212 с.

4. Скворцов И. П. О критериях определения традиционных ценностей российской цивилизации // Философия права. – 2023. – № 3 (106). – С. 199–203.

5. Традиционные ценности: ожидание и реальность: аналитический обзор ВЦИОМ от 8 июля 2025 г. // ВЦИОМ: официальный сайт. URL: https: // wciom.ru / analytical - reviews / analiticheskii - obzor / tradicionnye - cennosti - ozhidanie - i - realnost (дата обращения: 17.09.2026).

6. Традиции в эпоху перемен: аналитический обзор ВЦИОМ от 28 дек. 2023 г. // ВЦИОМ: официальный сайт. URL: https: // wciom.ru / analytical - reviews / analiticheskii - obzor / tradicii - v - ehpokhu - peremen (дата обращения: 17.09.2026).

© Уланова М.К., 2026

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

PHILOLOGICAL SCIENCES

Горбацевич О.А.
кандидат филологических наук, старший преподаватель
кафедры русского языка
ФГКВОУ ВО «Военный учебно - научный центр Военно - воздушных сил
«Военно - воздушная академия
имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» (г. Воронеж)

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ БАРЬЕРЫ В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ ГРУППЫ: СТРАТЕГИИ АДАПТАЦИИ УЧЕБНОГО ДИСКУРСА

В статье рассматриваются лингвокультурные барьеры, возникающие в педагогической коммуникации полиэтнической группы, и обосновываются стратегии адаптации учебного дискурса, направленные на их преодоление. Анализируются семантические, невербальные и ценностно - мировоззренческие барьеры, обусловленные несовпадением языковых картин мира участников образовательного процесса. Предлагается комплекс дискурсивных стратегий, включающий адаптацию учебных текстов, дифференцированно - интегративный подход и использование посреднических тактик.

Ключевые слова: педагогический дискурс, полиэтнический класс, лингвокультурные барьеры, учебный дискурс, адаптация, инофоны, межкультурная коммуникация.

Полиэтническая группа перестала быть исключением, превратившись в типовую образовательную среду, что порождает целый комплекс проблем методического, психологического и этического характера.

Педагогический дискурс как институциональный тип общения, обусловленный функциональной потребностью социализировать новых членов общества, в условиях полиэтнической группы приобретает особую сложность. Его сущностной характеристикой является дозированная адаптация транслируемых знаний к уровню подготовки учащихся, однако при столкновении различных лингвокультур эта адаптация требует принципиально иных стратегий.

Цель статьи — выявить природу лингвокультурных барьеров в педагогической коммуникации полиэтнической аудитории и систематизировать стратегии адаптации учебного дискурса, позволяющие их преодолеть.

Наиболее серьёзные проблемы во взаимодействии педагогов с инокультурными обучающимися порождают семантические барьеры. Они вызваны тем, что язык, на котором происходит обучение, является для инофонов, по сути, иностранным. Даже при достаточном бытовом уровне владения языком учебная лексика, терминология и синтаксические конструкции научного стиля остаются за пределами понимания. Исследователи подчёркивают, что учебные тексты ориентированы преимущественно на русскоязычный контингент, тогда как доля

инофонов в классах может достигать 30 %, что порождает устойчивую проблему понимания учебного текста, терминологической лексики и формулировок заданий.

Невербальные барьеры составляют вторую группу. Если преподаватель и обучающийся принадлежат к разным культурным традициям использования невербальных сигналов, искажение сообщений происходит в самых разных областях — от допустимой дистанции до интерпретации мимики и жестов.

Адаптация учебных текстов и материалов. Преподавателю приходится самостоятельно дорабатывать программный материал, дополнять учебные пособия собственными разработками, адаптировать содержание школьного курса к условиям полиэтнической группы, переформулировать сложную для понимания инофонов трактовку правил и определений.

Дифференцированно - интегративный подход. Работа в полиэтнической аудитории может быть построена по принципу единства дифференциации и интеграции: для русскоязычных обучающихся методика предполагает движение от общего к частному (дедукция), тогда как для инофонов — от частного к общему (индукция). Дифференциация производится путём частичного изменения содержания обучения, отбора методов и приёмов, варьирования уровня сложности заданий и времени их выполнения.

Трансъязыковые и мультимодальные практики. Современные исследования показывают эффективность транслингвальных стратегий, позволяющих преподавателю использовать многоязычные и семиотические ресурсы для преодоления культурных границ — от повседневной культуры учащихся к академической культуре школьных предметов. Использование жестов, технологий, визуальных опор способствует не только пониманию, но и инклюзии.

Посреднические тактики в педагогическом дискурсе. Преподаватель в полиэтнической группе выполняет три ключевые функции: переводческую (интерпретация культурных кодов), амортизационную (смягчение конфликтных ситуаций) и интегративную (включение всех учащихся в общее коммуникативное пространство). Апробированные игровые практики («Комплимент без слов», «Переводчик») позволяют школьнику без стеснения преодолевать коммуникативный языковой барьер и приобретать уверенность в своих интеллектуальных силах.

Работа с речевой компетентностью. В группах с полиэтническим составом перед учителем стоят задачи формирования устойчивой мотивации к изучению языка, приучения слуха к звукам русской речи, создания большого запаса употребительных слов и фраз, обучения построению фраз в правильной грамматической форме. Решение этих задач требует интеграции лингвистического и педагогического инструментария в рамках единого учебного дискурса.

Лингвокультурные барьеры в педагогической коммуникации полиэтнической группы представляют собой не отдельные помехи, а системный феномен, обусловленный несовпадением языковых картин мира, коммуникативных норм и ценностных ориентаций участников образовательного процесса. Преодоление этих

барьеров требует от педагога выхода за рамки традиционной методики преподавания — в пространство межкультурной коммуникации, дискурс - анализа и лингвокультурологии. Ключевым условием успешной адаптации учебного дискурса является последовательное сочетание текстовой адаптации, дифференциации обучения и посреднических тактик, обеспечивающих включение каждого учащегося в общее коммуникативное пространство урока.

Литература

1. Карасик В. И. Лингвокультурные характеристики педагогического дискурса // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2023. № 2(50). С. 118–129.

2. Хухлаева О. В. Особенности взаимодействия педагогов с учащимися в классах со смешанным этнокультурным составом // Психологическая наука и образование. 2012. Т. 17. № 2. С. 71–78.

3. Уша Т. Ю. Русский язык как неродной в школьном коммуникативном пространстве. СПб.: Изд - во РГПУ им. А. И. Герцена.

4. Дифференцированно - интегративный подход как необходимое условие создания инклюзивной образовательной среды в классах с полиэтническим составом обучающихся // CyberLeninka.

© Горбацевич О.А., 2026

Горбацевич О.А.
кандидат филологических наук, старший преподаватель
кафедры русского языка
ФГКВОУ ВО «Военный учебно - научный центр Военно - воздушных сил
«Военно - воздушная академия
имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» (г. Воронеж)

РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ И ФАСИЛИТАЦИИ: СТИЛИСТИЧЕСКИЙ И ЭМОТИВНЫЙ АНАЛИЗ

В статье рассматриваются речевые жанры педагогической поддержки и фасилитации как особый сегмент педагогического дискурса, ориентированный на создание психологически комфортной образовательной среды. На материале отечественных исследований педагогической речи осуществляется стилистический и эмотивный анализ жанров похвалы, одобрения, утешения, совета и ободрения. Выявляются лексико - стилистические средства и эмотивные речевые акты, обеспечивающие реализацию фасилитативной функции педагога. Обосновывается положение о том, что фасилитация не является

отдельной коммуникативной функцией, а представляет собой модальную окраску речевых действий учителя, пронизывающую все уровни педагогического общения.

Ключевые слова: педагогический дискурс, речевые жанры, педагогическая поддержка, фасилитация, эмотивность, стилистика, эмотивные речевые акты, коммуникативная тональность.

Смена образовательной парадигмы от авторитарной к личностно ориентированной актуализировала исследовательский интерес к тем сегментам педагогического дискурса, которые обеспечивают не трансляцию знаний, а эмоциональную и психологическую поддержку учащегося. Речевые жанры педагогической поддержки и фасилитации образуют особую жанровую группу, противопоставленную императивным и контролирующим жанрам по характеру коммуникативной тональности и иллокутивной направленности.

Понятие речевого жанра, восходящее к концепции М. М. Бахтина, определяется как устойчивый тип высказывания, характеризующийся тематическим, композиционным и стилевым единством. В педагогическом дискурсе жанровый репертуар включает как информативные жанры (объяснение, лекция, инструкция), так и фатические, коммуникативно - прагматические жанры, регулирующие отношения участников общения: приветствие, утешение, разрешение, похвала, возражение.

Цель статьи — осуществить стилистический и эмотивный анализ речевых жанров педагогической поддержки и фасилитации, выявив их языковые маркеры и функциональную специфику в структуре педагогического дискурса.

Прежде чем перейти к анализу конкретных жанров, необходимо уточнить статус фасилитации в системе педагогической коммуникации. В научной литературе фасилитативная функция определяется как помощь преподавателю в раскрытии способностей учащегося и его самореализации. При этом фасилитация не существует изолированно — она «может присутствовать в реализации других пяти функций, обеспечивая модальную окраску речевых действий учителя».

Оценочные жанры составляют ядро педагогической поддержки. Речевыми жанрами этой группы являются похвала, порицание, утешение, одобрение, поддержка инициативы и другие. Жанровые признаки оценочной речи преподавателя находятся в тесной взаимосвязи с коммуникативно - дидактическими целями: отметить достоинства учебной деятельности, поддержать творческий потенциал обучающегося, выразить уверенность в будущих удачах.

Стилистическое оформление похвалы характеризуется преобладанием положительно - оценочной лексики, экспрессивных синтаксических конструкций и особой интонационной оформленности. Создание ситуации успеха и обязательное выделение преподавателем положительного в учебной деятельности обучающегося выступает важным мотивационным фактором. При этом, отмечая недостатки и давая советы - рекомендации, педагог соблюдает педагогический

такт: отрицательная оценка личности обучающегося не может быть предметом содержания оценочного высказывания.

Императивные жанры (просьба, совет, разрешение) традиционно выполняют воздействующую, побудительную функцию и связаны с решением проблем дисциплины и организации учебной деятельности. Однако в фасилитативной модальности они претерпевают существенную стилистическую трансформацию: совет вытесняет требование, разрешение — запрещение, рекомендация — приказ.

Особого внимания заслуживает жанр педагогического замечания, который, по наблюдениям Е. Н. Суханкиной, может реализоваться в трёх негативных разновидностях: замечание - угроза, замечание - упрек и замечание, выражающее разочарование и недоверие. Средствами выражения таких замечаний становятся грубые номинации, резкий тон, интонация насмешки и осуждения. Очевидно, что данные жанровые формы находятся в оппозиции к фасилитативной стратегии, поскольку их деструктивные последствия могут привести к проблемам в общении преподавателя с обучающимися.

Этикетные (фатические) речевые жанры отвечают за установление, поддержание и регулирование социально - речевого контакта. К ним относятся приветствие, обращение, прощание, поздравление, а также формулы этикета, усиливающие эффект педагогического общения. В контексте педагогической поддержки фатические жанры выполняют функцию создания эмоционально комфортной среды, снижения коммуникативного напряжения и установления доверительных отношений.

Эмотивность остаётся одним из наиболее сложных и вместе с тем востребованных аспектов изучения педагогической речи. Эмотивные речевые акты в педагогическом дискурсе классифицируются по интенциональному основанию. Акты эмоциональной поддержки содержат намерение воздействия на адресата с целью побуждения его к действию за счёт создания комфортной психологической обстановки: речь идёт о повышении уверенности в своих силах, о поддержке намерений или действий обучающегося.

Стилистические средства выразительности в педагогической речи выполняют не только украшающую, но и когнитивную и эмотивную функции. Эмотивная функция выразительности оптимизирует учебное воздействие посредством образного и эмоционально - экспрессивного наполнения урока. Тропы и синтаксические фигуры не только украшают речь, но и существенным образом влияют на сознание, модифицируют картину мира и обладают объяснительной силой.

Структурирующая функция стилистических фигур позволяет передавать учащимся научные знания последовательно и логично, выделять ключевые понятия и термины. Таким образом, эмотивная и структурирующая функции

не противостоят друг другу, а взаимодействуют в создании целостного педагогического высказывания.

Эмотивная маркированность присуща этикетным и фатическим жанрам в особой риторической окраске. Коммуникативная тональность жанров педагогической поддержки характеризуется доминированием кооперативной, доверительной и эмпатической модальности. Преподаватель, понимающий и принимающий внутренний мир обучающихся в безоценочной манере, ведущий себя естественно в соответствии со своими внутренними переживаниями и доброжелательно относящийся к учащимся, создаёт необходимые условия для активизации их осмысленного учения.

Ключевыми механизмами перцептивных способностей преподавателя выступают эмпатия (способность к сопереживанию) и идентификация (умение «переносить на себя мир другого человека»). Именно эти механизмы обеспечивают эмоциональную основу фасилитативных жанров.

Речевые жанры педагогической поддержки и фасилитации образуют особую жанровую подсистему педагогического дискурса, противопоставленную императивным и контролирующим жанрам по коммуникативной тональности, стилистическому оформлению и эмотивному наполнению. Стилистический анализ показывает, что данные жанры характеризуются преобладанием положительно - оценочной лексики, экспрессивного синтаксиса и кооперативной интонации. Эмотивный анализ выявляет их интенциональную направленность на создание комфортной психологической обстановки, повышение уверенности учащегося в своих силах и поддержку его учебной мотивации.

Принципиально важным является вывод о том, что фасилитация не сводится к отдельным жанрам, а представляет собой модальную окраску, которая может пронизывать все уровни педагогической коммуникации — от этикетных формул до трансформированных императивных высказываний. Дальнейшее исследование данной проблематики связано с изучением жанровых гибридов, возникающих на пересечении фасилитативных и информативных интенций, а также с анализом национально - культурной специфики жанров педагогической поддержки.

Литература

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Бахтин М. М. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Русские словари, 1996. Т. 5. С. 159–206.

2. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. М.: Наука, 1993. 172 с.

3. Волынкина С. В., Кузина Е. Н. Репертуар жанров научно - педагогического дискурса // Филологические науки. Языкознание. 2014.

4. Габидуллина А. Р. Педагогическая лингвистика: учеб. пособие. Горловка: Изд - во ГГПИИЯ, 2009. 311 с.

© Горбацевич О.А., 2026

Горбацевич О.А.
кандидат филологических наук, старший преподаватель
кафедры русского языка
ФГКВОУ ВО «Военный учебно - научный центр Военно - воздушных сил
«Военно - воздушная академия
имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» (г. Воронеж)

ПРИРОДА КОММУНИКАТИВНЫХ НЕУДАЧ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ДИАЛОГЕ: КОГНИТИВНО - ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕЧЕВЫХ СТРАТЕГИЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ И ОБУЧАЮЩЕГОСЯ

В статье рассматривается природа коммуникативных неудач в педагогическом диалоге с позиций когнитивно - прагматического подхода. Анализируются когнитивные механизмы порождения и интерпретации высказываний участниками образовательного взаимодействия, а также прагматические условия успешности / неуспешности коммуникации. Выявляются типовые речевые стратегии преподавателя (контролирующие, оценивающие, фасилитативные) и обучающегося (уклоняющиеся, запрашивающие, протестные), приводящие к коммуникативным сбоям. Обосновывается положение о том, что коммуникативная неудача в педагогическом диалоге имеет не только лингвистическую, но и когнитивно - прагматическую природу, обусловленную несовпадением когнитивных контекстов, интенциональных ожиданий и стратегий речевого поведения участников.

Ключевые слова: коммуникативная неудача, педагогический диалог, когнитивно - прагматический анализ, речевые стратегии, коммуникативный сбой, интенция, когнитивный контекст, педагогический дискурс.

Педагогический диалог представляет собой особый тип институционального общения, в котором коммуникативные цели участников принципиально асимметричны: преподаватель стремится передать знание и верифицировать его усвоение, обучающийся — продемонстрировать понимание или, напротив, избежать нежелательной коммуникативной нагрузки. Именно эта асимметрия создаёт предпосылки для возникновения коммуникативных неудач — ситуаций, при которых инициатор общения не достигает коммуникативной цели, а взаимодействие и взаимопонимание между участниками оказываются нарушенными.

Понятие коммуникативной неудачи (КН) в терминологическом смысле возникло в рамках теории речевых актов, получившей развитие в работах Дж. Остина, Дж. Серля и их последователей. В современной лингвистике КН определяется как недостижение инициатором общения коммуникативной цели и, шире, прагматических устремлений, а также отсутствие взаимодействия,

взаимопонимания и согласия между участниками коммуникации. Применительно к педагогическому дискурсу это означает, что КН фиксируется не только тогда, когда учащийся не дал ожидаемого ответа, но и тогда, когда коммуникативный акт не привёл к запланированному педагогическому результату.

Цель статьи — осуществить когнитивно - прагматический анализ природы коммуникативных неудач в педагогическом диалоге и выявить речевые стратегии преподавателя и обучающегося, провоцирующие коммуникативные сбои.

Когнитивно - прагматический подход предполагает рассмотрение коммуникации как процесса, в котором порождение и интерпретация высказываний опосредованы когнитивными структурами участников — их фреймами, сценариями, пресуппозициями и интенциональными ожиданиями. В педагогическом диалоге когнитивные контексты преподавателя и обучающегося принципиально не совпадают: первый оперирует системой научного знания и методическими сценариями, второй — обыденными представлениями и учебным опытом.

Прагматический аспект анализа обращён к условиям успешности речевого акта: совпадению иллокутивных целей, соблюдению принципов кооперации и вежливости, адекватности коммуникативной тональности. Коммуникативная неудача возникает в точке расхождения между иллокутивной силой высказывания преподавателя и перлокутивным эффектом, достигнутым у обучающегося. Иными словами, преподаватель может задать вопрос с иллокутивной целью «проверить знание», тогда как учащийся интерпретирует его как «наказать за незнание» — и тогда перлокутивный эффект окажется прямо противоположным запланированному.

Когнитивный контекст — совокупность знаний, представлений и ожиданий, актуализируемых участником в момент коммуникации. В педагогическом диалоге когнитивный контекст преподавателя включает профессиональную картину мира, знание предмета и методический опыт; когнитивный контекст обучающегося — житейские понятия, предшествующий учебный опыт и эмоциональное отношение к предмету. Коммуникативная неудача возникает, когда преподаватель апеллирует к когнитивным структурам, отсутствующим у обучающегося, или когда обучающийся интерпретирует высказывание через призму нерелевантных фреймов.

Показательный пример: преподаватель спрашивает «Что мы можем сказать о главном герое?», предполагая анализ литературного персонажа. Обучающийся, чей когнитивный контекст актуализирует фрейм «бытовое суждение», отвечает «Он странный», что с точки зрения преподавателя является коммуникативной неудачей, поскольку запланированный аналитический ответ не получен.

Интенциональное рассогласование — расхождение между коммуникативным намерением говорящего и его интерпретацией слушающим. Исследования показывают, что коммуникативные неудачи часто кроются в природе самого педагогического общения, где преподаватель может ограничиться толкованием лексического значения слова, не учитывая когнитивный опыт учащегося. Учащийся, в свою очередь, может не распознать имплицитную интенцию вопроса - подсказки, вопроса - ловушки или вопроса, направленного на установление метапредметной связи.

Коммуникативные неудачи в педагогическом диалоге имеют когнитивно - прагматическую природу: они обусловлены несовпадением когнитивных

контекстов участников, рассогласованием их интенциональных ожиданий и асимметрией коммуникативной компетенции. Речевые стратегии преподавателя, провоцирующие КН, включают подавление, псевдофатический контроль и оценочное доминирование; стратегии обучающегося — уклонение, запрос уточнения и протестное реагирование.

Преодоление коммуникативных неудач требует от преподавателя осознанного управления собственными речевыми стратегиями: замены псевдофатических вопросов подлинными верификационными, трансформации оценочных высказываний в поддерживающие, адаптации формулировок к когнитивному контексту обучающегося. Перспективным направлением исследования является разработка типологии коммуникативных неудач в зависимости от уровня образования и предметной области, а также создание методических рекомендаций по их профилактике и коррекции.

Литература

1. Гусева Е. Н. Коммуникативные неудачи в системе «учитель — ученик» // CyberLeninka. [Электронный ресурс]. URL: https: // cyberleninka.ru / article / n / kommunikativnye - neudachiv - sisteme - uchitel - uchenik

2. Граудина Л. К., Ширяев Е. Н. Культура русской речи. М.: Норма, 2005.

3. Остин Дж. Как производить действия при помощи слов // Избранное. М.: Идея - Пресс, 1999.

4. Серль Дж. Что такое речевой акт? // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М.: Прогресс, 1986.

© Горбацевич О.А., 2026

Горбацевич О.А.
кандидат филологических наук, старший преподаватель
кафедры русского языка
ФГКВОУ ВО «Военный учебно - научный центр Военно - воздушных сил
«Военно - воздушная академия
имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» (г. Воронеж)

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В УСЛОВИЯХ ГИБРИДНОГО ОБУЧЕНИЯ: МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЙ АСПЕКТ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ДИСЦИПЛИНЕ: «РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА РЕЧИ» ДЛЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

В статье рассматриваются лингвопрагматические особенности педагогического дискурса в условиях гибридного обучения с акцентом на мультимодальный аспект. На материале дисциплины «Русский язык и культура речи» для военнослужащих анализируются коммуникативные стратегии преподавателя, реализуемые через полимодальные семиотические ресурсы (вербальные, визуальные, аудиальные, кинетические). Выявляются прагматические условия успешности

педагогического взаимодействия в гибридном формате, обусловленные спецификой военной аудитории: дисциплинарной культурой, ограниченностью времени на обучение в связи со служебной деятельностью, профессиональной ориентированностью коммуникации. Обосновывается положение о том, что мультимодальность в гибридном обучении военнослужащих выполняет не вспомогательную, а конститутивную функцию, обеспечивая реализацию прагматических интенций преподавателя в условиях опосредованной коммуникации.

Ключевые слова: педагогический дискурс, гибридное обучение, мультимодальность, лингвопрагматика, военнослужащие, поликодовый текст, коммуникативные стратегии.

Гибридное обучение, утвердившееся в системе высшего образования как устойчивая организационная модель, существенно трансформирует условия функционирования педагогического дискурса. Коммуникативное пространство занятия перестаёт быть исключительно аудиторным: вербальное взаимодействие преподавателя и обучающихся опосредуется цифровыми платформами, а передача учебной информации осуществляется через совокупность семиотических кодов — текст, изображение, звук, видео, интерактивные элементы. Это требует переосмысления лингвопрагматических механизмов педагогического общения с учётом мультимодальной природы современной образовательной коммуникации.

Особую актуальность данная проблематика приобретает применительно к дисциплине «Русский язык и культура речи», преподаваемой военнослужащим. Данная аудитория характеризуется специфическим коммуникативным профилем: дисциплинарной культурой речевого поведения, высокой мотивацией, но при этом ограниченными временными ресурсами для обучения в связи с выполнением служебных задач. В этих условиях мультимодальные ресурсы гибридного обучения становятся не просто инструментом наглядности, а прагматическим условием достижения коммуникативных целей преподавателя.

Цель статьи — выявить лингвопрагматические особенности педагогического дискурса в условиях гибридного обучения на занятиях по дисциплине «Русский язык и культура речи» для военнослужащих и обосновать конститутивную роль мультимодального компонента в реализации коммуникативных стратегий преподавателя.

Лингвопрагматический подход к анализу педагогического дискурса предполагает рассмотрение коммуникации как целенаправленной деятельности, в которой выбор языковых средств подчинён иллокутивным задачам говорящего и условиям коммуникативной ситуации. В гибридном обучении к традиционным параметрам коммуникативной ситуации добавляется опосредованность техническими средствами, что модифицирует условия успешности речевых актов.

Мультимодальность, понимаемая в рамках социальной семиотики как «взаимодействие вербальных, визуальных, аудиальных и кинетических компонентов» в единой коммуникативной системе, обеспечивает дополнительный канал передачи информации. Исследования показывают, что в условиях компьютерно - опосредованной коммуникации адаптированный текст меняет свою

структуру и становится поликодовым: иконический компонент выполняет мотивационную, ситуативную и интенсифицирующую функции. Мультимедийные технологии позволяют «существенно повысить эффективность обучения за счёт подключения дополнительного информационного канала — первой сигнальной системы».

В гибридном обучении коммуникативные стратегии преподавателя претерпевают существенную модификацию. Традиционные стратегии, основанные на непосредственном контакте (установление зрительного контакта, модуляция голоса, кинетические сигналы), дополняются стратегиями, опосредованными цифровой средой. Исследование гибридного синхронного класса показало, что типы владения задачей влияют на конверсию между различными интерактивными режимами, а зрительный контакт преподавателя в сочетании с ритмическими жестами «действует как визуальная подсказка для привлечения внимания студентов» и «модулирует значимость семантических признаков в сопровождающем дискурсе».

Для дисциплины «Русский язык и культура речи» это означает, что прагматические интенции преподавателя — продемонстрировать норму, скорректировать речевую ошибку, побудить к публичному выступлению — реализуются через комбинацию вербальных инструкций и мультимодальных опор. Например, при работе над нормами литературного языка преподаватель может одновременно предъявлять текст с ошибками на слайде, комментировать его в аудитории и выделять ключевые элементы с помощью графических аннотаций в цифровой среде.

Учебные материалы, используемые на занятиях по русскому языку и культуре речи в гибридном формате, приобретают статус поликодовых текстов. Исследования в области дискурс - анализа педагогического дизайна показывают, что мультимодальный подход к формированию учебных материалов позволяет «увеличить число нелинейных способов передачи информации» и обеспечивает «повышение наглядности». В контексте обучения военнослужащих это особенно значимо, поскольку позволяет интенсифицировать учебный процесс, компенсируя ограниченность аудиторного времени.

С прагматической точки зрения, выбор семиотических модов подчинён коммуникативной цели. При формировании навыков публичного выступления, предусмотренных программой дисциплины «Русский язык и культура речи» для военнослужащих, мультимодальные ресурсы позволяют моделировать коммуникативные ситуации, приближенные к реальной профессиональной деятельности. Видеофрагменты выступлений, аудиозаписи образцовых речей, графические схемы структуры аргументации — все эти компоненты образуют единое прагматическое пространство, в котором вербальное и невербальное взаимодействуют для достижения педагогической цели.

Лингвопрагматические особенности педагогического дискурса в условиях гибридного обучения определяются трансформацией коммуникативной ситуации

под влиянием цифрового опосредования и мультимодальности. На занятиях по дисциплине «Русский язык и культура речи» для военнослужащих эти особенности приобретают специфический характер, обусловленный профессиональным профилем аудитории и организационными ограничениями.

Мультимодальный аспект в гибридном обучении военнослужащих выполняет конститутивную функцию: полимодальные семиотические ресурсы обеспечивают не просто наглядность, а прагматическую доступность учебного контента, возможность реализации коммуникативных стратегий преподавателя и адаптацию учебного дискурса к прагматическим характеристикам адресата. Дальнейшее исследование данной проблематики связано с разработкой типологии мультимодальных стратегий преподавателя в зависимости от этапа обучения и вида речевой деятельности, а также с изучением эффективности конкретных полимодальных форматов в военной образовательной среде.

Литература

1. Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Собрание сочинений: в 7 т. М.: Русские словари, 1996. Т. 5. С. 159–206.

2. Винокур Т. Г. Говорящий и слушающий: Варианты речевого поведения. М.: Наука, 1993. 172 с.

3. Габидуллина А. Р. Педагогическая лингвистика: учеб. пособие. Горловка: Изд - во ГГПИИЯ, 2009. 311 с.

4. Клевицкая М. С., Серых А. Б. Дискурс - анализ педагогического дизайна учебных материалов в условиях гибридизации образования // Вестник педагогических наук. 2025. № 1. С. 127–132.

5. Карасик В. И. Лингвокультурные характеристики педагогического дискурса // Вестник МГПУ. Серия «Филология. Теория языка. Языковое образование». 2023. № 2(50). С. 118–129.

© Горбацевич О.А., 2026

Горбацевич О.А.
кандидат филологических наук, старший преподаватель
кафедры русского языка
ФГКВОУ ВО «Военный учебно - научный центр Военно - воздушных сил
«Военно - воздушная академия
имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» (г. Воронеж)

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОЕННОГО РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА В УЧЕБНОМ ДИСКУРСЕ: ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ КОМАНДНОЙ РЕЧИ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ДИСЦИПЛИНЕ «РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА РЕЧИ»

В статье рассматриваются лингвопрагматические особенности военного речевого этикета в учебном дискурсе и обосновывается методика формирования навыков командной речи на занятиях по

дисциплине «Русский язык и культура речи» для российских военнослужащих. Анализируются коммуникативные характеристики военного речевого взаимодействия: дистантный стиль, субординация, лаконичность, высокая степень стандартизации, императивность. Предлагается система учебных заданий и интерактивных методик, направленных на формирование навыков владения уставными речевыми формулами, командной интонацией и нормами воинской вежливости. Обосновывается положение о том, что обучение командной речи должно строиться с учётом военно - профессиональной направленности и опираться на аутентичные образцы уставной коммуникации.

Ключевые слова: военный речевой этикет, командная речь, лингвопрагматика, педагогический дискурс, директивные речевые акты, русский язык и культура речи, военнослужащие, уставные речевые формулы, речевое воспитание.

Военный речевой этикет представляет собой особую коммуникативную систему, функционирующую в условиях строгой иерархии, субординации и профессиональной регламентации. В отличие от общенационального речевого этикета, он характеризуется высокой степенью стандартизации, императивностью и лаконичностью, а его ядро составляют уставные речевые формулы и команды. Исследователи отмечают, что коммуникативное поведение военных отличается дистантным стилем, подчёркивающим соблюдение субординации, преобладанием монологической речи, асимметричным характером общения, высоким уровнем категоричности и подчёркнутой немоциональностью.

Дисциплина «Русский язык и культура речи», введённая в учебные планы военных вузов, призвана решать задачу формирования речевой культуры будущих офицеров. Однако практика показывает, что введение курса само по себе не обеспечивает автоматического повышения уровня культуры речи обучающихся. Это требует целенаправленной работы над формированием навыков командной речи как особого сегмента военного речевого этикета.

Цель статьи — выявить лингвопрагматические особенности военного речевого этикета в учебном дискурсе и обосновать методические подходы к формированию навыков командной речи на занятиях по дисциплине «Русский язык и культура речи» для российских военнослужащих.

С позиций теории речевых актов военные команды представляют собой особый тип директивных (побудительных) высказываний с высокой степенью перлокутивной эффективности. Прагматическая специфика команды определяется рядом факторов: обязательностью исполнения, однозначностью интерпретации, стандартизированной формой и особым режимом произнесения. Военные команды — это неоднословные устойчивые конструкции, характеризующиеся семантической спаянностью компонентов, что обеспечивает их воспроизводимость и узнаваемость в условиях коммуникативного дефицита времени.

Структурный анализ командной речи позволяет выделить несколько лексико - семантических групп. Ядерную группу образуют лексические единицы с семой «вид действия»: отставание, ложись, становись, равняйсь, разойдись, стой, держать оборону, атаковать. Ближняя периферия включает лексику с семой «способ действия»: выше ногу, бегом, шагом марш, кругом, с места с песней. Прагматическая эффективность команды обеспечивается не только лексическим составом, но и просодическими характеристиками: командная интонация, повышенная громкость, чёткость артикуляции.

Ядро военного речевого этикета составляют уставные речевые формулы, регламентированные общевоинскими уставами Вооружённых Сил Российской Федерации. Устав предписывает конкретные формы речевого поведения в стандартных коммуникативных ситуациях: на приветствие начальника («Здравствуйте, товарищи») все военнослужащие отвечают «Здравия желаем»; при прощании — «До свидания» с добавлением слова «товарищ» и воинского звания. При обращении начальника к отдельным военнослужащим они называют свою воинскую должность, воинское звание и фамилию.

Особого внимания заслуживает формула «Служу России» как ответ на поздравление или благодарность командира. Данная формула выполняет не только этикетную, но и идентификационную функцию, маркируя принадлежность военнослужащего к системе ценностей воинского долга. Прагматически она представляет собой перформативное высказывание, одновременно выражающее благодарность и подтверждающее готовность к дальнейшей службе.

Военный речевой этикет представляет собой особую коммуникативную систему, прагматическое ядро которой образуют директивные речевые акты — команды и уставные речевые формулы. Лингвопрагматические особенности командной речи определяются её перлокутивной эффективностью, стандартизированностью формы и обязательностью исполнения.

Формирование навыков командной речи на занятиях по дисциплине «Русский язык и культура речи» для российских военнослужащих должно осуществляться с учётом военно - профессиональной направленности обучения и опираться на интерактивные методики, моделирующие реальные коммуникативные ситуации военной службы. Ключевыми компонентами обучения являются освоение уставных речевых формул, анализ структуры командных высказываний и отработка командной интонации.

Литература

1. Багрянская Н. В. Коммуникативное поведение военных: лингвопрагматический аспект. М.: Военный университет, 2020.

2. Варяница С. Ю. Военный дискурс как стиль высказываний и речевая реализация смысла учебных коммуникаций преподавателя и курсанта // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2019. № 2. С. 45–52.

© Горбацевич О.А., 2026

Горбацевич О.А.
кандидат филологических наук, старший преподаватель
кафедры русского языка
ФГКВОУ ВО «Военный учебно - научный центр Военно - воздушных сил
«Военно - воздушная академия
имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина» (г. Воронеж)

РИТОРИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ И КОММУНИКАТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: АНАЛИЗ СТРАТЕГИЙ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ВОЕННОГО ВУЗА

В статье рассматривается соотношение риторического идеала и коммуникативной реальности в педагогическом дискурсе военного вуза. На материале исследований академического военно - образовательного дискурса анализируются стратегии речевого воздействия преподавателя: информативная, объясняющая, оценивающая, контролирующая и императивная. Выявляется разрыв между нормативным образом «офицера - оратора», транслируемым военной риторической традицией, и реальными коммуникативными практиками, в которых доминируют авторитарные стратегии подавления и установления дистанции. Обосновывается положение о том, что преодоление этого разрыва требует целенаправленного развития риторической компетенции преподавателя военного вуза, включающей не только владение классическим риторическим каноном, но и рефлексию собственных речевых стратегий.

Ключевые слова: риторический идеал, педагогический дискурс, военный вуз, стратегии речевого воздействия, коммуникативная реальность, академический военно - образовательный дискурс, риторическая компетенция, речевое воздействие.

Педагогический дискурс военного вуза представляет собой особую коммуникативную среду, в которой пересекаются две системы речевых норм: собственно педагогическая, ориентированная на передачу знания и развитие личности обучающегося, и военная, подчинённая принципам субординации, дисциплины и единоначалия. Это пересечение порождает фундаментальное противоречие между риторическим идеалом, транслируемым военной культурой, и коммуникативной реальностью, в которой этот идеал реализуется.

Русская военная риторика на протяжении столетий формировала образ офицера как носителя особой речевой культуры. Практика свидетельствует, что оказывать активное речевое воздействие (командовать, убеждать, воодушевлять) – это искусство, которому нужно и можно учиться; военную риторику следует рассматривать как всю «совокупность средств и инструментов профессиональной коммуникации». Русский риторический идеал – это образцовая речь, в которой

сочетаются в гармоническом единстве устремлённость к истине, добру и красоте, понимаемой как целесообразность и функциональность.

Однако реальная коммуникативная практика современного военного вуза демонстрирует существенное расхождение с этим идеалом. Исследователи фиксируют общее снижение творческой инициативности педагогов, доминирование схематизма и шаблона в преподавании, а также недостаточность введения курса «Русский язык и культура речи» для решения задачи развития культуры речи будущих офицеров.

Цель статьи — осуществить анализ стратегий речевого воздействия в педагогическом дискурсе военного вуза и выявить причины расхождения между риторическим идеалом и коммуникативной реальностью.

Российская армия никогда не ограничивала свою роль только вооружённой защитой Отечества. На протяжении многих веков она исторически становилась для человека духовной силой, носителем нравственности народа, его лучших традиций и культуры. Император Пётр Первый, генералиссимус А. В. Суворов, фельдмаршал М. И. Кутузов обращались к армии как к «вооружённому народу». Русская классическая литература также является убедительным свидетельством связи армии и культуры: среди сотен русских литераторов конца XVIII – начала XX века примерно каждый третий был офицером или выходцем из офицерской среды.

Именно военная риторика способна сегодня помочь в формировании нового риторического идеала, основанного на лучших культурно - исторических традициях речи воинской элиты: чёткость формулировок, ясность и точность изложения, лаконичность, умение говорить по существу. Нравственный идеал воина включает храбрость, мужское прямодушие и бескорыстие, а военная речь должна быть быстрой, краткой, живой и сильной.

Анализ реальной коммуникативной практики военного вуза позволяет выделить характерный набор стратегий, использующихся в образовательном дискурсе: информативная, объясняющая, оценивающая, контролирующая и императивная. Информативная и объясняющая стратегии являются доминантными в силу образовательной составляющей дискурса. Они реализуются с помощью конструкций «обратите внимание», «зафиксируйте», «запомните»: характерное для военного дискурса обращение «Товарищи курсанты!» служит своеобразным маркером, точкой фиксации последующего объяснения или введения наиболее значимой информации.

Риторический идеал военной педагогической речи, сформированный многовековой традицией военного красноречия, предполагает гармоническое единство истины, добра и красоты, чёткость формулировок, ясность изложения и лаконичность. Коммуникативная реальность академического военно - образовательного дискурса демонстрирует доминирование информативной, объясняющей, оценивающей и императивной стратегий.

Литература

1. Барышников Н. В., Шевцов И. О. Культура речи офицера: идеал и реальность // Языкознание и литературоведение. [Электронный ресурс]. URL: https: // cyberleninka.ru / article / n / kultura - rechi - ofitsera - ideal - i - realnost

2. Варяница С. Ю. Военный дискурс как стиль высказываний и речевая реализация смысла учебных коммуникаций преподавателя и курсанта // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». 2019. № 2. С. 45–52.

3. Зверев С. Э. Культура речи офицера: идеал и реальность // CyberLeninka.

4. Карасик В. И. Лингвокультурные характеристики педагогического дискусра // Вестник МГПУ. 2023. № 2(50). С. 118–129.

5. Крылова О. Н. Разработка устойчивой синергийно - изоляционистской дискурсивной модели обучения в условиях военного вуза // Высшее образование сегодня. 2023.

© Горбацевич О.А., 2026

Грушин С.В.
аспирант
Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы (РУДН)
г. Москва, Россия
Научный руководитель: Михеева Н.Ф.
д. филол. н., профессор
Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы (РУДН)
г. Москва, Россия

ТИПЫ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ЭКВИВАЛЕНТОВ В ТЕРМИНОСИСТЕМЕ ЭКСПЛУАТАЦИОННОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ АЭС: ПОЛНЫЕ, ЧАСТИЧНЫЕ, БЕЗЭКВИВАЛЕНТНЫЕ

Аннотация

Актуальность работы обусловлена отсутствием единых терминологических решений в переводе документации международных атомных проектов. Цель – классифицировать эквиваленты терминосистемы эксплуатационной документации АЭС по степени эквивалентности. Материал – 34 термина корпуса АЭС «Бушер - 1»; методы – сплошная выборка, сопоставительный анализ. Установлено, что полные эквиваленты составляют меньшинство, а наибольшие риски порождают безэквивалентные единицы и двойная аббревиация. Обоснована фиксация всех типов эквивалентов в проектном глоссарии.

Ключевые слова

терминосистема, переводческий эквивалент, безэквивалентная лексика, эксплуатационная документация, атомная энергетика, двойная аббревиация, глоссарий

Переводческое сопровождение международных проектов атомной энергетики предъявляет к терминологической точности требования, сопоставимые с требованиями ядерной безопасности: подмена или непоследовательная передача термина в эксплуатационной документации способна привести к неверному действию персонала [4]. Между тем терминосистемы русской и англоязычной инженерных традиций складывались автономно, и значительная часть русских терминов атомной отрасли не имеет прямых структурных соответствий в английском языке. Идеальная норма термина – однозначность и закрепленность за одним понятием [6] – в условиях межъязыкового переноса оказывается труднодостижимой.

Цель настоящей работы – классифицировать переводческие эквиваленты, представленные в терминосистеме эксплуатационной документации АЭС, по степени эквивалентности и определить, какие типы эквивалентов создают наибольшие риски для качества перевода. Материалом послужили 34 базовые терминологические единицы, извлеченные методом сплошной выборки из корпуса эксплуатационной документации АЭС «Бушер - 1» (Иран) – 18 документов, образующих 9 переводческих пар в направлении русский → английский и охватывающих три технологические системы энергоблока. Применялись методы тематической классификации, компонентного и сопоставительного анализа; типология переводческих приемов опирается на классификации Л. С. Бархударова [2] и В. Н. Комиссарова [5].

Тематическая стратификация терминосистемы

Исследуемая терминосистема распадается на пять тематических групп, отражающих функциональную структуру эксплуатационных процедур (см. табл. 1).

Таблица 1 – Тематическая стратификация терминосистемы корпуса АЭС «Бушер - 1»

Тематическая группа	Кол - во	Доля, %	Примеры
Оборудование и технические устройства	12	35,3	ГЦН → *RCP*, БПУ → *MCR*, напорная арматура → *pressure valve*
Должности и организационная структура	7	20,6	НСБ → *SSP*, ЗГИЭ → *DCEO*, ВИУ → *LCE*
Процессы и режимы	7	20,6	дезактивация → *decontamination*, АВР → *ASBE*

Тематическая группа	**Кол - во**	**Доля, %**	**Примеры**
Наименования систем	5	14,7	СУЗ → *CPS*, АСУ ТП → *APCS*
Юридические и договорные термины	3	8,8	Заказчик → *Principal*, Исполнитель → *Sub - contractor*
Итого	34	100	

Доминирование группы оборудования закономерно для текстов, регламентирующих эксплуатацию конкретных технологических систем; сопоставимый вес групп должностей и процессов отражает двойную – организационную и технологическую – природу эксплуатационных процедур. Юридическая группа малочисленна, однако прагматически нагружена: именно она определяет распределение ответственности между сторонами проекта. Существенно, что каждой группе соответствует свой преобладающий набор переводческих приемов, то есть единая стратегия для корпуса в целом отсутствует.

Шкала эквивалентности: три степени

Сопоставительный анализ позволяет распределить эквиваленты корпуса по трем степеням. Полные (абсолютные) эквиваленты – устоявшиеся однозначные соответствия: дезактивация → *decontamination*, пожарный гидрант → *Fire Hydrant*, сальниковые уплотнения → *gland sealings*. Таких пар в корпусе меньшинство, и даже они нуждаются в глоссарной фиксации: переводчик, не уверенный в существовании конвенционального соответствия, может прибегнуть к описательному переводу и нарушить единообразие текста.

Частичные эквиваленты сохраняют мотивационную связь с исходным термином, но требуют трансформации. Сюда относится калькирование – простое (безрасходный режим → *non - flow mode*) и с перестановкой компонентов (зона контролируемого доступа → *Controlled Access Area*), – а также модуляция, при которой один из компонентов подвергается семантическому сдвигу: техническая вода → *service water*, дозиметрический наряд - допуск → *dosimetric work permit*. Калькирование с перестановкой наиболее уязвимо для вариативности: при отсутствии глоссария разные переводчики выбирают разный порядок компонентов, что и зафиксировано в корпусе (ср. *Directorate of BNPP - 1 under Construction* и *BNPP - 1 Under Construction Directorate*).

Безэквивалентные единицы не имеют в целевом языке соответствия, выводимого из структуры исходного термина, и передаются функциональной заменой, экспликацией либо транслитерацией. При функциональной замене принцип номинации меняется полностью: главный циркуляционный насос (ГЦН) → *Reactor Coolant Pump* (*RCP*) – русский термин описывает конструктивный признак, английский – функцию в контуре реактора; блочный пункт управления (БПУ) → *Main Control Room* (*MCR*) – выбор эквивалента продиктован стандартом МАГАТЭ и практикой NRC. Экспликация развертывает емкую русскую аббревиатуру в

многословное соответствие: АВР → *Automatic Switchover to Backup Equipment* (*ASBE*). Транслитерация ограничена именами собственными (*Atomstroyexport*, *VVER*); показательно, что перенос ее на организационно - правовую форму (АО → *AO* вместо конвенционального *JSC*) является ошибкой.

Двойная аббревиация как следствие безэквивалентности

Особый феномен, порождаемый безэквивалентностью, – двойная аббревиация: русская аббревиатура заменяется не транслитерацией и не раскрытием значения, а англоязычной аббревиатурой, образованной от иной развернутой формы (ГЦН → *RCP*, БПУ → *MCR*, КИП → *I&C*, НСБ → *SSP*). Переводчик вынужден оперировать двумя параллельными системами сокращений, не связанными морфологически. С позиций теории транстерминологизации такой перенос представляет собой не смену языковой оболочки, а концептуальную трансформацию, отражающую различия понятийных структур инженерных школ [1].

Практическое следствие состоит в том, что запись проектного глоссария должна быть четырехкомпонентной: русский термин – русская аббревиатура – английский эквивалент – английская аббревиатура, с указанием типа трансформации и источника нормативного закрепления. Без такой записи переводчик не имеет надежного способа установить, что эквивалентом ГЦН является именно *RCP*, а не мотивированное калькированием *Main Circulation Pump*. Для синхрониста, лишенного доступа к справочным ресурсам в реальном времени [3], заученные пары двойной аббревиации становятся единственной гарантией терминологической точности.

Проведенный анализ показывает, что терминосистема эксплуатационной документации АЭС неоднородна по степени эквивалентности: полные эквиваленты составляют меньшинство, основной массив образуют частичные соответствия, а наибольшие переводческие риски сосредоточены в зоне безэквивалентности, порождающей функциональные замены, экспликацию и двойную аббревиацию. Выбор переводческого приема в корпусе определяется тематической принадлежностью термина, а не единой стратегией, что свидетельствует об отсутствии централизованного управления терминологией. Практическим приложением результатов является модель четырехкомпонентной глоссарной записи, фиксирующей все степени эквивалентности и обеспечивающей единообразие как письменного, так и устного перевода в международных проектах атомной энергетики.

Список использованной литературы:

1. Алексеева Л.М., Мишланова С.Л., Яковлева Е.В. Транстерминологизация как лингвокогнитивный процесс // Научный диалог. 2025. Т. 14. № 4. С. 9–37.

2. Бархударов Л.С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. М.: Международные отношения, 1975. 240 с.

3. Гарбовский Н.К. Устный перевод в условиях новых политических и экономических инициатив // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2017. № 3. С. 6–25.

4. Климзо Б.Н. Ремесло технического переводчика. Об английском языке, переводе и переводчиках научно - технической литературы. 2 - е изд., перераб. и доп. М.: Р.Валент, 2006. 508 с.

5. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.

6. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. 4 - е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2009. 256 с.

© Грушин С.В., 2026

Салимова И.М.
старший преподаватель
кафедры иностранных языков
ЮУрГГПУ,
г. Челябинск, Российская Федерация

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ФИКСАЦИИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Аннотация

В статье анализируются лексические, морфологические и синтаксические средства, формирующие научный стиль изложения. Исследуется их роль в реализации ключевых стилеобразующих принципов — точности, логичности и безличности. Показано, каким образом отбор языковых единиц определяет репрезентацию авторской позиции и структуру аргументации. Рассматриваются механизмы создания эффекта объективности, а также процессы терминологизации как инструмент концептуализации научного знания. Делается вывод о том, что выбор конкретных языковых маркеров напрямую влияет на построение аргументации и позиционирование автора в научном дискурсе.

Ключевые слова: Научная речь, функциональный стиль, аргументация, концептуализация, терминология, стилистические маркеры, синтаксис научного текста, безличность

Современный этап развития науки характеризуется смещением фокуса с накопления эмпирических данных на построение сложных теоретических моделей, чья репрезентация невозможна без специализированного дискурсивного аппарата. Обращаясь к научной речи, необходимо отметить её своеобразные и типичные лингвистические признаки:

– особые «ссылочные» обороты: по Менделееву, по Бутлерову, по Дальтону, по Резерфорду и т.п.; специализация слова далее в функции вводного слова со значением выражения отношения частей высказывания: Валентность атома углерода в органических соединениях, как правило, равна четырём; далее, это позволяет ему образовывать длинные и разветвлённые цепи; Растворение большинства твёрдых веществ в воде является эндотермическим процессом; далее, поглощение тепла приводит к охлаждению раствора; Скорость химической реакции напрямую зависит от концентрации реагентов; далее, при увеличении концентрации возрастает число эффективных столкновений частиц; Атомный радиус элементов уменьшается по периоду слева направо; далее, это обусловлено ростом заряда ядра и более сильным притяжением электронной оболочки; Катализаторы ускоряют достижение химического равновесия, не расходуясь в ходе процесса; далее, они снижают энергию активации прямой и обратной реакций; Щелочные металлы активно взаимодействуют с водой с выделением водорода; далее, данная реакция протекает тем интенсивнее, чем ниже металл расположен в группе; Окислительно - восстановительные процессы лежат в основе работы гальванических элементов; далее, химическая энергия в них преобразуется непосредственно в электрическую.

– использование глаголов состояния и некоторых других для выражения значений свойств и качеств предметов, чтобы более точно и лаконично передать научные факты о веществах и их поведении: Жёсткая вода плохо разваривает плоды и овощи; Азот не горит и не поддерживает горение; Медь не подвергается коррозии в чистой пресной воде или сухом воздухе, но при длительном воздействии влажной атмосферы, содержащей углекислый газ, на её поверхности постепенно образуется патина – прочная плёнка основного карбоната меди зелёного цвета, которая защищает металл от дальнейшего разрушения; Сахар отлично растворяется в горячей воде, но медленно – в холодной. Ртуть замерзает только при очень низкой температуре, почти - 39º; Концентрированная азотная кислота пассивирует железо, алюминий и хром: при первоначальном контакте она вызывает на их поверхности образование тонкого, плотного и химически инертного оксидного слоя, который препятствует дальнейшей реакции, благодаря чему эти металлы можно безопасно хранить и перевозить в ёмкостях из обычной стали; Золото не ржавеет даже при длительном контакте с воздухом и влагой; Натрий бурно взаимодействует с водой, образуя щёлочь; Белый фосфор медленно окисляется («дымит») на воздухе даже при комнатной температуре, вступая в реакцию с кислородом и излучая хорошо заметное в темноте бледно - зелёное свечение – хемилюминесценцию. Жидкий азот мгновенно кипит при комнатной температуре; Серная кислота активно реагирует с металлами, выделяя водород; Графит проводит электрический ток вдоль слоёв своих атомов, благодаря наличию подвижных электронов, тогда как алмаз является отличным диэлектриком.

– своеобразные значения настоящего времени: настоящее регистрирующее и констатирующее, а также настоящее обобщающей констатации: Как полагает

современная химия, вода в жидком состоянии представляет собой сложную динамическую сеть, где отдельные молекулы H_2O непрерывно образуют и разрывают водородные связи со своими соседями; Мы имеем дело с процессом электролитической диссоциации, когда хлорид натрия (NaCl) растворяется в воде; Согласно принципу Ле - Шателье, если на систему, находящуюся в состоянии химического равновесия, оказывается внешнее воздействие, то равновесие смещается в направлении, которое ослабляет это воздействие; В настоящий момент мы наблюдаем окислительно - восстановительную реакцию цинка с раствором сульфата меди (II); Как известно из теории строения органических соединений, углерод обладает уникальным свойством – способностью к образованию прочных ковалентных связей с самим собой; Как утверждает теория химической кинетики, скорость реакции между газами напрямую зависит от частоты столкновений их молекул; Мы имеем дело с явлением гетерогенного катализа, когда реакция синтеза аммиака из азота и водорода протекает на поверхности твёрдого железного катализатора; С точки зрения современной биохимии, ферментативный катализ имеет место в каждой живой клетке; Как следует из периодического закона Д.И. Менделеева, мы сейчас прослеживаем четкую закономерность: при движении по группе сверху вниз у щелочных металлов возрастает атомный радиус.

– специализация местоименных слов в указательной функции и использование их в качестве средства связи: данный процесс представляет собой типичную реакцию обмена с участием слабой кислоты; благодаря такому уникальному свойству; при температуре, соответствующей термической устойчивости исходных реагентов; скорость реакции в присутствии указанного вещества возрастает в тысячи раз; для полученного таким образом металла характерна чрезвычайно высокая реакционная способность; выделяющееся тепло поддерживает указанную температуру уже без внешнего подогрева; данная зависимость выражается через температурный коэффициент скорости реакции; наглядная демонстрация направляющего действия ранее упомянутой метильной группы; без указанной обработки натуральный каучук остаётся липким и неустойчивым к перепадам температур.

– широкое использование цепи родительных падежей, связанное с вообще повышенной частотностью родительного падежа в научной речи, что не является случайностью, а представляет собой функциональную необходимость: константа скорости реакции окисления сульфида натрия; анализ продуктов реакции взаимодействия производного анилина; энергия активации стадии инициирования радикальной полимеризации стирола; гидролиз сложного эфира; период полураспада радиоактивного изотопа; гомологический ряд алкановых углеводородов; установление зависимости длины линии волны рентгеновских лучей атома; механизм действия ингибитора коррозии стали; определение концентрации раствора гидроксида бария; изучение кинетики разложения пероксида водорода; плотность паров смеси алканов нефтяного происхождения;

энтальпия образования сложного эфира; методика очистки изомера нитротолуола; доля примесей оксида углерода; температура плавления гидрата хлорида кальция; расчёт длины связи молекулы дициана; селективность катализатора гидрирования ацетиленовых углеводородов; растворимость сульфата аммония; положение равновесия реакции этерификации; спектр поглощения раствора дихромата калия; выход продукта реакции Гриньяра.

Кроме указанных выше явлений, в синтаксисе отмечают: преобладание сложных предложений над простыми; использование развёрнутых распространённых предложений; специальные типы сложных предложений, по форме временных (с союзным словом в то время как и др.) и условные (если… то), но употребляемых не для выражения времени и условия, а для сопоставления частей предложения; развёрнутую сеть союзов и отыменных предлогов (особенно для выражения подчинительных отношений) при общей чёткости выражения синтаксических связей (в связи с тем, что; в виду того, что; вследствие; за исключением и т.п.); широкое употребление причастных и деепричастных оборотов, страдательных конструкций [1, с. 174].

В целом научной речи свойственен именной характер. Это проявляется и в общем преобладании имён существительных и прилагательных над глаголами, и в большом числе разного рода отглагольных оборотов и слов, в том числе среди служебных частей речи. Например, употребление устойчивых оборотов речи с отглагольными существительными: подвергаться анализу, оказывать воздействие на…, делаться возбудителем…и т.п., ведущих за собой цепь имён. Кроме того, необходимо отметить использование почти исключительно повествовательных предложений, а вопросительных лишь в функции сосредоточения внимания читателя на каком - либо вопросе [1, с. 175]. Исходя из этого, мы наблюдаем однообразные по цели высказывания предложения.

Среди нежелательных признаков научной речи назовём:

– ограниченность эмоционально - экспрессивной лексики и фразеологии. Эмоциональность если и присутствует, то носит интеллектуальный характер;

– недопустимость внелитературной лексики. В научной речи полностью исключены жаргонизмы, диалектизмы, сленг и просторечие.

– слабо представленную метафоричность. Метафоры используются редко и имеют преимущественно терминологический схематизированный характер, научные метафоры лишены индивидуально - образных черт и служат только для пояснения понятий.

– отсутствие настоящего времени глагола в значении настоящего исторического. Глаголы в форме настоящего времени имеют вневременное, обобщённое значение, но никогда не обозначают «здесь и сейчас».

– нехарактерность использования в узком контексте разнообразия временных форм глаголов, отсутствие форм 2 - го лица и соответствующих местоимений, поскольку автор обращается не к конкретному собеседнику, а к обобщённому научному сообществу.

– несвойственность категории числа существительных; единственное число часто обозначает общее понятие, а не единичный предмет, а раздельное множество выражается специальными формами, как то виды, типы и т.д.

– ограниченное использование неполных предложений, так как эллиптические конструкции характерны для диалога, а научный текст требует полноты грамматического оформления мысли.

– неупотребимость инфинитивных и безличных предложений состояния, а также побудительных предложений.

Вышеуказанные ограничения создают особый лингвистический каркас, который обеспечивает выполнение главной задачи науки – однозначной и точной передачи знаний, свободной от индивидуальных интерпретаций и эмоциональных искажений.

Проведённый анализ лингвистических признаков научной речи позволяет сделать вывод о том, что научный стиль представляет собой строго регламентированную и системно организованную функциональную разновидность языка. Его специфика детерминирован экстралингвистическими факторами – природой научного познания, требующего максимальной точности. Объективности и логичности изложения.

Список литературы

1. Кожина М.Н. О речевой системности научного стиля сравнительно с некоторыми другими. – Пермь, 1972. 396с.

2. Лотте Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминоэлементов. – М.: Наука, 1982. с. 149с.

3. Салимова И.М. Перевод предложений с общим компонентом наречия места // От концепции к реализации – создание будущего через науку и практику: сборник статей по итогам Международной научно - практической конференции (г. Ижевск, 29 марта 2025 г.). Стерлитамак: АМИ, 2025. с. 82 - 85.

4. Салимова И.М. Лексемы, выступающие в роли маркеров логических отношений в переводе научно - технической литературы // Структурная модернизация науки как основа устойчивого развития: Сборник статей по итогам Международной научно - практической конференции (г. Казань, 24 февраля 2026 г.). Стерлитамак: АМИ, 2026. с. 96 - 100.

5. Салимова И.М. Продуктивность синтаксического способа образования химических терминов // Высшая школа: научные исследования. Материалы Межвузовского международного конгресса (г. Москва, 5 марта 2026 г.). Отв. ред. Д.Р.Хисматуллин. – Москва: Издательство Инфинити, 2026. с. 183 - 188.

6. Салимова И.М. Лексико - грамматическая категория английского глагола в переводе научно - технической литературы // Современное профессиональное образование.2026. №6. С. 491 - 492

7. Salimova I.M. Evidentiality as a justified case of expressive scientific speech // International Academic Conference. Proceedings of the Scientific Forum "Modern Science: Theory and Practice" (April 22, 2026). Belgrade, Serbia. Part 3. c.174 - 179.

8. Salimova I.M. The efficiency of the syntactic method in chemical terminology formation // Proceedings of the International Science Conference "Applied Research. Global Solutions" (July 1, 2026). Istanbul, Turkey. c. 206 - 213.

© Салимова И.М., 2026

Сафронова Е.Е.,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры лингвистики,
Кубанский государственный медицинский университет,
г. Краснодар, Россия

ПРОБЛЕМА ПЕРЕДАЧИ ИМПЛИЦИТНЫХ АКТАНТОВ В НЕМЕЦКО - РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ

Аннотация

В данной статье рассматриваются стратегии перевода имплицитных актантов с немецкого языка на русский на материале романов П. Зюскинда «Парфюмер» (*Das Parfum*) и Д. Кельманна «Измеряя мир» (*Die Vermessung der Welt*). Анализируются грамматические, лексико - стилистические и прагматические средства манифестации нарративного контура. Особое внимание уделяется проблеме передачи Konjunktiv, не имеющего прямого аналога в русском языке, и его влиянию на сохранение нарративной дистанции между автором и читателем.

Ключевые слова

имплицитный актант, нарратор, наррататор, художественный перевод, переводческие стратегии, лингвистика текста

Имплицитные актанты, традиционно включающие нарратора (имплицитный автор) и наррататора (имплицитный читатель), являются неотъемлемыми элементами нарративной структуры фикционального текста, ответственными за организацию повествования и коммуникацию с адресатом. Ввиду этого перевод художественного текста представляет собой не только перенос смыслов, но и реконструкцию сложной нарративной системы на языке перевода, что сопряжено со значительными трудностями, особенно при работе с языками, обладающими разными грамматическими и стилистическими ресурсами.

Материалом данного исследования послужили оригинальные тексты романов П. Зюскинда "Das Parfum. Die Geschichte eines Mörders" (1985) и Д. Кельманна "Die Vermessung der Welt" (2005), а также их переводы на русский язык, выполненные

Э. Венгеровой («Парфюмер. История одного убийцы») и соответственно группой переводчиков под общим авторством («Измеряя мир»).

В современной нарратологии принято различать реального автора / читателя и их внутритекстовые проекции – нарратора и нарратата [4, p. 23]. Манифестация этих актантов в немецкоязычном фикциональном тексте осуществляется на нескольких уровнях [6, с. 14]: грамматическом, лексико - семантическом и прагматическом.

В романе Д. Кельманна Konjunktiv I является доминирующим способом повествования, создающим эффект отстранённого, почти историографического изложения. Задача переводчика – воссоздать эту дистанцию, не имея в распоряжении грамматического эквивалента существующей структуры: "*Er beruhigte sich nicht einmal, als Eugen von der einen und Minna von der anderen Seite ihre Hände auf seine Schultern legten und beteuerten, man werde gut für ihn sorgen, er werde bald wieder daheim sein, es werde so schnell vorbeigehen wie ein böser Traum.*" [5, p. 8]. – «Он не успокоился даже тогда, когда Евгений с одной стороны и Минна с другой опустили руки ему на плечи и заверили, о нём хорошо позаботятся, вскоре он снова будет дома, всё закончится также быстро как дурной сон» [3, с. 9–10]. Переводчик использует форму будущего времени изъявительного наклонения («позаботятся», «будет», «закончится»). Это наиболее частотная стратегия, приводящая к «нейтрализации» Konjunktiv I. Дистанция, создаваемая грамматической формой в немецком, в русском переводе поддерживается в большей степени общим контекстом и лексикой («заверили», что уже указывает на косвенность). Однако тонкий эффект опосредованности, свойственный Konjunktiv I (где нарратор словно цитирует мысли / слова персонажей, сохраняя свою независимую позицию), частично утрачивается, повествование становится более «прямым».

Чтобы компенсировать отсутствие Konjunktiv I и сохранить нарраторское присутствие, переводчики активно используют лексику и синтаксические конструкции, маркирующие субъективность или косвенность: "*…und der Zauber, der von ihm ausginge, wäre nicht mehr von menschlicher, sondern von göttlicher Art. (Wie wir sehen, war Richis ein aufgeklärt denkender Mensch, …)*" [7, p. 211] – «…и волшебство, исходящее от нее, имело бы не человеческую, но божественную власть. (Как мы видим, Риши был просвещенным и мыслящим человеком, …)» [2, с. 211]. Здесь переводчику удаётся успешно передать две важные черты. Во - первых, Konjunktiv II (*ausginge, wäre*) передан условным наклонением («исходило бы», «имело бы»), что адекватно. Во - вторых, и это главное, конструкция "*Wie wir sehen*" (русск. «Как мы видим») напрямую манифестирует фигуру нарратора и нарратата, объединённых общим «мы». Э. Венгерова сохраняет эту конструкцию дословно, что является примером точной передачи прагматического маркера присутствия актантов.

В романе «Парфюмер» присутствуют «вербально - темпоральные несоответствия», например, использование научной терминологии латинского

происхождения для описания мира XVIII века, что подчёркивает всеведение нарратора [1, p. 104]. Примером может служить описание обоняния Гренуя с использованием сложных биологических и химических терминов в оригинале. Э. Венгерова в переводе сохраняет эту специальную лексику («молекулы», «одоранты» и т.д.), тем самым передавая важную черту нарраторского стиля – сочетание исторического антуража с современным научным дискурсом.

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что доминирующей стратегией при переводе проанализированных романов является компенсация на лексико - прагматическом уровне. Поскольку грамматическая система русского языка не может прямо воспроизвести функцию Konjunktiv, основная нагрузка по передаче нарративной дистанции и опосредованности ложится на лексику («якобы», «как считал», «по его словам»), синтаксис (косвенная речь с союзом «что») и общий стилистический регистр текста. Прямые обращения к читателю, риторические вопросы, оценочные вводные слова, как правило, переводятся адекватно и в полном объёме, что позволяет сохранить диалогическую ось «нарратор – наррататор», однако при переводе Konjunktiv изъявительным наклонением существует риск сделать повествование более фактографичным и менее отстранённым, чем в оригинале. Это особенно чувствительно для текстов, подобных роману Кельманна, где Konjunktiv I является структурообразующим элементом. Перевод языковых средств манифестации имплицитных актантов представляет собой сложную задачу, требующую от переводчика глубокого понимания нарративной структуры оригинала и изобретательности в поиске функциональных соответствий на языке перевода. На примере проанализированных романов видно, что отсутствие в русском языке прямого грамматического аналога Konjunktiv I компенсируется комплексом лексических, синтаксических и стилистических решений. Анализ переводов показывает высокий уровень осознанности этой проблемы переводчиками, чьи стратегии в целом позволяют сохранить функциональную значимость нарратора и наррататора как ключевых элементов художественного мира.

Таким образом, задача перевода имплицитных актантов решается не через поиск изолированных эквивалентов, а через реконструкцию всей системы нарративных отношений на языке перевода. Успешный перевод в этой области – это перевод, который, используя иные языковые средства, достигает сходного прагматического эффекта: создаёт ощущение присутствия рассказывающей инстанции и её диалога с воображаемым читателем.

Список использованной литературы:

1. Сафронова, Е. Е. Имплицитные актанты русско - и немецкоязычных фикциональных текстов второй половины XX – начала XXI вв: диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Сафронова Екатерина Евгеньевна, 2023. – 174 с.

2. Зюскинд, П. Парфюмер. История одного убийцы: роман / П. Зюскинд; пер. с нем. Э. В. Венгеровой. – СПб.: Азбука, Азбука - Аттикус, 2017. – 320 с.

3. Кельманн, Д. Измеряя мир: роман / Д. Кельманн; пер. с нем. – М.: Амфора, 2006. – 317 с.

4. Chatman, S. Coming to Terms: The Rhetoric of Narrative in Fiction and Film / S. Chatman. – Ithaca: Cornell University Press, 1990. – 240 p.

5. Kehlmann, D. Die Vermessung der Welt [Измеряя мир] / D. Kehlmann. – Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Verlag, 2005. – 304 p.

6. Schmid, W. Narratology: An Introduction / W. Schmid. – Berlin: De Gruyter, 2003. – 203 p.

7. Süskind, P. Das Parfum. Die Geschichte eines Mörders [Парфюмер. История одного убийцы] / P. Süskind. – Zürich: Diogenes Verlag AG, 1994. – 321 p.

© Сафронова Е.Е., 2026

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

HISTORICAL SCIENCES

Дворянкин О.А.
кандидат юридических наук
эксперт по истории, Москва

БАБА - ЯГА И ВОЛШЕБНЫЕ ПРЕДМЕТЫ

Аннотация: в статье рассматриваются предметы, которые находились в обороте «некого мифологического образа» - Баба - Яга. Изучалось и анализировалось происхождение предметов: клубок (навигатор), волшебное полотенце (платочек), огненный щит (сифонофор), меч - кладенец, сапоги - скороходы, скатерть - самобранка, шапка - невидимка и ковер - самолет. На основании проанализированного материала делается предположение, что данные предметы и их «специфические» (фантастические) возможности – это не выдумки и вымыслы сказителей и сказочников, не народное творчество, а реальные вещи, которые обладали теми техническими возможностями, которые в них заложили, и их из походов могла принести воительница - поляница.

Ключевые слова: Баба - Яга, воительница - поляница, клубок (навигатор), волшебное полотенце (платочек), огненный щит (сифонофор), меч - кладенец, сапоги - скороходы, скатерть - самобранка, шапка - невидимка, ковер - самолет

Dvoryankin O.A.
candidate of legal sciences,
history expert, Moscow

BABA YAGA AND MAGICAL OBJECTS

Abstract: the article examines the objects that were in circulation around "a certain mythological figure" — Baba Yaga. The origin of the objects was studied and analyzed: a ball (navigator), a magical towel (handkerchief), a fiery shield (siphonophore), a sword of invincibility, speedy boots, a self-feeding tablecloth, an invisibility cap, and a flying carpet. Based on the analyzed material, it is assumed that these objects and their "specific" (fantastic) capabilities are not fabrications or the product of the imagination of storytellers and tale-tellers, not folk art, but real things that possessed the technical capabilities that were inherent in them, and they could have been brought back from military campaigns by a warrior-polyanitsa.

Keywords: Baba Yaga, polar warrior, tangle (navigator), magic towel (handkerchief), fire shield (siphonophore), kladenets sword, boots, self - made tablecloth, invisible hat, flying carpet

Баба - яга – один из наиболее популярных персонажей славянских сказок. Она достаточно часто появляется в сказаниях о подвигах богатырей, царевичей или смышленых и удачливых героев незнатного происхождения. Так, в первом томе

сборника «Народные русские сказки», составленном известным собирателем фольклора Александром Николаевичем Афанасьевым, персонаж Бабы - яги встречается 11 раз, и примерно в половине этих сказок Баба - яга выступает в качестве злодейки, а в остальных случаях она является положительным персонажем, которому служат различные животные и который в ряде случаев помогает герою сказки советом или же полезным предметом.

Последнее делает Бабу - ягу, пожалуй, самым интересным героем русских сказок: в отличие от многих других сказочных злодеев, яга обладает завидным арсеналом волшебных предметов, каждый из которых имеет собственный уникальный функционал и помогает главным героям добиться желаемого. Такими предметами могут быть ценные вещи: к примеру, в «Сказке о молодильных яблоках» яга дарит герою коня, а в сказке о Финисте – ясном соколе главная героиня Марьюшка получила сразу от трех сестер, каждая из которых была ягой, серебряное донце и золотое веретенце; серебряное блюдо и золотое яичко; золотое пяличко да иголочку – все эти предметы Марьюшка обменяла для того, чтобы вызволить своего возлюбленного Финиста [1]). Однако присутствуют среди подаренных ягой предметов и весьма интересные приспособления, имеющие подчас своеобразные инженерные решения или же выглядящие как обычные повседневные вещи, которые применяются самым неожиданным образом.

Почему же именно Баба - яга, а не, скажем, чародей Кощей Бессмертный, обладает целой россыпью полезных волшебных предметов?

Вероятно, это обусловлено происхождением Бабы - яги, которая могла быть как проводником героев сказок в потусторонний мир, приносящим предметы с необычными свойствами из загробного царства, так и бывшей поляницей, стремившейся для получения преимущества в столкновениях с воинами, богатырями и другими добрыми молодцами создавать и применять хитроумные устройства. В то же время нельзя исключать и фактор гиперболизации сказочного повествования: предметы яги могли не иметь никаких волшебных свойств, а их волшебное действие определялось лишь фантазией автора сказки.

Как следствие, можно рассматривать каждый волшебный предмет, принадлежащий Бабе - яге в трех аспектах: как обычные вещи, которым просто приписали волшебные свойства, как настоящие магические артефакты, прибывшие в наш мир из загробного царства, а также как особые приспособления и устройства, созданные самой ягой или кем - то еще. Попробуем применить данный трехаспектный подход при рассмотрении волшебных предметов Бабы - яги.

Одним из наиболее известных предметов, которые когда - либо доставались героям сказок от Бабы - яги, является волшебный клубок – своеобразный навигатор, позволяющий добраться до желаемого места назначения (рис. 1).

Рис. 1. Сказочный герой получает от Бабы - яги волшебный клубок [2]

Клубок ниток или пряжи – на первый взгляд, весьма простой предмет без каких - либо магических свойств. Способ обнаружения дороги с его помощью, как представляется, не связан с какими - либо сложностями: исторически он восходит к мифу о нити Ариадны. Согласно мифу, Ариадна была дочерью царя, во владениях которого на острове Крит в подземном лабиринте обитал минотавр, собиравший с местного населения страшную дань – приносимых в жертву девушек и юношей. Дочь критского царя влюбилась в мифического героя Тесея, прибывшего на остров и решившего помочь местным жителям, поэтому она дала ему с собой клубок нитей, способных помочь ему выбраться из запутанного подземного лабиринта (рис. 2).

Рис. 2. Тесей и Ариадна (художник Виллем Стрейкер, 1657) [3]

Принцип действия клубка в данном случае был весьма примитивен и не имел никаких магических характеристик: Тесей просто прикрепил нить из начала клубка на входе в лабиринт и, по мере продвижения вглубь, разматывал его. В дальнейшем же именно по размотанной нити Тесей смог вернуться обратно ко входу. Таким образом, в древнегреческом мифе представлен самый практичный вариант использования клубка, а сам по себе он путь Тесею не указывал. В русских же сказках клубку обычно приписываются именно эти свойства.

В данном контексте представляет интерес точка зрения художницы, режиссера - документалиста и, как она сама себя называет, сказкотерапевта Анны Бену, изложенная в ее книге «Символизм сказок и мифов народов мира». Анна Бену указывает на особую роль нити, веретена и прялки в славянской культуре.

Как отмечается в книге «Символизм сказок и мифов народов мира», прялка, к которой привязывалась нить, символизировала для славян небесный свод, отделяющий мир людей от подземного мира. Нить же в данной конструкции подразумевала луч белого света, спускающегося к миру земному и позволяющему находить путь к нему даже из мира подземного. Смотанная же в клубок нить, по мнению Анны Бену, была не только сплетением небесного света, указывающим путь, но и знанием, высшей мудростью, которая и приводит героя сказки к нужному ему месту [4]. В целом, данная точка зрения может быть рассмотрена сразу в двух представленных выше аспектах: позиция Анны Бену одновременно связана и с отнесением клубка нитей к загробным артефактам и к мифологизации свойств самых обычных предметов с последующим их преувеличением в сказках.

Данная точка зрения не лишена основы: в славянской мифологии нить была тесно связана с судьбой человека, а конкретнее – нить и являлась физическим воплощением судьбы человека, в то время как прялка, на которой нить была выпрядена, символизировала «колесо судьбы», поскольку ключевой частью механизма прялки являлось именно колесо. Вращение колеса в культуре славян означало цикличность времени и всех жизненных процессов (рис. 3).

Рис. 3. Колесо прялки [5]

Символом этой цикличности у славян было солнце – центральная часть прялки зачастую украшалась узорами, в том числе солярными (солнечными) знаками, в результате чего при движении колеса прялки происходило круговое движение солнца по небесному своду, то есть, движение самой жизни [6].

Такое представление о нити и прядении славяне, вероятно, переняли из греческой культуры: так, в поэме Гомера «Одиссея» жена итакского царя Пенелопа, ждущая мужа домой и отбивающая атаки настойчивых ухажеров, по наущению богини Афины стала каждую ночь распускать рукоделие, которое наткала за целый день, чтобы отсрочить момент выбора нового мужа (рис. 4). Такие действия Пенелопы, жены Одиссея символизировали попытки замедлить время, отсрочить свою судьбу, повлиять на течение собственной жизни.

Рис. 4. Пенелопа у своего ткацкого станка
в окружении приехавших свататься женихов [7]

Таким образом, в греческой и славянской культуре нить по своей сути являлось физическим воплощением судьбы, и потому переданный герою Бабой - ягой моток нитей не помогал ему найти дорогу – нахождение дороги уже было предусмотрено судьбой героя сказки, и клубок фактически был лишь символом этой судьбы, а не навигатором, помогающим ему в его приключении.

Как следствие, преобладающим в культурно - историческом поле мнением может считаться приписывание самому обычному, повседневному предмету особых, мифических свойств. Причем, такой подход распространен в разных культурах, не только в русском фольклоре, а потому не представляется возможным связывать волшебный клубок исключительно с Бабой - ягой. Более того, передача волшебного клубка происходит не только от Бабы - яги: так, в сказке «Поди туда – не знаю куда» главному герою стрелку Андрею клубок передает Марья - царевна (рис. 5).

Рис. 5. Андрей - стрелок получает волшебный клубок от царевны Марьи [8]

Таким образом, клубок нитей не являлся уникальным артефактом, получаемым героем именно от Бабы - яги – другие сказочные персонажи также могли им распоряжаться и передавать иным героям. Подтверждает ли это теорию о приписывании самому обычному предмету волшебных свойств? Несомненно, да.

С другой стороны, попробуем представить, каким образом волшебный клубок могла использовать героиня нашего исследования – Баба - яга.

Поскольку в своих исследованиях мы исходим из представления о Бабе - яге как о некогда могущественной поляницe[1], которая уже отошла от дел, но все еще принимает у себя сказочных героев и помогает достойнейшим их них (по аналогии с прохождением обряда инициации), целесообразно предположить, что клубок является очередным хитроумным устройством или же вещью, которую Баба - яга как поляница использовала с применением смекалки, что было характерно для отважных богатырш, уступавших воинам - мужчинам в силе, но бравших хитростью.

Любопытную теорию о волшебном клубке как о технически сложном устройстве с «умной начинкой», позволяющей ему ориентироваться на местности и направлять героя, выдвинула автор канала «TechScanner» Екатерина Терентьева. Она представила клубок в виде весьма интересного и продвинутого сказочного артефакта, в основе которого «умное волокно», позволяющее с помощью спектрального анализа света определять местоположение клубка, а также пьезоэлектрический элемент, благодаря которому клубок за счет разрядов тока передвигается в нужном направлении (рис. 6).

Рис. 6. Волшебный клубок в разрезе (по версии канала «TechScanner») [9]

Данная версия, хотя и вызывает определенный интерес, все же опирается на фантастическую основу, поскольку столь продвинутые технологии, даже если они

[1] Дворянкин О.А. «Баба - яга – «жизнь» между реальностью и мифологией. Часть 1» Сборник составлен по итогам Международной научно - практической конференции «Проблемы современности через призму междисциплинарных исследований», состоявшейся 1 июля 2026 г. в г. Самара С. 159 - 172.

были доступны в древние времена и благополучно забыты в дальнейшем, в таком виде, в котором они представлены в публикации Екатерины Терентьевой, не существуют и в нашей повседневности, несмотря на доступность всех предполагаемых компонентов устройства. То есть, технологии сегодня теоретически позволяют собрать подобное устройство – своего рода робота с бионическими элементами – однако до сих пор ни один робототехник не сделал ничего подобного. И уж тем более сложно представить, чтобы таких артефактов было несколько, так чтобы их держателями были и Баба - яга, и Марья - царевна, и, например, встреченная Иваном в Золотом царстве девица (сказка «Три царства – медное, серебряное и золотое»).

Как следствие, можно предположить, что клубок как предмет, фигурирующий в самых разных сказках и находящийся в распоряжении у самых разных персонажей, все же являлся обычным мотком нитей, волшебные свойства которому придавала либо фантазия автора сказки, либо необычный подход к применению, например, с использованием полянинской смекалки.

Возможно, что Баба - яга обладала несколькими клубками нитей, предназначенных для походов в разные направления сказочных земель. Можно также предположить, что карта этих сказочных земель была не столь обширна и имела лишь несколько точек назначения: как правило, герои сказок направлялись в конкретные места (например, во владения Кощея), а ситуации из сказки «Поди туда – не знаю куда» были, скорее, исключением. Примечательно, что до самой Бабы - яги герои обычно добирались без помощи «навигаторов». Отсюда можно сделать вывод о том, что сказочные герои всегда знали, как и где им отыскать Бабу - ягу, дорога к ней была им известна, несмотря на то, что жила сказочная злодейка в темном лесу.

С другой стороны, темный лес ограничивал доступ к другим сказочным героям, например, к Кощею или Змею Горынычу и добраться к ним без помощи яги было уже затруднительно. Не исключено, что и сама яга с возрастом уже начала испытывать затруднения с ориентированием на местности и поэтому имела несколько клубков (как вариант – разных цветов) для прокладывания пути к тому или иному сказочному герою или злодею.

Нельзя исключать, что в таких случаях использовался принцип, обратный принципу нити Ариадны: герои начинали путь в заданном ягой направлении, разматывая по пути клубок нитей определенного цвета и сопоставляя их, например, с метками этого же цвета, заблаговременно нанесенных на деревья или камни, и таким образом находили дорогу к нужному им персонажу, а после имели возможность вернуться обратно, что было важно, ведь раз герои знали, как добраться до избушки Бабы - яги, значит, они могли беспроблемно вернуться от нее в первоначальную точку своего маршрута. Сделать это, скажем, от владений Кощея без возвращения через опушку с избушкой на курьих ножках было бы уже проблематично.

Представляется, что такой способ ориентирования на местности вполне мог существовать в мире сказок, и лишь фантазия автора могла превратить клубок в нечто большее, чем просто способ отметить уже пройденный маршрут.

Еще в одной сказке – «Баба - яга и Заморышек» – представлены сразу два волшебных предмета: один из избушки на курьих ножках украл главный герой Заморышек, другой использовала против главных героев сама сказочная злодейка.

Предметом, украденным из избушки яги, оказалось волшебное полотенце (в некоторых вариантах платочек). В соответствии с текстом сказки Заморышек предусмотрительно взял с собой волшебное полотенце (платочек), взмах которого влек за собой появление моста через реку. Благодаря внезапно возникшей переправе герои сказки смогли быстро перебраться на другой берег синего моря. При этом преследовавшая Заморышка и его спутников Баба - яга использовала против них опасное оружие – огненный щит, с помощью которого она палила во все стороны [10].

Из представленных двух предметов особый интерес вызывает огненный щит – весьма продвинутое оружие, которым не могли похвастаться даже знаменитые русские богатыри. Что касается полотенца или платка, то их применение могло не иметь какого - либо волшебного наполнения: вероятно, с их помощью Заморышек мог определить направление ветра и понять, в какой стороне находится река и вероятная переправа. Как отмечается в Основах гидрометеорологии, в речных условиях можно определить направление ветра относительно течения реки. В тех или иных районах течения реки может дуть как верховой, так и низовой ветер, а направление его вполне возможно определить по флагу – то есть по куску ткани [11].

Несомненно, этот способ определения направления ветра эффективен, прежде всего, непосредственно на воде. Тем не менее, вполне вероятно, что Заморышек, находящийся близ реки, но не имеющий ее в зоне прямой видимости, мог с помощью позаимствованной у Бабы - яги ткани поймать низовой ветер, определить свое местоположение относительно реки и довольно быстро выйти к ней и найти переправу.

Стреляющий же огнем щит выглядит более интригующе. Прежде всего, он может служить косвенным подтверждением теории яги - воительницы. Также вызывает интерес техническое устройство этого оружия. Сказка не предоставляет детального описания щита: неясно, был ли он деревянным или же металлическим, где располагался резервуар для воспламеняющейся жидкости и существовал ли он в принципе, как именно осуществлялось выбрасывание пламени – имелось ли какое - то дуло или просто труба (желоб), и так далее.

Как следствие, о внешнем виде этого оружия и его функционале можно только догадываться. Это мог быть как стандартный на вид боевой щит, служивший своеобразной гардой (защитной деталью) для основного орудия, или же труба с круглым, похожим на небольшой щит наконечником, из которого вырывалось пламя (рис. 7).

Но откуда у лесной отшельницы мог взяться такой щит?

Рис. 7. Стреляющая огнем Баба – яга
(создано с помощью нейросети «Шедеврум») [12]

Теория происхождения щита из загробного царства или теория гиперболизации свойств самых обычных предметов авторами сказки не помогут нам в данных размышлениях, ведь огненный щит упоминается всего один раз и только в этой сказке, притом описание его является весьма скупым на детали. Однако если мы снова попробуем развить версию о том, что Баба - яга – это некогда могучая поляница, некоторые детали могут проясниться.

Как мы выяснили ранее, богатырши - поляницы охотно вступали в бой с самыми разными противниками - мужчинами, пусть даже те и превосходили их в физической силе – в ответ поляницы использовали свой хитрый ум и смекалку. Вполне возможно, что данное устройство было захвачено Бабой - ягой – поляницей в одном из боев, вероятно, добыто оно было с помощью хитрой уловки, а не грубой силы, после чего стреляющий огнем щит стал уже ее оружием, которое, впрочем, она использовала крайне редко. Возникает вопрос: где и у кого могла Баба - яга отнять столь мощное оружие?

Ответ напрашивается сам собой: Баба - яга могла перехватить это огнеметательное устройство у греков / византийцев, применявших на своих судах или сухопутных машинах хорошо знакомую нам технологию «греческого огня». Вероятно, данный щит был портативной, переносной версией сифонофора – стационарного устройства для метания «греческого огня» (рис. 8), и потому его Баба - яга смогла легко забрать с собой, в то время как остальные части сложных и массивных установок для огнеметания она унести к себе в избушку просто не смогла.

Рис. 8. Переносная версия сифонофора [13]

Это обстоятельство может также объяснить и разовое использование данного щита лишь в одной сказке: не исключено, что переносная версия сифонофора с гардой - щитом могла обладать весьма ограниченным запасом воспламеняющейся жидкости (в то время как на стационарных установках применялся и котел, и бочка с горючей смесью), а потому яга как человек продвинутый, сведущий в технических аспектах работы разных агрегатов, могла осознавать скромность запасов и ограниченность использования данного щита, и беречь его до определенного, наиболее насущного момента.

Перехватить же такое устройство яга вполне могла где - то на всей протяженности пути из «варяг в греки»: как мы выяснили в наших предыдущих изысканиях, византийские суда, снаряженные устройствами для огнеметания, вполне могли заходить в пределы водной гавани Новгорода, а воины с портативными версиями сифонофоров теоретически имели возможность далеко продвигаться и вглубь сухопутной территории, где их и могла поджидать жаждущая боя поляница.

Таким образом, трофейный предмет, попавший в руки яги - поляницы, превратился в ее секретное оружие. При этом еще одно грозное оружие, вероятно, так же попавшее к яге в бою, ею обычно не использовалось – это меч - кладенец (рис. 9).

Рис. 9. Художественная инсталляция «Меч - кладенец» [14]

Меч - кладенец является неизменным спутником побед богатырей – именно после его получения герой часто добивается решающего преимущества над соперником. Однако сама яга, выступавшая в некоторых сказках в роли злодейки, по какой - то причине не обращала этот меч против героя – меч, как правило, хранился в ее владениях или в месте, хорошо ей известном, будучи при этом надежно спрятанным. Как следствие, яга выступала в роли хранительницы меча или же просто считала необходимым прятать его от посторонних глаз.

Сам факт неиспользования ягой меча представляется странным, ведь помимо свойства приносить безоговорочную победу герою кладенец мог как в момент убить противника ударом одной стороны меча, так и вернуть его к жизни ударом другой стороны. Казалось бы, фантастические свойства такого меча открывали

перед его обладателем широкие возможности. Почему же сказочная злодейка не использовала его в боях сама, направляя к нему героев или своих подручных?

В данном случае видится интересной точка зрения психолога и исследователя сказок Светланы Патрушевой, которая отмечает, что герой до получения меча мог быть достаточно скромным по своим физическим возможностям человеком, однако после его обретения меча он становился «молодцом - удальцом». Такое преображение Светлана Патрушева связывала с проявлением потенции героя к разрушению, к причинению вреда противнику, по причине чего она называла меч - кладенец фаллическим символом [15].

Данная позиция представляется не лишенной логики, поскольку: во - первых, меч как вертикальный заостренный предмет неизменно связан с войной и маскулинностью (мужским началом), а во - вторых, свойства меча, проявляющиеся как в мгновенном причинении смерти (разрушение), так и в воскрешении поверженного противника (начало новой жизни), также намекают на возможность рассмотрения меча - кладенца в качестве фаллического символа.

Возможно, именно это обстоятельство отталкивало Бабу - ягу как некогда могучую поляницу от обладания этим мечом, однако она осознавала, какую силу использование меча - кладенца может придать положительному герою и каким разрушительным может стать его применение против врагов яги, и потому сама делала выбор, кого направить на поиски меча – героя, нуждающемуся в мощном оружии в противостоянии с его врагами, или же своих подручных, которые должны были завладеть мечом раньше героя, угрожавшему самой яге.

В то же время стоит обратить внимание на то, что «кладенец» не является «именем» меча по примеру легендарного Экскалибура – его название восходит, скорее, к свойствам этого оружия, а именно к способности наносить значительный урон при минимальном количестве ударов. Как следствие, сказочных мечей, имеющих свойство «класть врагов», могло быть великое множество, и Баба - яга не являлась единственной, кому был доступен подобный меч. Так, в сказке «Иван коровий сын» главный герой Иван, отправляющийся в свои странствия, с самого начала берет с собой палицу и меч - кладенец [16].

В силу этих причин можно с уверенностью утверждать, что меч - кладенец является, пожалуй, наиболее неволшебным предметом среди тех, которыми обладала Баба - яга. По своим свойствам это мог быть обычный меч, которому лишь авторы сказок приписывали различные характеристики, помогающие героям внезапно обретать дополнительную силу и одерживать сокрушительную победу.

Схожим образом можно трактовать и некоторые другие волшебные предметы из сказок, например, сапоги - скороходы или скатерть - самобранку. Сапоги - скороходы, как и меч - кладенец, не используются именно Бабой - ягой и подчас с самого начала оказываются в руках сказочных героев. Так, в сказке «Заколдованная королевна» главный герой Иван купеческий сын отнял сапоги - скороходы вместе с ковром - самолетом и шапкой - невидимкой у троих чертей, которые, по их словам, получили эти предметы в наследство от отца [17]. В

похожей сказке «Вещий сон» (известной также как «Не скажу!») Иван купеческий сын обманом забрал данные предметы у трех стариков [18].

Скатерть - самобранка, напротив, упоминается в непосредственной связи с Бабой - ягой: так, например, в сказке «Ненаглядная красота» главный герой Иван - царевич в своих странствиях набредает на избушку Бабы - яги и требует у старухи сперва накормить его, а после расспрашивать, после чего яга расстелила самобранку [19].

Из представленных выше предметов, пожалуй, именно скатерть - самобранку можно представить себе в качестве потенциально существующего артефакта. В связи с тем, что к Бабе - яге очень часто забредали герои самых разных сказок и сама она много передвигалась по сказочным пространствам в своей ступе, вполне вероятно, что у нее всегда была наготове свернутая в узелок скатерть, в которой могли находиться различные припасы долгосрочного хранения, пригодные для употребления в пищу без предварительного приготовления. В силу этой причины у героев сказок могло складываться впечатление, что скатерть словно успевала за секунды приготовить все яства сама, в то время как все заготовки, собранные в скатерти, могли быть соленьями или иной консервацией – ведь яга была, прежде всего, отшельницей и лесным жителем и наверняка имела навыки заготовки провизии.

Шапка - невидимка и ковер - самолет представляются, скорее, плодом богатого воображения авторов сказок, ведь совершенно очевидно, что любой обладающий таким средством передвижения человек обязательно бы им пользовался. Однако Баба - яга в сказке «О лягушке и богатыре» просто дарит этот ковер молодоженам [20], в то время как сама она, согласно сказочным сюжетам, передвигается в ступе. В то же время ступа является более любопытным из волшебных предметов Бабы - яги, которым, в отличие от других артефактов, она никогда не делится. Однако ступа Бабы - яги заслуживает отдельного исследования, и мы коснемся этой темы позднее.

Что касается и шапки - невидимки – нет достоверных сведений о том, что сама яга пользовалась ею – обычно другие герои сказок либо получают шапку от других персонажей (как Иван от чертей / старичков), либо крадут ее. А вот сапоги - скороходы вполне могли быть предметом, созданным ягой как многоопытной бывшей поляницей и сведущей в различных природных материалах лесной жительницей. Представляется, что такие сапоги, в отличие от обычных сапог, в которых ходили люди в те времена, могли быть сделаны из легких материалов (древесной коры, пробки, особым образом обработанной кожи), без использования металлической фурнитуры, что обеспечивало им небольшой вес и удобство в ношении. В облегченных сапогах герою было проще передвигаться, в связи с чем он действительно начинал стремительно преодолевать большие расстояния.

Не исключено, что подобные сапоги поляницы, странствующие по обширным территориям в поисках противников, подчас достаточно долго, сначала шили для самих себя, чтобы легче переносить тяготы путешествий, однако иные люди могли

узнать о таких удобных сапогах или же получить их в качестве трофея, ведь поляницы не всегда одерживали верх в противостояниях с воинами или богатырями.

Таким образом, несмотря на то, что сказочные предметы, несомненно, были рождены в фантазиях авторов сказаний, многие из них вполне могли иметь реальные аналоги, созданные благодаря смекалке и навыкам выживания в лесу, а также являться полноценными боевыми устройствами, захваченными бывшей воительницей в качестве трофея.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Березина А. И. Образ Бабы - яги в русских народных сказках // Старт в науке. 2017. № 6 (часть 2). [Электронный ресурс] URL:https: // science - start.ru / ru / article / view?id=928 (дата обращения: 23.08.2026).

2. Косов В. Баба Яга (еще один взгляд на возникновение образа) [Электронный ресурс]. URL:https: // www.liveinternet.ru / users / 4454473 / post 382575368 (дата обращения: 23.08.2026).

3. Боева Т. Куда заведет нить Ариадны и кого бьют ювеналовым бичом? [Электронный ресурс]. URL:https: // www.culture.ru / s / vopros / kuda - zavedet - nit - ariadny (дата обращения: 23.08.2026).

4. Бену А. Символизм сказок и мифов народов мира. Человек – это миф, сказка – это ты. Москва: Алгоритм, 2011. С. 68 - 70.

5. Магия прядения, вязания, плетения в русской мифологии [Электронный ресурс]. URL:https: // sovmuseum.com / news / volshebnaja _ nit _ istorija _ i _ sovremennost _ istorija _ russkoj _ prjalki _ prjalka _ derevjannaja / 2021 - 11 - 26 - 1966 (дата обращения: 23.08.2026).

6. «Волшебная нить» – история и современность – История русской прялки [Электронный ресурс]. URL:https: // www.culture.ru / s / vopros / kuda - zavedet - nit - ariadny (дата обращения: 23.08.2026).

7. Шерстянова Н. Пенелопа и ее ткацкий станок [Электронный ресурс]. URL:https: // www.livemaster.ru / topic / 1304555 - penelopa - i - ee - tkatskij - stanok (дата обращения: 23.08.2026).

8. Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что [Электронный ресурс]. URL:явернусь.рф / 2017 / 09 / 15 / podi - tuda - ne - znayu - kuda - prinesi - to - ne - znayu - chto / ?utm _ medium=organic&utm _ source=yasmartcam era (дата обращения: 23.08.2026).

9. TechScanner: Что вы всегда знали о волшебном клубочке, но даже не задумывались… [Электронный ресурс]. URL:https: // vk.ru / @techscanner - chto - vy - vsegda - znali - o - volshebnom - klubochke - no - dazhe - ne - zadu (дата обращения: 23.08.2026).

10. Баба - яга и заморышек [Электронный ресурс]. URL:https: // www.kostyor.ru / tales / tale301.html (дата обращения: 23.08.2026).

11. Основы гидрометеорологии [Электронный ресурс]. URL:https: // gimsyaroslavl.narod.ru / 59 / 59 _ 10.htm?ysclid=mt4j4299e5731753320 (дата обращения: 23.08.2026).

12. Баба - яга в ступе летит над лесом [Электронный ресурс]. URL:https: // shedevrum.ai / post / 1704971f8d0811eebb9ef6f8c1ba65ae (дата обращения: 23.08.2026).

13. 10 интересных вещей и изобретений, которые придумали в Средние века [Электронный ресурс]. URL:https: // nikivgr.livejour nal.com / 578019.html?utm _ medium=organic&utm _ source=yandexsmartcamera (дата обращения: 23.08.2026).

14. Меч - кладенец [Электронный ресурс]. URL:https: // thumb.wikimedia.org / wikipedia / commons / thumb / 6 / 63 / Меч - кладенец.jpg / 500px - Меч - кладенец.jpg?utm _ source=ru.wikipedia.org&utm _ campaign= parser&utm _ content=thumbnail (дата обращения: 23.08.2026).

15. Патрушева С. Архетипы в русских сказках [Электронный ресурс]. URL:https: // newhouse.ru / articles / psy / 204924 / ?ysclid=mtq02uklh 7788731291 (дата обращения: 23.08.2026).

16. Народные русские сказки (Афанасьев) / Буря - богатырь Иван коровий сын. № 136 [Электронный ресурс]. URL:https: // ru.wikisource.org / wiki / Народные _ русские _ сказки _ (Афанасьев) / Буря - богатырь _ Иван _ коровий _ сын (дата обращения: 23.08.2026).

17. Народные русские сказки (Афанасьев) / Заколдованная королевна [Электронный ресурс]. URL:https: // ru.wikisource.org / wiki / Народные _ русские _ сказки _ (Афанасьев) / Заколдованная _ королевна (дата обращения: 23.08.2026).

18. Народные русские сказки (Афанасьев) / Вещий сон [Электронный ресурс]. URL:https: // ru.wikisource.org / wiki / Народные _ русские _ сказки _ (Афанасьев) / Вещий _ сон (дата обращения: 23.08.2026).

19. Сказка «Ненаглядная красота» [Электронный ресурс]. URL:https: // nukadeti.ru / skazki / nenaglyadnaya - krasota?ysclid=mtyitfc58x248859372 (дата обращения: 23.08.2026).

20. Народные русские сказки (Афанасьев) / Сказка о лягушке и богатыре [Электронный ресурс]. URL:https: // ru.wikisource.org / wiki / Народные _ русские _ сказки _ (Афанасьев) / Сказка _ о _ лягушке _ и _ богатыре (дата обращения: 23.08.2026).

© Дворянкин О.А. 2026

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

TECHNICAL SCIENCE

Виноградов А.С., студент
Московского автомобильно - дорожного государственного
технического университета (МАДИ)

СТРАТЕГИИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБНАРУЖЕНИЯ ОБЪЕКТОВ В УСЛОВИЯХ ПЛОХОЙ ВИДИМОСТИ

Аннотация. Исследована проблема устойчивости детекторов объектов в дождевых сценах, критичная для безопасности автономного вождения. Сравнены три стратегии: предварительная обработка изображений и доменная адаптация через обучение на смеси погод. На реальных дождевых изображениях набора данных DAWN с детектором YOLOv8s показано, что предварительная обработка не улучшает обнаружение, а обучение на смеси погод повышает среднюю точность на 18 процентных пунктов. Сделан вывод о приоритете обучения над предварительной обработкой.

Ключевые слова: компьютерное зрение, автономное вождение, неблагоприятные погодные условия, обнаружение объектов, доменная адаптация, удаление дождя

Введение

Автономные транспортные средства полагаются на системы компьютерного зрения для обнаружения объектов, принятия решений о торможении и планирования маршрута. Однако реальные условия эксплуатации редко соответствуют идеальным сценариям, на которых обучаются современные детекторы. Дождь вызывает физическую деградацию изображений: рассеяние света снижает контраст, капли на объективе вносят окклюзии, а низкая освещённость уменьшает отношение сигнал / шум. Исследования показывают, что точность детекторов в таких условиях может падать на 20–40 % относительно ясной погоды [5]. Для задач безопасности автономного вождения это означает рост числа пропущенных объектов — пешеходов, других транспортных средств, препятствий, — что напрямую угрожает жизни участников дорожного движения.

Существующие подходы к повышению устойчивости детекторов в неблагоприятную погоду можно условно разделить на три группы. Первая — предварительная обработка изображений, при которой кадр проходит через модель восстановления (удаление дождя, повышение контраста, улучшение освещённости) до подачи в детектор [4, 11]. Вторая — доменная адаптация, при которой сам детектор обучается на данных из нескольких погодных доменов, чтобы выучить признаки объектов, инвариантные к погоде [1, 3, 6]. Третья — сенсорное объединение, при котором камера дополняется лидаром, радиолокатором или инфракрасным датчиком [8]. Каждое направление демонстрирует впечатляющие результаты в изолированных экспериментах, однако систематическое сравнение этих стратегий на едином наборе данных с учётом вычислительной эффективности остаётся невыполненным. В частности, неясно, даёт ли предварительная обработка изображений реальный прирост точности

обнаружения или лишь улучшает визуальное качество, не влияя на семантическое восприятие.

Настоящая работа восполняет этот пробел. Цель исследования — сравнить три стратегии повышения устойчивости детекторов объектов в дождевых сценах и определить, какая из них обеспечивает наибольший прирост точности. Для достижения цели поставлены следующие задачи: обучить базовый детектор на дождевых изображениях и зафиксировать его метрики; применить к тем же изображениям модели предварительной обработки Zero - DCE++ и Restormer и оценить изменение точности; обучить детектор на расширенном наборе, включающем девять погодных условий, и сравнить результат с базовым; сопоставить стратегии по критерию прироста точности на единицу вычислительной сложности.

Методологическую основу составляет детектор YOLOv8s [10], обученный на подвыборке rain _ storm набора данных DAWN [5], содержащей реальные дождевые изображения. Для оценки используются стандартные метрики обнаружения: средняя точность (mAP50 и mAP50 - 95), точность (Precision) и полнота (Recall). В разделе «Результаты» представлено сравнение трёх стратегий повышения устойчивости, в заключении сформулированы основные выводы и практические рекомендации.

Baseline и предобработка изображений

Для получения базового уровня точности был обучен детектор YOLOv8s [10] на 160 дождевых изображениях из подвыборки rain _ storm набора данных DAWN [5]. Валидация проводилась на 40 изображениях, не участвовавших в обучении. Для стабилизации процесса обучения использовались пониженная скорость обучения (lr0 = 0.001) и увеличенный период ожидания ранней остановки (patience = 50). Базовый детектор показал среднюю точность mAP50 = 0.629, mAP50 - 95 = 0.381, точность (Precision) = 0.733 и полноту (Recall) = 0.616.

Рисунок 1 - Сравнение Стратегий на дождевых изображениях

На Рисунке 1 представлено сравнение предсказаний базового детектора на оригинальных дождевых изображениях и после обработки моделями восстановления. Zero - DCE++ [11], изначально созданный для улучшения низкой освещённости, привёл к снижению всех метрик: mAP50 упал до 0.546 (снижение на 0.083), полнота — до 0.518 (снижение на 0.098). Визуальный анализ показывает, что модель «пересвечивает» изображения, разрушая признаки, важные для детектора.

Restormer [4], специализированная современная модель для удаления дождя, показала результат, статистически неотличимый от базового: mAP50 = 0.627 (изменение на −0.001), mAP50 - 95 = 0.381 (изменение на −0.001). Нейтральный эффект указывает на то, что даже корректное восстановление изображения не даёт детектору новой информации — модель, обученная на дожде, уже адаптировалась к дождевым полосам. На Рисунке 2 показано визуальное сравнение оригинального изображения и результатов обработки двумя моделями восстановления: Zero - DCE++ заметно повышает яркость и контраст, тогда как Restormer сохраняет естественный вид сцены, удаляя дождевые полосы.

Рисунок 2 - Визуальное сравнение восстановления

Таблица 1 - Сравнение стратегий по основным метрикам

Стратегия	mAP50	mAP50 - 95	Precision	Recall
Базовый детектор	0.629	0.381	0.733	0.616
Zero - DCE++ + базовый детектор	0.546	0.327	0.713	0.518
Restormer + базовый детектор	0.627	0.381	0.725	0.617
Доменная адаптация	0.808	0.457	0.723	0.829

Доменная адаптация через обучение на смеси погод

Стратегия доменной адаптации [1, 3, 6] предполагала обучение детектора на расширенном наборе из 986 изображений, охватывающих девять погодных условий: песчаная буря (232 изображения), снежная буря (204), дождь (160), дымка (113), туман (104), мгла (82) и другие. Валидация проводилась на тех же 40

дождевых изображениях, что и для базового детектора, что обеспечивает честность сравнения.

Результат превзошёл ожидания: mAP50 вырос до 0.808 (прирост на 0.179), mAP50 - 95 — до 0.457 (прирост на 0.076), полнота — до 0.829 (прирост на 0.213). Точность незначительно снизилась (0.723 против 0.733), что отражает классический компромисс: модель находит больше объектов, но допускает чуть больше ложных срабатываний. Для задач безопасности автономного вождения это правильный компромисс — пропуск объекта опаснее ложного срабатывания.

На Рисунке 3 представлены сводные графики по метрикам для всех четырёх стратегий, на Рисунке 4 — сравнение по классам объектов между базовым детектором и стратегией доменной адаптации. Наибольший прирост наблюдается по классам с малым числом примеров: мотоцикл (прирост 0.500) и автобус (прирост 0.303). Однако эти значения статистически нестабильны из - за малого числа объектов в валидационной выборке. Надёжный прирост демонстрирует класс «человек» (прирост 0.123), представленный девятью объектами.

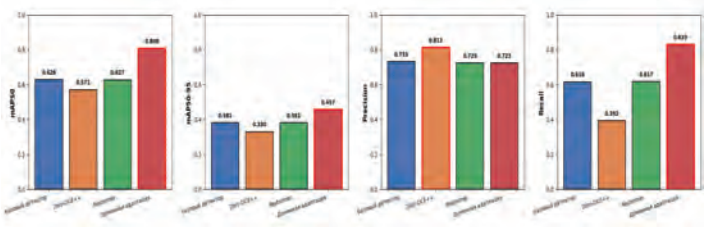

Рисунок 3 - Сравнение стратегий по основным метрикам

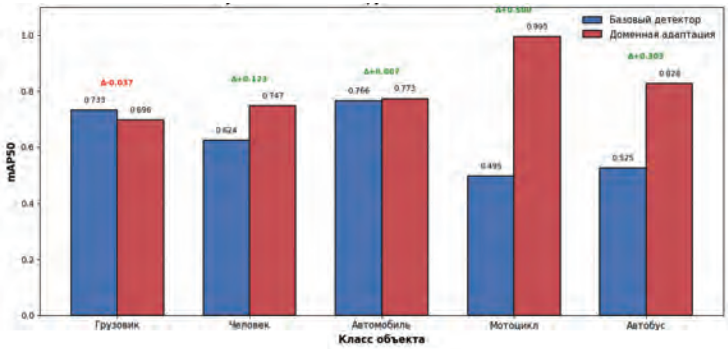

Рисунок 4 - Точность обнаружения по классам объектов

Сравнительный анализ стратегий

Полученные результаты формируют чёткую картину: рычаг повышения устойчивости находится в процессе обучения, а не в предварительной обработке данных.

Zero - DCE++ [11] и Restormer [4] представляют два полюса предварительной обработки — «неправильную» (не соответствующую типу деградации) и «правильную» (специализированную на дожде). Первая активно вредит обнаружению, вторая нейтральна. Общий вывод: предварительная обработка изображений не решает задачу, потому что детектор либо уже адаптирован к деградации, либо получает артефакты восстановления, которые не компенсируются улучшением видимости.

Стратегия доменной адаптации [1, 3, 6] работает принципиально иначе. Обучение на смеси погод заставляет модель выучивать признаки объектов, инвариантные к погоде — форму, контекст, структурные характеристики, а не цвет и текстуру, которые меняются от дождя к снегу. Модель, видевшая объекты в девяти различных условиях, применяет эти инвариантные признаки на дождевых изображениях, что даёт рост полноты на 21 процентный пункт.

Заключение

В работе проведено сравнительное исследование трёх стратегий повышения устойчивости детекторов объектов в дождевых сценах: предварительной обработки изображений, доменной адаптации через обучение на смеси погод и — в качестве контрольной точки — базового детектора, обученного только на дождевых данных. Эксперименты проводились на подвыборке rain _ storm набора данных DAWN с детектором YOLOv8s.

Полученные результаты позволяют сформулировать три основных вывода.

Первый вывод: предварительная обработка изображений не улучшает обнаружение объектов в дождевых сценах. Zero - DCE++, не соответствующий типу деградации, активно вредит детекции — средняя точность mAP50 падает с 0.629 до 0.546, полнота — с 0.616 до 0.518. Restormer, специализированная модель удаления дождя, показывает результат, статистически неотличимый от базового (mAP50 = 0.627). Это означает, что улучшение визуального качества изображения не транслируется в улучшение семантического восприятия: детектор либо уже адаптирован к дождевым полосам, либо получает артефакты восстановления, которые не компенсируются повышением видимости.

Второй вывод: доменная адаптация через обучение на смеси погодных условий даёт значительный прирост точности. Обучение на 986 изображениях в девяти погодных условиях повышает mAP50 до 0.808 (прирост на 0.179), полноту — до 0.829 (прирост на 0.213). Модель, видевшая объекты в снегу, тумане и песчаной буре, выучивает признаки, инвариантные к погоде, и применяет их на дождевых изображениях. Незначительное снижение точности (0.723 против 0.733) отражает компромисс в пользу полноты, что правильно для задач безопасности: пропуск объекта опаснее ложного срабатывания.

Третий вывод: рычаг повышения устойчивости находится в процессе обучения, а не в предобработке данных. Это отвечает на главный исследовательский вопрос работы и имеет прямое практическое значение: для повышения надёжности систем восприятия автономных автомобилей в неблагоприятную погоду следует

инвестировать в сбор разнообразных данных и стратегии обучения, а не в модули предварительной обработки изображений.

Список использованной литературы:

1. Gakhar A., et al. Fourier Domain Adaptation for Traffic Light Detection in Adverse Weather // ICCVW. 2025.
2. Martinez - Esteso P., et al. Synthetic Data Generation for Robust Object Detection in Adverse Weather // EngApplAI. 2025.
3. Liu W., et al. Image - adaptive YOLO for object detection in adverse weather conditions // AAAI. 2022. Vol. 36. P. 1792–1800.
4. Zamir S.W., et al. Restormer: Efficient Transformer for High - Resolution Image Restoration // CVPR. 2022. P. 5728–5739.
5. Hassaballah M., et al. DAWN: Vehicle Detection in Adverse Weather Nature // arXiv:2008.05402. 2020.
6. Teboulbi S., et al. Fine - Tuned Yolo V - 10X: Real - Time Object Detection for Autonomous Vehicles Under Multiple Weather Conditions // IEEE. 2025.
7. Raza N., et al. Assessment of Efficient and Cost - Effective Vehicle Detection in Foggy Weather // IEEE. 2024.
8. Zhang Z., et al. Enhancing Object Detection in Adverse Weather Conditions through Entropy and Guided Multimodal Fusion // ACCV. 2024. P. 2922–2938.
9. Gupta H., et al. Robust object detection in challenging weather conditions. 2024.
10. Terven J., et al. A comprehensive review of YOLO architectures in computer vision // Machine Learning and Knowledge Extraction. 2023. Vol. 5(4).
11. Li C., Guo C., Guo J. Zero - DCE++: Learning to Enhance Low - Light Image via Zero - Reference Deep Curve Estimation // IEEE TPAMI. 2021.
12. Adver - City: Open - Source Multi - Modal Dataset for Collaborative Perception Under Adverse Weather Conditions. IEEE Xplore, 2026.

© Виноградов А.С., 2026

Гаврилов А.Ю.
слесарь по ремонту т / у 4 р
ООО «Газпром добыча Ямбург»
г. Салават, РФ

КЛАССИФИКАЦИЯ ХИМИЧЕСКИХ РЕАКТОРОВ: ОТ ГОМОГЕННЫХ ДО МНОГОФАЗНЫХ

Аннотация

В статье представлена комплексная классификация химических реакторов, являющихся основным аппаратом для осуществления химико - технологических

процессов. Рассмотрено деление реакторов по фазовому составу (гомогенные, гетерогенные, многофазные), режиму работы (периодические, непрерывные, полунепрерывные) и конструктивным особенностям (колонные, трубчатые, каскадные, микрореакторы).

Ключевые слова

Химический реактор, классификация, гомогенные процессы, гетерогенные процессы, многофазные системы, реактор идеального смешения, реактор идеального вытеснения, микрореактор.

Химический реактор – это центр любого химико - технологического процесса, аппарат, в котором осуществляется целенаправленное превращение исходных реагентов в целевые продукты. От его типа, конструкции и режима работы зависят ключевые показатели процесса: скорость реакции, выход продукта, селективность, энергоемкость и, в конечном счете, экономическая эффективность всего производства [1].

Один из важных критериев, определяющий конструкцию и режим работы аппарата, – это число и агрегатное состояние фаз, участвующих в реакции.

Таблица 1 – Классификация реакторов по фазовому составу

Тип реактора	Характеристика	Примеры применения
Гомогенные	Все реагенты и продукты находятся в одной фазе (газовой или жидкой). Массообменные ограничения отсутствуют.	Горение газообразного топлива, термический крекинг в паровой фазе, полимеризация в растворе, реакции нейтрализации в водной среде.
Гетерогенные	Реагенты находятся в двух или более фазах. Процесс лимитируется как химической кинетикой, так и скоростью массопереноса между фазами.	Каталитические процессы (газ - твердое тело: синтез аммиака; жидкость - твердое тело: гидрирование), электрохимические процессы (окисление - восстановление на электродах).
Многофазные	В реакции одновременно участвуют три и более фаз. Характеризуются сложной гидродинамикой и интенсивными массообменными процессами.	Реакторы с флюидизированным (кипящим) слоем (газ - жидкость - твердое тело: крекинг; газ - твердое тело: окисление), барботажные колонны (газ - жидкость - твердое тело: ферментация, гидроочистка).

Гомогенные реакторы отличаются простотой расчета и конструкции, так как среда является однородной. Однако они часто требуют жесткого контроля температурного режима, особенно для высокоэкзотермических реакций [3].

Гетерогенные реакторы, особенно каталитические, являются наиболее распространенными в промышленности. Их конструкция должна обеспечивать эффективный контакт между фазами (например, подачу газа к поверхности твердого катализатора) и отвод тепла [1].

Многофазные реакторы представляют собой наиболее сложный класс. Например, в реакторе с флюидизированным слоем твердые частицы катализатора находятся во взвешенном состоянии за счет восходящего потока газа или жидкости, что обеспечивает высокую интенсивность тепло - и массообмена и позволяет легко добавлять и удалять катализатор [2].

По характеру организации потоков реагентов и продуктов реакторы делятся на три основных типа:

• Периодические (batch) реакторы. Все реагенты загружаются в аппарат в начальный момент времени. После проведения реакции в течение заданного времени реакционная смесь выгружается. Аппарат работает в нестационарном режиме: концентрации и температура меняются во времени.

• Непрерывные реакторы. Реагенты подаются в аппарат, а продукты выводятся из него непрерывно. Процесс стационарен во времени [3].

• Полунепрерывные (semi - batch) реакторы. Сочетают преимущества периодического и непрерывного режимов. Например, один реагент загружается в аппарат в начале процесса, а другой подается непрерывно [2].

Колонные реакторы (насадочные, тарельчатые). Представляют собой вертикальные колонны, часто используемые для гетерогенных процессов. Могут быть заполнены неподвижным слоем катализатора (насадочные) или иметь тарелки для организации контакта фаз (тарельчатые). Применяются в процессах абсорбции, ректификации с химической реакцией, каталитическом крекинге.

Трубчатые реакторы (змеевиковые, с внешним теплообменом). Имеют форму трубы или змеевика. Широко используются для высокоэкзотермических процессов, так как обладают большой удельной поверхностью теплообмена (пиролиз, синтез полимеров).

Каскадные реакторы. Представляют собой последовательность реакторов идеального смешения (CSTR). Такой подход позволяет аппроксимировать режим, близкий к идеальному вытеснению, но в аппаратах, более простых для перемешивания и теплообмена.

Список литературы

1. Леванспиль О. Инженерное оформление химических процессов: пер. с англ. / О. Леванспиль. – М.: Химия, 2023. – 576 с.

2. Фролов В. Ф. Химические реакторы: теория и практика: учебное пособие / В. Ф. Фролов. – СПб.: Профессия, 2022. – 512 с.

3. ГОСТ Р 56353 - 2022. Реакторы химические. Общие технические требования. – Введ. 2023 - 07 - 01. – М.: Стандартинформ, 2022. – 45 с.

© Гаврилов А.Ю. 2026

Кондратенко М.В., студент 4 курса
ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации» Краснодарский филиал
г. Краснодар, Россия
Научный руководитель: Ищенко О.В.,
ФГОБУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации» Краснодарский филиал
г. Краснодар, Россия

ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ CRM СИСТЕМ С ЭЛЕМЕНТАМИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА ДЛЯ B2B - КОМПАНИЙ

Аннотация

B2B - продавцы, которые наивно пытались натянуть алгоритмы, созданные для рекомендации носков и кофе, на сложную ткань многомесячных переговоров с департаментами закупок, получили жестокий урок. Оказалось, что «умная» CRM часто не отличает реальный интерес клиента от вежливого «мы подумаем». В статье разбирается, почему так вышло, и предлагаются конкретные рецепты лечения: от гибридного интеллекта (где человек не уволен, а контролирует робота) до внедрения честного ИИ, который не гадает на кофейной гуще, а объясняет свои выводы на пальцах.

Ключевые слова

CRM, искусственный интеллект, B2B - продажи, грязные данные, объяснимый ИИ, автопилот против автопилот с контролем.

Kondratenko M.V., student, 4 courses
FSBEI HE "Financial University under the Government
of the Russian Federation" Krasnodar branch, Krasnodar, Russia
e - mail: fent.reactor228@outlook.com
Scientific Adviser: Ishchenko O.V.,
FSBEI HE "Financial University under the Government
of the Russian Federation" Krasnodar branch, Krasnodar, Russia
e - mail: OVIshchenko@fa.ru

PROBLEMS AND DIRECTIONS FOR IMPROVING CRM SYSTEMS WITH ARTIFICIAL INTELLIGENCE ELEMENTS FOR B2B COMPANIES

Abstract

B2B sellers who naively tried to stretch algorithms designed for recommending socks and coffee onto the complex fabric of months - long negotiations with procurement departments received a harsh lesson. It turned out that a "smart" CRM often cannot

distinguish genuine client interest from a polite "we'll think about it." This article analyzes why that happened and offers specific solutions: from hybrid intelligence (where humans are not fired but supervise the robots) to implementing honest AI that doesn't just guess blindly but explains its reasoning in plain terms.

Keywords

CRM, artificial intelligence, B2B sales, dirty data, explainable AI, autopilot vs. supervised autopilot.

1. Почему традиционная CRM больше не тянет: эпоха «умных блокнотов» закончилась

Долгое время CRM в B2B была чем - то вроде цифрового блокнота на стероидах. Но мир изменился. Клиенты устали от спама, а сделки стали напоминать шахматную партию, где ходы зависят от настроения финансового директора на другой стороне.

Производители CRM бросились всех спасать с помощью ИИ. Обещали магию: «система сама скажет, кто купит, а кому можно и отказать». Согласно исследованию российской компании WMT AI (2026), в 80 % компаний в России внедрение ИИ ограничено использованием чат - ботов, и только 9 % строят системы, где ИИ сам извлекает данные и выполняет действия без участия человека. Игорь Никитин, основатель WMT AI, формулирует жесткий критерий: «Тест буфера обмена» — если сотрудник копирует ответ нейросети и вручную вставляет его в CRM — это провал, а не трансформация.

Главная беда в том, что B2B — это не ритейл. В масс - маркете алгоритм видит миллион покупок и легко предсказывает поведение толпы. В B2B у вас максимум несколько сотен сложных сделок в год. Каждая уникальна. Нужен другой подход.

2. Капканы, в которые попадают все: четыре реальных проблемы

Прежде чем чинить, нужно понять, что именно сломалось. На основе анализа реальных кейсов (и болезненных ошибок) можно выделить четыре главных барьера.

2.1. Феномен «грязных данных»: когда вход — мусор, выход — тоже мусор

Это старая истина в новом флаконе. ИИ — это не волшебник, а мощный комбайн: что загрузите, то и переработает. B2B - компании славятся своим творческим подходом к заполнению карточек клиентов. Менеджеры ненавидят «бесполезные поля». Вместо того чтобы честно отметить статус «Ждем подписания договора», они пишут в комментариях: «Клиент алё, звонил, сказал потом, давай завтра». Машина это не понимает.

Как отмечает основатель агентства «Инкертинг» Вера Жукова, в большинстве российских компании данные до сих пор живут «островками»: 1С используется как ядро учета, CRM - платформы обслуживают продажи, другие системы — склад и логистику. Между собой они часто связаны слабо или не связаны вовсе. Итог — тотальное недоверие к системе.

2.2. Проблема интерпретируемости («черный ящик»)

Директор по продажам влетает в кабинет к владельцу: «CRM сказала, что сделка на 100 миллионов рублей провалится!». Владелец скептически: «Почему?». Директор пожимает плечами: «Там нейросеть, сложно объяснить».

Вот это и есть главная проблема B2B. Если вы не можете объяснить логику решения алгоритма, вы не можете принять на его основе бизнес - риск. Особенно остро это стоит в условиях российских реалий. Как пишут аналитики Minervasoft, ключевым барьером для эффективного использования GenAI в России остается хаотичное хранение знаний. Когда алгоритм ошибается в B2C — клиент не купил кроссовки. Когда ошибается в B2B — компания теряет контракт года.

2.3. Слепота к контексту: когда письма тише, слова тише

Стандартная CRM видит события: «отправлено письмо», «проведена встреча». Но она не чувствует тональность. В B2B сделка может умирать медленно и незаметно. Переписка становится короче, копирайты (CC) в письмах множатся, а слова «возможно» заменяются на «нет».

Текстовые данные — это золотая жила, которую CRM старого образца просто игнорировали. Сегодня российские компании активно внедряют решения для анализа звонков и переписки. Например, разработка МФТИ и компании SalesAI позволяет анализировать звонки с точностью более 90 %, выявлять ключевые закономерности в разговорах и прогнозировать, какие сделки могут сорваться.

Аналогичный опыт есть у ОТП Банка: с помощью сервиса Yandex SpeechSense скорость обработки текстовых обращений выросла в 30 раз, а ИИ - агент на базе YandexGPT ответил на 60 тысяч запросов практически без ошибок.

2.4. Бунт на корабле: менеджеры против алгоритмов

Внедрение ИИ часто встречает пассивную агрессию со стороны отдела продаж. С одной стороны, опытные «волки» с многолетним чутьем не доверяют «калькулятору». С другой — новички начинают слепо верить роботу, переставая думать своей головой.

Совместное исследование бизнес - школы МИРБИС и «Сбер Бизнес Софт» (2025) показывает: больше 60 % компаний верят в пользу CRM, ИИ и предиктивной аналитики, но регулярно используют эти инструменты только 25–30 % респондентов.

3. Как это починить: три направления для прыжка в будущее

Хорошая новость в том, что индустрия не стоит на месте. К 2025–2026 годам российский рынок предлагает вполне рабочие решения. Вот три вектора развития.

3.1. Режим автопилота с контролем (Human - in - the - Loop)

В 2025 году на российском рынке появились обновления крупных платформ со встроенными ИИ - ассистентами: они берут на себя ответы в чатах, подготовку отчетов, генерацию задач из писем.

Что делать: Переходить к модели «агент - ассистент». Практический пример такого подхода демонстрирует платформа OSMI AI, где ИИ - агенты берут на себя самые слабые звенья: контролируют качество общения, не дают заявкам

потеряться, помогают расставлять приоритеты, автоматически готовят документы и отчёты. В одном из проектов ИИ - тренажёр для отработки возражений дал рост продаж за счёт более уверенных переговоров и сократил время адаптации новичков.

Новая фишка в CRM — возможность задавать системе вопросы на естественном языке. Как в решении SalesAI: «Какие ключевые возражения мешают закрывать сделки в этом месяце?».

3.2. Учим CRM читать (NLP и неструктурированные данные)

Современные B2B CRM должны обрастать мощными языковыми моделями, которые работают прямо внутри корпоративного контура.

Что должна уметь CRM нового поколения:

Вычленять из переписки «сигналы намерения» (фразы вроде «выставляйте счет», «давайте встретимся на вашей территории»);

Отслеживать тональность общения и выявлять «красные флаги»;

Автоматически формировать персонализированные цепочки писем с учетом боли конкретного клиента.

3.3. Системный подход к управлению знаниями

Пожалуй, самый недооцененный аспект внедрения ИИ в CRM — это управление знаниями. Российские компании, которые организовали менеджмент знаний по методологии, добиваются впечатляющих результатов: сокращение времени обработки запроса на 12 %, повышение удобства поиска на 55 %, автономность адаптации сотрудников — на 20 %, а также двукратное снижение количества обращений к экспертам.

Что делать: Прежде чем внедрять ИИ, необходимо навести порядок в данных. Сценарии диалогов, шаблонные ответы, базы данных — всё должно быть структурировано и собрано в единой системе управления знаниями. Без этого ИИ - агент будет «выдумывать и ошибаться».

4. Что делать завтра: рецепты для директоров

Вот краткий план, основанный на анализе российского опыта.

Шаг 1. Честно оценить свою цифровую зрелость.

Нам предложен чек - лист готовности к ИИ - агентам: интегрированы ли ключевые системы (как минимум 1С и CRM) в общее data - пространство? Просчитана ли модель окупаемости внедрения? Есть ли внутри команды специалисты, понимающие, как устроены современные ИИ - инструменты? Если этих условий нет, риск провала проекта приближается к 80 %.

Шаг 2. Забыть про слово «Автономность».

Не верить стартапам, которые обещают роботов - продавцов без людей. Наша цель — Assisted AI (помощник). Пусть машина готовит данные для людей, а люди принимают финальные решения.

Шаг 3. Интегрируйтесь с реальным миром.

Наша CRM должна видеть не только себя. Контекст решает всё.

5. Взгляд в завтра: что нас ждет в 2026–2027

Прямо сейчас российский рынок находится на перепутье. Технологии работают только тогда, когда бизнес готов к их внедрению организационно, технологически и культурно. Для большинства компаний горизонт внедрения полноценных ИИ - агентов — 2027–2030 годы, при условии системной подготовки.

С другой стороны, технологические лидеры уже показывают, что возможно. AI - outreach становится важным дополнительным каналом продаж, который со временем может вытеснить остальные форматы коммуникации. Нейросети для анализа звонков и переписки доказывают свою эффективность в десятках российских компаний.

Как отмечают эксперты WMT AI, сейчас таких компаний в России только 9 %, но тренд очевиден.

Заключение

Эпоха «магических таблеток» в виде ИИ для B2B закончилась, толком не начавшись. На смену ей приходит эпоха взрослого прагматизма. Мы перестали верить в то, что софт заменит живое общение с ЛПР.

Победят те компании, которые не будут гнаться за модными ИИ - агентами без фундамента, а сосредоточатся на трех вещах: чистоте данных, человеческом контроле над алгоритмами и системном управлении знаниями. Только такой подход превратит расходы на IT в реальные, ощутимые деньги на счетах.

Список использованной литературы:

1. Minervasoft: GenAI без системы управления знаниями снижает эффективность клиентского сервиса. — CNews.ru, 22.07.2025. — [URL: https: // www.cnews.ru / news / line / 2025 - 07 - 22 _ minervasoft _ genai _ bez _ sistemy _ upravleniya]

2. Okkam x Coldy: новый AI - outreach для автоматизации b2b рассылок. — РБК Компании, 23.10.2025. — [URL: https: // companies.rbc.ru / news / ctO4OgQiJc / okkam - h - coldy - novyij - ai - outreach - dlya - avtomatizatsii - b2b - rassyilok /]

3. Университет МФТИ и компания SalesAI выпустили нейросеть для call - центров. — Techinsider.ru, 02.06.2025. — [URL: https: // www.techinsider.ru / news / news - 1677245 - analiziruet - zvonki - i - uvelichivaet - prodaji - rossiiskii - universitet - vypustil - neiroset - dlya - call - centrov /]

4. Жукова В. ИИ - агенты — не для всех: почему бизнесу рано перестраиваться. — РБК Компании, 20.12.2025. — [URL: https: // companies.rbc.ru / news / HuJchLWWGL / ii - agentyi - - - ne - dlya - vseh - pochemu - biznesu - rano - perestraivatsya /]

5. Когда лидов мало, а хаоса много: как ИИ - агенты наводят порядок в отделах продаж МСБ. — SPARK, 02.12.2025. — [URL: https: // spark.ru / user / 150794 / blog / 286154 / kogda - lidov - malo - a - haosa - mnogo - kak - ii - agenti - navodyat - poryadok - v - otdelah - prodazh - msb]

6. «ОТП Банк» ускорил анализ обращений клиентов в 30 раз с помощью нейросетей Yandex B2B Tech. — TAdviser, 04.08.2025. — [URL: https: // www.tadviser.ru / index.php / Проект:ОТП _ Банк _ (Yandex _ SpeechSense)]

7. WMT AI: в 80 % российских компаний ИИ - автоматизация ограничена использованием чат - ботов. — CNews.ru, 24.02.2026. — [URL: https: // ai.cnews.ru / news / line / 2026 - 02 - 24 _ wmt _ ai _ v _ 80 _ rossijskih _ kompanij]

8. Как ИИ - агенты снижают стоимость B2B - сделки: разбор доклада на Moscow Startup Summit 2025. — Андата, 10.10.2025. — [URL: https: // andata.ru / blog / ai - and - machine - learning / kak - ai - agenty - snizhaut - stoimosts - b2b - sdelki]

9. ОТП Банк ускорил анализ обращений клиентов в 30 раз с помощью нейросетей Yandex B2B Tech. — IT - World.ru, 05.08.2025. — [URL: https: // www.it - world.ru / news - company / tbkx7j3jp5w08c8ggkcgkccc84kks0w.html]

© Кондратенко М. В., 2026

Куликова В.Е.
студент 4 курса УУНиТ,
г. Уфа, РФ
Колузанов Д.В.
студент 4 курса УУНиТ,
г. Уфа, РФ

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ УГРОЗ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА БАЗЕ КИБЕРПОЛИГОНА

Аннотация

Актуальность исследования обусловлена необходимостью наглядно показывать физические последствия киберугроз. Цель работы заключалась в разработке способа их визуализации на базе интерактивного физического макета. Результатом стала система, автоматически изменяющая состояние макета торгового центра после выполнения задания из лабораторного стенда. В работе проведён анализ структуры системы и смоделирован путь передачи команды от веб - платформы к объектам макета. Разработана схема взаимодействия программной платформы с физическим макетом.

Ключевые слова

Информационная безопасность, киберполигон, интерактивный физический макет, визуализация угроз, физический макет, практическое обучение.

Kulikova V.E.
4th - year student at UUST,
Ufa, Russia
Koluzanov D.V.
4th - year student at UUST,
Ufa, Russia

VISUALIZATION OF INFORMATION SECURITY THREATS USING A CYBER RANGE

Abstract

The relevance of the study is due to the need to clearly demonstrate the physical consequences of cyber threats. The goal of the work was to develop a method for visualizing them based on an interactive physical model. The result is a system that automatically changes the state of the shopping center model after completing a task from the laboratory bench. The study analyzes the system structure and models the path of command transmission from the web platform to the model objects. A scheme for interaction between the software platform and the physical model has been developed..

Keywords

Information security, cyber range, threat visualization, physical scale model, practical training.

Подготовка специалистов по информационной безопасности требует не только изучения теории, но и практической отработки действий. Для этого используются киберполигоны, позволяющие выполнять учебные задания в изолированной виртуальной среде [3, с. 2–4]. В большинстве таких заданий успешное выполнение подтверждается сообщением, начисленными баллами или условным флагом. Однако получение баллов не показывает участнику, какие последствия его действия могли бы иметь для реального объекта.

Несанкционированное вмешательство в управление автоматизированным объектом может привести к частичной или полной остановке его технических систем. Чтобы наглядно показать такие последствия, программную платформу можно дополнить интерактивным физическим макетом. Он не подключается к реальным информационным системам, а воспроизводит заранее заданные изменения после успешного выполнения учебного задания.

На этом принципе разработан киберполигон «ХАКСЕТ». Он объединяет веб - платформу с тематическими заданиями и интерактивный физический макет торгового центра. После проверки ответа платформа формирует команду, которая передаётся оборудованию макета через локальную сеть.

Целью исследования является описание способа визуализации последствий информационных угроз с помощью интерактивного физического макета.

Объектом исследования является киберполигон «ХАКСЕТ» с интерактивным физическим макетом торгового центра. В ходе работы были изучены программная и физическая части полигона, определён порядок их взаимодействия и составлена общая схема передачи команд.

Программная часть представляет собой веб - платформу с локальным доступом. Она включает личные кабинеты участников, задания различных уровней сложности, автоматическую проверку ответов, систему начисления баллов и таблицу результатов. В качестве ответа участник отправляет флаг, который проверяет серверная часть платформы. [1, с. 1–3]

В состав программной части также входят серверная часть и эмулятор MQTT - брокера. После проверки флага серверная часть формирует команду. Сообщение передаётся через эмулятор MQTT - брокера в локальной сети.

Физическая часть представляет собой макет торгового центра с расположенными на нем элементами освещения, шлагбаумом, сигнализацией, камерами видеонаблюдения, фонтаном и информационными дисплеями. Наблюдать за изменениями можно рядом с макетом или через видеотрансляцию. Для управления макетом используются Raspberry Pi и Arduino.

Передача команды от платформы к объекту происходит в пять этапов:

– Участник выполняет задание и отправляет найденный флаг;

– Серверная часть проверяет правильность ответа;

– При правильном ответе через MQTT - брокер отправляется команда;

– Raspberry Pi получает команду и передаёт контроллеру Arduino;

– Контроллер изменяет состояние выбранного объекта макета.

В зависимости от выполненного задания на макете могут произойти намеренные перебои работы объектов и информация об их состоянии также отображается на веб - платформе. Каждое задание заранее связывается с определённым объектом макета и его реакцией.

Основным режимом работы киберполигона является командный. В этом режиме участники выполняют различные задания, связанные с отдельными объектами общего макета. Например, одна команда может получить доступ к управлению освещением, а другая к дисплею. Все выполненные действия отображаются на физическом макете и образуют общий учебный сценарий. В перспективе возможно и индивидуальное использование полигона, где каждый участник выполняет задания и наблюдает за изменениями объектов макета.

Киберполигон «ХАКСЕТ» отличается от обычного формата CTF способом отображения выполненного задания, так как помимо традиционного получения баллов за сдачу флага, добавляется изменение объекта на физическом макете.

Полная связка веб - платформы и физического макета пока не тестировалась, на следующем этапе планируется проверить работу всей системы и убедиться, что каждому выполненному заданию соответствует правильное действие на макете. После этого полигон можно будет протестировать с группами участников и оценить пользу физической визуализации для обучения.

Список использованной литературы:

1. Akeel M., Hosseinzadeh S., Zeeshan M. [et al.]. Virtual Testbed for Cyber - Physical System Security Research and Education: Design, Evaluation, and Impact // Electronics. 2026. Vol. 15. No. 3. Article 582. DOI: 10.3390 / electronics15030582.
2. Lazarov W., Schafeitel - Tähtinen T., Squillace J. [et al.]. Lessons Learned from Using Cyber Range to Teach Cybersecurity at Different Levels of Education // Technology, Knowledge and Learning. 2026. Vol. 31. P. 1683–1718. DOI: 10.1007 / s10758 - 025 - 09840 - y.
3. Lillemets P., Bashir Jawad N., Kashi J. [et al.]. A Systematic Review of Cyber Range Taxonomies: Trends, Gaps, and a Proposed Taxonomy // Future Internet. 2025. Vol. 17. No. 6. Article 259. DOI: 10.3390 / fi17060259.

© Куликова В.Е., Колузанов Д.В. 2026

Кустов Р.Ю.
магистрант 3 курса КГЭУ,
г. Казань, РФ
Научный руководитель: Куракина О.Е.
доцент технических наук, КГЭУ
г. Казань, РФ

ВЫБОР СРЕДСТВ КОМПЕНСАЦИИ РЕАКТИВНОЙ МОЩНОСТИ С УЧЁТОМ РЕЖИМА ПРОМЫШЛЕННОЙ НАГРУЗКИ

Аннотация

Исследована связь между режимом работы электроприёмников и выбором средств компенсации реактивной мощности в трехфазных сетях 0,4–10 кВ.

Ключевые слова

Реактивная мощность; электропривод; активные потери.

Kustov R.Y.
3rd - year master's student KSEU,
Kazan Russia
Scientific supervisor: Kurakina O.E.
Associate Professor of Technical Sciences, KSEU
Kazan Russia

SELECTION OF REACTIVE POWER COMPENSATION DEVICES WITH CONSIDERATION OF INDUSTRIAL LOAD OPERATING CONDITIONS

Annotation

This study investigates the relationship between the operating mode of electrical loads and the selection of reactive power compensation methods in three - phase 0.4–10 kV power systems

Keywords

Reactive power; electric drive; active losses.

Режим промышленной электрической сети меняется в течение рабочего цикла. Одни электродвигатели работают с близкой к номинальной нагрузке, другие переходят в режим неполной загрузки, часть механизмов периодически отключается. Поэтому потребность предприятия в реактивной мощности не является постоянной величиной. Для сетей 0,4–10 кВ с большой долей двигательной нагрузки это имеет принципиальное значение.

Компенсация позволяет уменьшить реактивные перетоки и токовую загрузку элементов системы электроснабжения. Вместе с этим избыточная компенсация нежелательна, поскольку режим сети меняется при снижении нагрузки. ГОСТ 32144 - 2013 [3] и ГОСТ 33073 - 2014 [4] задают нормативную основу для оценки качества электрической энергии.

При подключении компенсатора непосредственно к мощному электродвигателю уменьшается реактивный ток на питающем его участке. Групповая установка подходит для нескольких электроприёмников с близкими режимами. Центральная установка на распределительном устройстве регулирует общий баланс, но реактивный ток внутренних линий при этом сохраняется. Для предприятия с протяжёнными кабельными линиями место установки имеет заметное значение.

При относительно постоянной нагрузке конденсаторные установки обеспечивают компенсацию ступенчатым переключением. Для приводов с частыми изменениями режима применяются тиристорные устройства. STATCOM формирует управляемый реактивный ток посредством силового преобразователя и быстро реагирует на изменения нагрузки. Синхронный компенсатор обеспечивает регулируемую выдачу реактивной мощности и может применяться для поддержки напряжения.

Наличие преобразователей частоты и других нелинейных нагрузок усложняет задачу. ГОСТ 30804.4.7 - 2013 [2] определяет положения по измерению гармоник и интергармоник, а ГОСТ IEC 61000 - 4 - 30 - 2017 [5] устанавливает методы измерения показателей качества электрической энергии. Для таких условий применяются фильтрокомпенсирующие устройства и активные фильтры.

Выбор средства компенсации в промышленной сети 0,4–10 кВ связан прежде всего с характером нагрузки. При стабильной индуктивной составляющей подходят конденсаторные установки, при быстрых изменениях режима — тиристорные устройства и STATCOM, при наличии гармоник — фильтрующие средства. Место установки влияет на распределение токов внутри сети. Снижение реактивных перетоков на нагруженных участках создаёт условия для уменьшения активных потерь.

Список использованной литературы

1. Пириева Н.М., Самедова Х.Э. Компенсация реактивной мощности в системах высоковольтного электроснабжения с преобразовательными устройствами // Вестник Науки. - 2024. - №7 (76) Том 3. - С. 389 - 390.

2. ГОСТ 30804.4.7 - 2013. Совместимость технических средств электромагнитная. Общее руководство по средствам измерений и измерениям гармоник и интергармоник для систем электроснабжения и подключаемых к ним технических средств. — М.: Стандартинформ, 2014.

3. ГОСТ 32144 - 2013. Электрическая энергия. Совместимость технических средств электромагнитная. Нормы качества электрической энергии в системах электроснабжения общего назначения. — М.: Стандартинформ, 2014.

4. ГОСТ 33073 - 2014. Электрическая энергия. Совместимость технических средств электромагнитная. Контроль и мониторинг качества электрической энергии в системах электроснабжения общего назначения. — М.: Стандартинформ, 2015.

5. ГОСТ IEC 61000 - 4 - 30 - 2017. Электромагнитная совместимость (ЭМС). Часть 4 - 30. Методы испытаний и измерений. Методы измерений качества электрической энергии. — М.: Стандартинформ, 2018.

6. Покровский Д.С. Реактивная мощность и виды её компенсации // Вестник Магистратуры. - 2021. - №5 - 6. - С. 42 - 43.

© Кустов Р.Ю., 2026

Сизова Ю.В.
канд. биол. наук, доцент НГИЭУ
г. Княгинино, РФ

ИЗУЧЕНИЕ СИСТЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА ОБВАЛЬЩИКА МЯСА

Аннотация. Комфортные условия и повышение безопасности труда на производстве являются очень важной социально - экономической задачей развития различных организаций и предприятий нашей страны. Решение проблемы безопасности жизнедеятельности состоит в обеспечении нормальных (комфортных) условий производственной деятельности людей, в защите человека и окружающей его производственной среды от воздействия вредных факторов, превышающих нормативно - допустимые уровни.

Ключевые слова: охрана труда, рабочее место, безопасные условия труда.

Обвалку и жиловку мяса производят ножами на столах, на которых укреплены доски - вкладыши. Доски изготовляют обычно из твердого дерева, они не должны иметь заусенцев и во время работы должны быть плотно прикреплены к столу. В настоящее время на ряде мясокомбинатов применяют доски вкладыши из полиэтилена низкого давления.

Каждый обвальщик или жиловщик должен иметь не менее двух ножей и мусат. Ножи и мусаты необходимо держать в ножнах, а после работы сдавать в инструментальную.

Для обвалки используют ножи, имеющие лезвия, длиной 9 - 12 см. Рукоятка обвалочного ножа несколько увеличена. Нож для жиловки имеет большую длину лезвия по сравнению с рукояткой. Для правки жала ножей используют мусат. Обычно мусаты изготовляют гладкими из закаленной стали.

Мусаты бывают также с мелкой продольной насечкой. Для предохранения от порезов в процессе правки ножа мусаты имеют предохранительные выступы на рукоятке.

В помещениях с теплопроводными полами (каменные, плиточные, бетонные и т. п.) на постоянных рабочих местах оборудуют настилы, решетки, что предохраняет ноги работающих от охлаждения.

Рабочее место должно быть организовано так, чтобы при обвалке и жиловке рабочий меньше утомлялся. Кроме того, движения обеими руками должны быть равномерными, расстояние между руками – постоянным, и при выполнении того или иного процесса необходимо стремиться к сокращению числа рабочих движений и исключению непроизводительных движений ножами

Перед началом работы надо подготовить рабочее место, заточить и направить ножи, приладить доску к столу.

Части туши доставляют обвальщикам по мере необходимости, что исключает простои и не загромождает рабочие места.

Заточка и правка ножей. Точку ножей на крупных мясоперерабатывающих предприятиях производят мастера - точильщики.Однако каждый обвальщик должен уметь затачивать и править ножи. Заточку ножей производят следующим образом.

На крупнозернистом точиле или бруске, обильно смоченной – водой, оттачивают фаски лезвия сначала на одной, затем на другой сторукие и с обеих сторон доводят фаски до одинаковых размеров, При заточке ширина фаски должны быть для крупных ножей 4 - 8 мм, для средних – 3 - 5 и для мелких – 2 - 3 мм.

После этого на мелкозернистом камне, смоченном водой, оттачивают нож (также по фаске), не ставя его слишком круто. Точат каждую сторону лезвия до тех пор, пока на одной стороне не появится по всей ее длине еле заметная нить и жало ножа окончательно потеряет блеск на всем протяжении. Точку ножей, не мелкозернистом камне производят 1 - 2 раза в смену.

Направляют нож на графитном бруске, смоченном водой. При этом нож нужно держать так же, как и при точке на мелкозернистом камне. Нельзя допускать, чтобы лезвие ножа врезалось в поверхность графитного бруска.

Окончательную правку ножа, производят на мусате. В процессе работы через каждые 1,5 - 2 мин нож правят на мусате. Править ножи на мусате рекомендуется

тогда, когда нож не режет, а как бы тянет мясо, т. е. когда для резания приходится прикладывать дополнительное усилие.

В начале работы после точки при правке на мусате нож держат отлого и правят, но фаске, не нажимая сильно на мусат. В процессе дальнейшей работы при правке делают небольшой нажим и держат нож несколько круче.

Список использованной литературы

1. Беляев В.В. Охрана труда на предприятиях мясной и молочной промышленности. – М.: Легкая и пищевая промышленность, 1982. – 286 с.

2. Васильева Л. А., Матвеев В. Ю., Онегова Н. В. Анализ травматизма и профессиональной заболеваемости работников Нижегородской области // Вестник НГИЭИ. 2014. № 6 (37). С. 33–44.

3. Скворцов А.Н. Проблемы производственного травматизма и профессиональной заболеваемости в агропромышленном комплексе России // Технологии техносферной безопасности. Вып. 1 (65). 2016. С. 299 - 305.

© Сизова Ю.В., 2026

Сизова Ю.В.
канд. биол. наук, доцент НГИЭУ
г. Княгинино, РФ

ТРЕБОВАНИЯ ОХРАНЫ ТРУДА ВО ВРЕМЯ ПРОВЕДЕНИЯ РАБОТ ПРИ РАБОТЕ НА ВЫСОТЕ

Аннотация. В статье рассматриваются требования охраны труда, соблюдение которых обязательно при проведении работ на высоте. Актуальность темы обусловлена повышенной опасностью данного вида работ, связанной с риском падения работника с высоты, падения предметов, а также воздействием неблагоприятных погодных условий. Организация работ на высоте регламентируется нормативными документами, прежде всего Правилами по охране труда при работе на высоте (приказ Минтруда России от 16 ноября 2020 г. № 782н), а также профессиональными стандартами и техническими регламентами. В работе описаны требования к организации рабочего пространства: поддержание чистоты и порядка, обеспечение достаточной освещённости без слепящего действия, правильное расположение элементов конструкций, а также хранение инструментов и материалов в специально отведённых местах.

Ключевые слова: охрана труда, работа на высоте, строительные леса, эргономика рабочего пространства, инструктаж по охране труда, безопасные приёмы работ.

При выполнении работ на высоте монтажник обязан соблюдать комплекс обязательных требований безопасности. Работать разрешается только в исправной спецодежде и спецобуви с применением индивидуальных средств защиты. К работе допускается приступать лишь при наличии блокировочных устройств и достаточной освещённости рабочей зоны. Не допускается присутствие посторонних лиц на месте производства работ. Категорически запрещается нахождение на незакреплённых или неустойчивых конструкциях и средствах подмащивания.

Рабочее место необходимо содержать в порядке и чистоте, не допуская его загромождения инструментом, приспособлениями и прочими предметами. Следует применять только исправные инструменты и приспособления, используя безопасные приёмы работ при обращении с ними. Эксплуатация лесов, подмостей, средств подмащивания и приставных лестниц без средств защиты запрещается.

Особые ограничения установлены для неблагоприятных погодных условий: при силе ветра 15 м / с и более, при грозе, сильном снегопаде и гололедице работы на высоте на открытом воздухе не допускаются. Одновременное производство работ в двух и более ярусах по вертикали запрещено. Нагрузки на подмости не должны превышать установленных проектом (паспортом) допускаемых величин.

Отдельные требования предъявляются к обращению с инструментом и материалами. Запрещается складывать инструмент у края площадки, бросать его и материалы на пол или на землю – инструмент должен храниться в специальной сумке или ящике. При подъёме и спуске с высоты запрещается держать в руках инструмент и детали: их необходимо поднимать и опускать на верёвке, тросе или в сумках через плечо. Также запрещается подбрасывание каких - либо предметов для подачи работающему наверху. Подача должна производиться при помощи верёвок, к середине которых привязываются необходимые предметы, при этом второй конец верёвки должен находиться в руках у стоящего внизу работника, который удерживает поднимаемые предметы от раскачивания.

При использовании приставных лестниц и стремянок действует ряд строгих запретов. Не допускается работать на неукреплённых конструкциях и ходить по ним, а также перелезать через ограждения. Запрещается работать на двух верхних ступенях лестницы, находиться двум рабочим одновременно на лестнице или на одной стороне лестницы - стремянки, перемещаться по лестнице с грузом или с инструментом в руках. Нельзя применять лестницы со ступеньками, нашитыми гвоздями, работать на неисправной лестнице или на ступеньках, облитых скользкими веществами, а также наращивать лестницы по длине независимо от материала, из которого они изготовлены. Кроме того, запрещается стоять или работать под лестницей, устанавливать лестницы около вращающихся валов, шкивов и подобных механизмов, производить работы пневматическим инструментом и выполнять электросварочные работы.

Таким образом, соблюдение запретов и ограничений при использовании приставных лестниц, стремянок, лесов и подмостей является обязательным условием безопасного производства работ на высоте. Приёмка конструкций,

применение страховочных систем, защитных экранов и ограждений, а также наличие предупредительных надписей и плакатов позволяют своевременно выявлять и устранять опасные факторы. Только строгое выполнение всех перечисленных требований обеспечивает сохранение жизни и здоровья работников и снижает риск производственного травматизма.

Список использованной литературы

1. Васильева Л. А., Матвеев В. Ю., Онегова Н. В. Анализ травматизма и профессиональной заболеваемости работников Нижегородской области // Вестник НГИЭИ. 2014. № 6 (37). С. 33–44.
2. Об утверждении Правил по охране труда при работе на высоте: приказ Минтруда России от 16.11.2020 № 782н // Официальный интернет - портал правовой информации.

© Сизова Ю.В., 2026

Сизова Ю.В.
канд. биол. наук, доцент НГИЭУ
г. Княгинино, РФ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БЕЗОПАСНОСТИ ТРУДА РАБОТНИКОВ МЯСОПЕРЕРАБАТЫВАЮЩЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается условия безопасных условий труда рабочего места работников мясоперерабатывающей деятельности. Проблема производственных травм на мясокомбинатах всегда была актуальна.

Ключевые слова: рабочее место, безопасные условия труда, охраны труда, оценка рисков.

На предприятиях, занимающихся переработкой и консервированием мяса и мясной пищевой продукции, условия труда, выраженная отраслевая специфика, сложность и разнообразие технологических процессов, особенности эксплуатации оборудования связаны с определенной опасностью для работающих.

Специфика условий труда отличается качественным и количественным соотношением вредных и опасных факторов производственной сферы (физических, химических и биологических) и трудового процесса (тяжести и напряженности). Работники, выполняющие технологические операции и реализующие трудовые функции наиболее распространенными производственными травмами и заболеваниями являются нарушения функций опорно - двигательного аппарата, кожные и инфекционные заболевания, снижение слуха.

На каждом предприятии мясной промышленности независимо от его мощности имеется служба по технике безопасности, в обязанности которой входит контроль за действующими нормами и требованиями по охране труда, технике безопасности и промышленной санитарии, а также обеспечение безопасной эксплуатации оборудования.

Регулярная и повсеместная оценка рисков (а именно сочетания вероятности и частоты нанесения физического повреждения или другого вреда здоровью работников) с помощью существующего объема статистической информации и признаков решаемых задач на предприятиях любой формы собственности и вида деятельности дает возможность разработать мероприятия по снижению количественной и качественной составляющей несчастных случаев на производстве, а также повысить безопасность труда.

По мнению ряда исследователей, основными причинами травматизма на предприятиях по переработке мяса и мясной пищевой продукции являются:

– неудовлетворительная организация работы, несовершенство технологического процесса;

– износ и / или неисправность технологического оборудования, недостатки в организации и проведении обучения;

– подготовки в области охраны труда, допуск к выполнению трудовых функций необученных безопасным приемам работы;

– дефицит и / или неприменение средств индивидуальной и коллективной защиты, специальной одежды и обуви, подсобных инструментов;

– отсутствие технологических карт на проведение отдельных работ и в результате несоблюдение не заключающей в себе опасности технологии ведения работ и технологического процесса;

– слабая трудовая и производственная дисциплина (в том числе случаи алкогольного, наркотического и других видов опьянения работников), дорожно - транспортные происшествия (в том числе по причине нарушения правил дорожного движения).

Также следует отметить такие причины производственного травматизма на предприятиях по переработке и консервированию мяса и мясной пищевой продукции, как специфичность системы «человек – технологическое оборудование – среда».

Своеобразие технологического оборудования при эксплуатации заключается в наличии механических, электрических, термических опасностей, шума, вибрации, излучения, опасностей, обусловленных несоблюдением эргономических требований, а также проблемной автоматизацией, в результате чего значительная часть этапов технологического процесса зависит от навыков, опыта деятельности, состояния здоровья человека, его обученности, временной реакции, физического и психического состояния.

Список использованной литературы

1. Васильева Л. А., Матвеев В. Ю., Онегова Н. В. Анализ травматизма и профессиональной заболеваемости работников Нижегородской области // Вестник НГИЭИ. 2014. № 6 (37). С. 33–44.

2. Дакуко, Н. В. Анализ производственного травматизма на мясоперерабатывающих предприятиях Германии / Н. В. Дакуко // Эпоха науки. – 2020. – № 24. – С. 98–99.

3. Контарева, В. Ю. Вопросы охраны труда на предприятиях пищевой промышленности / В. Ю. Контарева // Вестник Донского государственного аграрного университета. – 2020. –№ 1 - 1 (35). – С. 73–81.

© Сизова Ю.В., 2026

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

PHILOSOPHICAL SCIENCES

Архангельский М. А., Белоглазкин А. А.
бакалавр 2 курса УлГТУ,
ИВТИИбд - 22
г. Ульяновск, Россия
Научный руководитель: Морозова Д.Ф.,
старший преподаватель, кафедра «Философия» УлГТУ
г. Ульяновск, Россия

ФИЛОСОФИЯ КАК ОСОБЫЙ ТИП МИРОВОЗЗРЕНИЯ И ФОРМА ДУХОВНОГО ОСВОЕНИЯ МИРА ЧЕЛОВЕКОМ

Аннотация
В статье анализируется философия как особый тип мировоззрения, отличающийся рациональностью, критичностью и целостностью по сравнению с обыденным, религиозным и научным типами. На основе взглядов Платона, Аристотеля, И. Канта и М. Хайдеггера раскрывается, как философия решает фундаментальную проблему бытия и выступает формой духовного освоения мира.

Ключевые слова
Философское мировоззрение, типы мировоззрения, духовное освоение мира, основной вопрос философии, рациональность, критичность, Хайдеггер, Платон, Аристотель, Кант.

Современный человек живёт в мире, переполненном информацией, технологиями и поверхностными знаниями. Социальные сети, новостные ленты и научные открытия ежедневно поставляют огромное количество фактов, однако часто оставляют ощущение внутренней пустоты и потери экзистенциального смысла – понимания того, зачем человек живёт и что является подлинно важным. В этих условиях особенно остро встаёт вопрос о целостном понимании мира и своего места в нём. Именно философия как особый тип мировоззрения предлагает путь к такому глубокому пониманию.

Главная цель статьи показать, что философию нельзя сводить к сумме готовых знаний. Это особый инструмент критического осмысления реальности, который спасает человека от фрагментарности мышления и помогает искать ответы на главные жизненные вопросы.

Понятие мировоззрения и его основные виды

Мировоззрение – это то, как человек видит мир и понимает своё место в нём: что он знает, во что верит, что считает важным [1]. Это не просто совокупность взглядов, а своего рода внутренний фундамент, на котором строится всё остальное: отношение к людям, к смерти, к труду, к собственной жизни. Без мировоззрения человек не способен действовать осмысленно, он просто реагирует на обстоятельства, не понимая, зачем и ради чего. Видов мировоззрения несколько, и каждый из них отвечает на вопрос о мире и человеке по - своему.

Обыденное мировоззрение складывается само собой из жизненного опыта, привычек, традиций и здравого смысла. Оно приземлённое и практичное, помогает справляться с повседневными задачами и ориентироваться в знакомых ситуациях, но нередко оказывается непоследовательным и некритичным. Человек с таким мировоззрением редко задаётся вопросом, почему он думает именно так, а не иначе: его взгляды просто сложились, и этого достаточно.

Религиозное мировоззрение строится на вере в сверхъестественное, где мир объясняется через Бога или высшие силы. Такому взгляду свойственна догматичность: истины здесь не обсуждаются, а принимаются. При этом религиозное мировоззрение обладает огромной эмоциональной силой, оно даёт человеку ощущение защищённости, смысла и причастности к чему - то большему, чем он сам.

Научное мировоззрение опирается на строгую систему принципов, точные методы исследования и рациональное доказательство. Поэтому оно способно объяснять и предсказывать явления природы и общества. Однако наука охватывает лишь отдельные стороны реальности: она изучает, как устроен мир, но не отвечает на вопрос, зачем он существует и что в нём делать человеку. Из отдельных научных дисциплин целостной картины мира само по себе не сложить.

Философское мировоззрение считается наиболее глубоким, так как сочетает разум, критическое мышление и попытку охватить всё сразу, не по кускам, а в целом. Именно оно берётся за вопросы, которые выходят за пределы любой отдельной науки и не решаются простой ссылкой на веру [2].

Специфика философского мировоззрения

Философия отличается от других типов мировоззрения прежде всего тем, что опирается на разум и логику, а не на чувства или интуицию. Она постоянно подвергает сомнению очевидное и не считает никакую истину окончательной: то, что кажется само собой разумеющимся, философия превращает в предмет вопроса. Кроме того, она смотрит на мир как на единое целое, где всё взаимосвязано, и именно поэтому способна давать то, чего не даёт ни наука, ни религия по отдельности.

Вопросы, которыми занимается философия, во многом те же, что в своё время ставили мифология и религия: откуда взялся мир, что такое человек, в чём суть его существования и что такое смерть. Однако отвечает на них философия принципиально иначе: не через образы, символы и веру, а через чёткие понятия и последовательные рассуждения, которые можно проверить, оспорить и уточнить. В этом и состоит её особая роль: она наследует самые глубокие человеческие вопросы, но переводит их в язык мысли.

Основной вопрос философии и пути его решения

Основной вопрос философии звучит так: «Почему возможно нечто, а не ничто»? Это вопрос о происхождении и природе бытия, о том, какое место занимает человек в устройстве мира и есть ли смысл в его существовании. Разные

философы давали на него принципиально разные ответы – и именно это многообразие трактовок делает данный вопрос подлинно философским.

Основное расхождение между философами заключается в том, где они находили сущность бытия и как определяли роль человека в его постижении. Для Платона подлинное бытие находится вне чувственного мира: вечные идеи первичны, а всё видимое – лишь их несовершенное отражение. Задача философии здесь – поднять человека от иллюзий к созерцанию неизменных истин. Аристотель же опроверг этот дуализм: по его убеждению, бытие не спрятано в отдельном мире, оно присутствует в самих вещах – в их форме, цели и движении. Философ не уходит от реальности, а исследует её внутренний порядок.

В Новое время Кант совершил принципиальный сдвиг: он перенёс вопрос о бытии с объекта на субъект. Оказывается, человек не просто наблюдает мир – он активно конструирует его через априорные формы восприятия. Вещи в себе остаются непознаваемы, а значит, вопрос «почему существует нечто?» не может быть решён человеком, он способен изучить только мир феноменов. Смысл существования, по Канту, задаётся не внешними причинами, а через нравственный выбор. Это радикально меняет саму постановку проблемы: от онтологии к гносеологии этике.

Уже в XX в. Хайдеггер идёт ещё дальше: он считает, что вопрос о бытии был забыт европейской философией и нуждается в новом прочтении. В отличие от Платона и Аристотеля, он не ищет бытие ни в мире идей, ни в вещах – оно раскрывается только в присутствии конкретного человека, осознающего свою конечность. Именно это делает подход Хайдеггера принципиально иным: бытие не объект познания, а событие, которое происходит в живом вопрошании [3]. Таким образом, каждый из рассмотренных философов не просто предлагал свой ответ, но переосмыслял сам характер вопроса – и в этом движении от ответов к новым вопросам и состоит подлинная работа философской мысли.

Философия как форма духовного освоения мира

Философия играет важнейшую роль в том, как человек осваивает окружающую действительность. Прежде всего она помогает формировать ценности и понимать, что действительно важно в жизни, а не просто принято считать важным. Это особенно значимо в эпоху, когда ценности навязываются рекламой, трендами и коллективным мнением, а не вырабатываются через личное осмысление. Кроме того, философия даёт возможность осмыслить, кто такой человек и какое место он занимает в мире, то есть отвечает на вопросы, которые не решаются ни биологией, ни психологией, ни социологией по отдельности. Она развивает способность думать критически и смотреть на себя со стороны, замечать собственные предрассудки и не принимать первое попавшееся объяснение за истину. Наконец, философия собирает знания из разных областей в единую и связную картину мира, не позволяя сознанию окончательно распасться на несвязанные фрагменты [2].

Это можно показать на конкретном примере. Когда человек сталкивается с экзистенциальным кризисом – потеря работы, близкого человека или привычного образа жизни, – он оказывается в ситуации, когда ни наука, ни обыденный опыт не дают ответа на вопрос «что теперь?». Именно в такие моменты философия проявляет свою реальную ценность. Хайдеггер показал: подлинное существование начинается тогда, когда человек перестаёт жить «как все» и впервые задаётся вопросом о сущности собственного бытия [3]. Пройдя через философское осмысление кризиса, человек не просто справляется с ним – он выходит из него с новым, более осознанным отношением к миру и к себе. Философия, таким образом, не абстрактное умозрение, а живой инструмент духовного освоения действительности.

Список литературы

1. Доттуева Ф.С., Дадашев А. А. Философское мировоззрение // CyberLeninka. – 2017. [Электронный ресурс] Режим доступа: https: // cyberleninka.ru / article / n / filosofskoe - mirovozzrenie, свободный доступ (дата обращения 21.05.2026).

2. Литвинов Э.П. Личность и её мировоззренческие основы // Пространство и Время. – 2013. – № 1 (11). [Электронный ресурс] Режим доступа: https: // cyberleninka.ru / article / n / lichnost - i - eyo - mirovozzrencheskie - osnovy, свободный доступ (дата обращения 17.06.2026).

3. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В.В. Бибихина. [Электронный ресурс] Режим доступа: https: // www.booksite.ru / fulltext / 0 / 001 / 005 / 129 / 002.htm, свободный доступ (дата обращения 21.05.2026).

© Архангельский М. А., Белоглазкин А. А., 2026

Кириллова Е.С.
бакалавр 2 курса УлГТУ,
ИВТИИбд - 22
г. Ульяновск, Россия
Научный руководитель: Морозова Д.Ф.,
старший преподаватель, кафедра «Философия» УлГТУ
г. Ульяновск, Россия

ПРОБЛЕМА ОДИНОЧЕСТВА В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ

Аннотация

В статье рассматривается феномен цифрового одиночества как экзистенциальная проблема современного студенчества. На основе философских концепций М. Хайдеггера, Дж. Сакса и Ш. Таркл автор анализирует парадокс: рост

количества виртуальных контактов сопровождается усилением чувства изоляции. Обосновывается тезис о том, что цифровые технологии, создавая иллюзию постоянной связи, подменяют подлинное общение его суррогатом, что ведёт к углублению экзистенциальной пустоты.

Ключевые слова

Цифровое одиночество, социальные сети, экзистенциализм, das Man, живое общение, Шерри Таркл, Хайдеггер, суррогат общения, Жан Бодрийяр, симулякр.

Большинство исследователей сходятся в том, Современный студент проводит в телефоне по три - четыре часа в день. У него десятки друзей в соцсетях, сотни чатов и каналов в Telegram. Мы никогда не были так «на связи», как сейчас. Однако чувство одиночества при этом только растет. Если обратиться к реалиям 2026 года, результаты исследований показали, что, среди 169 респондентов, значительная часть (около 60 %) испытывает чувство одиночества «иногда» или «часто», несмотря на высокую вовлечённость в цифровое общение (более 70 % проводят в соцсетях и мессенджерах свыше 3 часов в день). При этом большинство участников (свыше 65 %) отмечают, что онлайн - взаимодействие либо не заменяет живое общение, либо дополняет его, но не удовлетворяет потребность в эмоциональной близости. Выявлен парадокс: наличие многочисленных онлайн - контактов сочетается с ощущением отсутствия «человека, с которым можно поговорить по - настоящему» [4, с. 2].

Чтобы понять корни этого явления, стоит обратиться к философам – они предвидели нынешний кризис еще до изобретения смартфонов. Изучение их работ показывает, что это гораздо более глубокая экзистенциальная проблема. Технологии создают иллюзию, что мы постоянно с кем - то на связи, но на самом деле они подменяют настоящее общение его суррогатом. И от этой подмены человек чувствует себя еще более потерянным.

Хайдеггер и «человек толпы»

Первый, кто поможет нам разобраться в проблеме, – немецкий философ Мартин Хайдеггер. Еще в 1927 году он описал истинную природу одиночества. Хайдеггер утверждал, что человек по своей сути одинок. Это не болезнь и не досадная ошибка, а фундаментальная часть нашего существования. Он писал: «Одиночество присутствия есть тоже событие в мире. Не хватать другого может только в событие и для него. Одиночество есть дефективный модус со - бытия, его возможность доказательство последнего» [6, с. 65].

Простыми словами: ты можешь стоять в самом центре оживленной толпы и все равно быть абсолютно одиноким. Потому что значение имеет не количество людей вокруг, а качество контакта с ними, само «событие» встречи.

Хайдеггер ввел понятие das Man – это что - то вроде «усредненного человека», безликой толпы, которая диктует нам, как жить. Философ описывал это безжалостно точно: «Мы наслаждаемся и веселимся, как люди веселятся; мы читаем, смотрим и судим о литературе и искусстве, как люди смотрят и судят»

[6, с. 68]. Если провести аналогию с современностью, это идеальное описание работы социальных сетей. Лента TikTok подсовывает тебе то, что смотрят «все». Тренды диктуют, над чем смеяться и чем возмущаться. Алгоритмы решают, что тебе должно быть интересно.

В этом шуме человек теряет самого себя. Он растворяется в коллективных реакциях и становится не самостоятельной личностью, а частью цифрового потока. Отсюда и чувство опустошения: вроде бы мы все время что - то смотрим и читаем, но внутри не остается ничего, что затронуло бы нас по - настоящему.

Джонатан Сакс: обмен сигналами вместо разговора

Следующий мыслитель, на которого хочется сослаться, – современный философ и раввин Джонатан Сакс. В своей книге «Мораль» Сакс ссылается на карикатуру в номере журнала «Нью - Йоркер» от 4 ноября 2019 года, на которой актер Хамфри Богарт в белом смокинге и черной бабочке сидит один за стойкой бара со стаканом бурбона в руке. Перед ним лежит гаджет. Он поворачивается к нему и говорит: «Алекса, сыграй - ка мне „Время проходит"». «Пронзительный образ эпохи, в которой коммуникационные технологии умнее и быстрее, чем когда - либо прежде, но в которой человеческое общение — живое, лицом к лицу, обращенное к другому, тет - а - тет — огромная редкость. Мы становимся одинокой толпой» – пишет философ [5].

Вот в чем суть. Мы обмениваемся сообщениями, ставим лайки, отправляем эмодзи. Но это не общение в его глубоком смысле. Это обмен сигналами. Настоящий разговор – это момент, когда ты смотришь человеку в глаза, видишь его живую реакцию, боишься сказать что - то не то и все равно говоришь. В переписке этого нет. Ты можешь отредактировать сообщение, взять паузу на три минуты, чтобы придумать идеальный ответ, надежно скрыть, что ты расстроен или зол. Это невероятно удобно. Но именно это выхолащивает из общения саму жизнь, убирает её непредсказуемость.

Шерри Теркл и Жан Бодрийяр: от цифровых «я» к копии без оригинала

Наконец, третий ключевой автор – профессор Массачусетского технологического института Шерри Теркл. В своей работе Шерри Теркл «Жизнь на экране: Идентичность в эпоху интернета» [1] проводится глубокий анализ трансформации человеческой идентичности под влиянием цифровых технологий. Теркл утверждает, что интернет и виртуальные миры позволяют пользователям экспериментировать с разными версиями себя. В отличие от офлайн - жизни, где идентичность может сохранять целостность, онлайн - среда поощряет создание нескольких «аватаров», каждый из которых отражает разные аспекты личности. Например, люди могут одновременно быть агрессивными в одном чате и застенчивыми в другом, что стирает границы «единого Я». Сегодня это явление усилилось из - за соцсетей, где пользователи конструируют идеализированные версии себя через фильтры и кураторство контента [3, с. 202].

Логика Теркл перекликается с теорией симулякров французского философа Жана Бодрийяр. Если у Теркл «аватары» – это все ещё грани одной личности, то Бодрийяр идет дальше: копия полностью отрывается от оригинала и заменяет его. Симулякр – это знак, который начинает маскировать отсутствие базовой реальности. В своей работе «Симулякры и симуляции» Бодрийяр пишет: «Симуляция – это уже не симуляция территории, референциального сущего, субстанции. Она – порождение моделей реального без оригинала и реальности: гиперреального» [2, с. 5]. Применительно к эпохе социальных сетей это означает, что идеализированный профиль, тщательно отобранных моментов жизни, на которые наложили фильтры, перестает быть отражением живого человека. Виртуальное пространство превращается в самостоятельную гиперреальность – копию без оригинала, которая начинает диктовать, как должны выглядеть и вести себя реальные люди.

Пустота, которую нельзя заполнить скроллингом

Из всего выше сказанного не следует, что интернет и соцсети создали одиночество как явление. Хайдеггер убедительно доказал, что человек всегда был одинок перед лицом своего бытия. Но цифровая эпоха создала нечто качественно новое – очень мощную, соблазнительную и технологичную иллюзию, будто это одиночество можно победить легким способом. Просто будь онлайн. Просто отвечай на сообщения. Просто просматривай ленту социальный сетей – и чувство пустоты отступит.

Проблема в том, что эта иллюзия работает слишком хорошо, чтобы от нее отказаться. Человек привыкает к суррогату общения, как к фастфуду, и когда он наконец сталкивается с реальным взаимодействием – с его паузами, неловкостью и уязвимостью, – эта реальность кажется ему неподъемно тяжелой и некомфортной. Отсюда и берется та самая глубинная тревога, чувство пустоты и одиночество, которое не проходит, даже если у тебя сто непрочитанных сообщений в мессенджерах.

Технологии дали нам фантастическую связь. Но они не дали нам самого главного – близости. И в этом трагическом разрыве между возможностью «быть на связи» и неспособностью «быть вместе» и заключается главная философская проблема нашей цифровой эпохи.

Список использованной литературы:

1. Turkle S. Life on the Screen: Identity in the Age of the Internet. – New York: Simon & Schuster, 1995. – 347 p.

2. Симулякры и симуляции / Ж. Бодрийяр; [пер. с фр. А. Качалова]. – М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. – 240 с. - (Технология свободы).

3. Герман О. Н., Панькова Н. М. Трансформация модели сознания в условиях социовиртивной реальности // Векторы благополучия: экономика и социум. – 2025. – Т. 53, № 4. – С. 200 - 213.

4. Кабакова С. А., Великасов М. А., Лазарева Е. И., Сиюткина К. А. Одиночество студентов в цифровую эпоху // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2026. – Т. 17, № 1 [Электронный ресурс] Режим доступа: https: // sfk - mn.ru / PDF / 09SCSK126.pdf, свободный доступ (дата обращения 08.05.2026).

5. Сакс, Джонатан. Мораль. О восстановлении общего блага в эпоху разобщенности / Джонатан Сакс; пер. с англ. Олега Алякринского. – М.: Книжники, 2024. – 400 с.

6. Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. с нем. В. В. Бибихина. [Электронный ресурс] Режим доступа: https: // opentextnn.ru / wp - content / uploads / hajdegger - bitie - i - vremja.pdf, свободный доступ (дата обращения 08.05.2026).

© Кириллова Е.С., 2026

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

ECONOMIC SCIENCES

Баженов С.И.
доктор экономических наук, профессор кафедры
социально - экономических дисциплин
Уральского юридического института Министерства внутренних дел
Российской Федерации, г. Екатеринбург, Российская Федерация

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ НА ЭКОНОМИКУ ЗНАНИЙ В КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЯХ

5.2.3. - - Региональная экономика

Аннотация. Актуальность обусловлена влиянием цифровых платформ на креативные индустрии. Цель исследования является трансформация экономики знаний в креативных индустриях. Методологический анализ международного и российского опыта, теоретическое обобщение. В результате выявлены двойственные эффекты платформизации: снижение барьеров входа и демократизация рынков сочетаются с усилением зависимости создателей, функциональным управлением трудом и концентрацией власти у технологических корпораций. Креативность превращается в источник данных и экономическую единицу.

Ключевые слова: цифровые платформы, экономика знаний, креативные индустрии, платформенный капитализм, капитализация знаний, креативный труд, монетизация творчества.

Введение

Переход от ресурсной экономики к экономике знания сопровождается фундаментальной реорганизацией креативных индустрий. Научная проблема заключается в противоречивом воздействии цифровых платформ — YouTube, TikTok, Spotify, Patreon и им подобных — на экономику знаний. Платформы становятся не просто инфраструктурой для распространения контента, но активными участниками процессов его формирования, задавая логику алгоритмического управления, стандартизации и монетизации творчества. Экономика знания, задействующая интеллектуальный потенциал нации, оказывается неразрывно связана с креативными индустриями, а цифровая инфраструктура управления интеллектуальными правами приобретает критическое значение.

Анализ научной литературы показывает, что платформы устанавливают строгие механизмы управления, включающие политики (пользовательские соглашения), технологии (алгоритмическая фильтрация) и практики (модерация контента), которые регулируют производство, распространение и потребление креативного контента [1. С. 76]. Возникает новая динамика между трудом и капиталом, определяемая как «платформенная зависимость»: производители контента экономически зависят от платформы и вынуждены принимать экономические механизмы, управленческие стратегии и инфраструктуры, порождающие

диспропорциональность, зависимость и неравенство. Платформы выступают посредниками, превращая культурный контент и научные разработки в цифровые продукты, подчинённые алгоритмической логике.

Цель исследования — изучить трансформацию экономики знаний в креативных индустриях под воздействием цифровых платформ.

Задачи: 1) выявить двойственные эффекты платформизации;

2) проанализировать новые форматы монетизации знаний и российскую инфраструктуру управления интеллектуальными правами;

3) оценить влияние генеративного ИИ и обосновать институциональные механизмы преодоления негативных эффектов.

Методы исследования: анализ научной литературы, сравнительный анализ международного и российского опыта, обработка вторичных эмпирических данных, кейс - стади цифровых платформ, теоретическое обобщение.

Результаты оригинального авторского исследования.

1. Двойственные эффекты платформизации креативного труда.

С одной стороны, цифровые платформы существенно снизили барьеры входа на рынки. Создатели получили возможность выхода на глобальную аудиторию. Без необходимости заключения контрактов с крупными издателями, звукозаписывающими лейблами или студиями.[2. С.47]. Это привело к формированию «экономики создателей» — сферы предпринимательской активности, в которой знания и экспертиза производятся, доставляются и монетизируются через цифровые платформы. Снижение издержек создания и распространения произведений в цифровой среде позволило значительно расширить предложение со стороны аматоров и снизить барьеры для амбициозных новичков. Активные пользователи цифровых платформ всё чаще выступают не только потребителями. Но и сигнализаторами качества, а также поставщиками комплементарных услуг. Что может решающим образом влиять на успех конкретных произведений и создателей [3. С. 81].

С другой стороны, за обещанием автономии и творческой свободы скрываются новые формы зависимости. Контент - создатели несут все издержки и риски, связанные с загрузкой контента на платформу, тогда как платформа извлекает выгоду из доходов. Коммерческие онлайн - платформы обладают значительной рыночной властью и асимметричными информационными преимуществами, возможно, даже большими, чем у крупных издателей, звукозаписывающих компаний и киностудий в прошлом. Создатели оказываются вынуждены принимать условия, позволяющие платформам присваивать значительную часть прибыли, генерируемой на рынке креативных произведений [4. С. 98]. Возникает ситуация, при которой, несмотря на формальное сохранение авторских прав, реальная возможность извлечения выгоды из них существенно ограничена.

2. Трансформация монетизации знаний и российская инфраструктура интеллектуальных прав.

Цифровые платформы породили многообразие новых форматов монетизации знаний: онлайн - курсы и воркшопы, индивидуальный коучинг, членство с платными уровнями, новостные рассылки с платной подпиской и цифровые

продукты. Эти форматы преобразуют традиционные модели распространения знаний, делая их более гибкими и доступными, но одновременно подчиняя их платформенной логике.

В России переход к экономике знания и развитие креативных индустрий сопровождаются формированием собственной цифровой инфраструктуры управления интеллектуальными правами. Сеть РЦИС.РФ, основанная на технологии распределённого реестра, позволяет представителям креативных индустрий депонировать креативные продукты, вводить их в коммерческий оборот и распоряжаться правами. На 2026 год в сети зафиксировано свыше 36 миллионов транзакций, что свидетельствует о высокой востребованности таких инструментов у креативных индустрий [5. С. 1839]. Развитие региональных депозитариев интеллектуальных прав на базе этой инфраструктуры позволяет не только творческому бизнесу, но и региональным правительствам выявлять существующие креативные продукты и оценивать экономический эффект от мер поддержки. Благодаря таким механизмам страна приближается к доле креативного сектора в ВВП в 6 % — показателю, обозначенному в качестве целевого [6. С. 4148]. Вместе с тем цифровизация креативных индустрий в России носит многоаспектный и неоднородный характер. Исследования отмечают необходимость анализа платформенной статистики, алгоритмов оценки цифровой креативности и картирования потоков внимания для более точного измерения креативной экономики.

3. Генеративный ИИ и институциональные аспекты устойчивости создателей.

Распространение генеративного искусственного интеллекта добавляет новые измерения в трансформацию креативного труда. Согласно недавнему опросу, 86 % глобальных создателей используют технологии генеративного ИИ, главным образом для снижения издержек и масштабирования процессов монетизации [7. С. 162]. Однако внедрение ИИ может как поощряться рынком и самими платформами через специфические «платформенные инструменты ИИ», так и сдерживаться платформенными правилами или правовыми рамками. Преодоление негативных эффектов платформизации требует развития институциональных механизмов, обеспечивающих более справедливое распределение доходов и защиту прав создателей. Исследователи подчёркивают необходимость многомерного понимания организационной устойчивости в креативных индустриях, охватывающего экономические, социальные и культурные измерения. Инновационная политика должна оцениваться по её способности расширять возможности, а не исключительно по экономическим показателям. Это предполагает развитие образовательных инициатив, поддержку цифровых навыков и формирование экосистем, в которых создатели знаний могут эффективно взаимодействовать с платформами, сохраняя автономию и справедливую долю создаваемой ценности.

Заключение.

Проведённое исследование показало, что трансформация экономики знаний в креативных индустриях под воздействием цифровых платформ носит

двойственный характер. Платформизация снижает барьеры входа и демократизирует доступ к рынкам, но одновременно усиливает экономическую зависимость создателей, алгоритмическое управление креативным трудом и концентрацию власти у ограниченного числа технологических корпораций. Креативность превращается в источник данных и экономическую единицу. Российский опыт демонстрирует формирование цифровой инфраструктуры управления интеллектуальными правами (РЦИС.РФ, региональные депозитарии), что способствует приближению доли креативного сектора к 6 % ВВП. Генеративный ИИ усиливает противоречия: он используется большинством создателей для снижения издержек, но его внедрение зависит от платформенных правил и правовых рамок.

Решение научной проблемы связано с необходимостью институциональных механизмов справедливого распределения доходов, защиты прав создателей, развития образовательных инициатив и цифровых навыков. Практическое применение результатов возможно в инновационной политике, оцениваемой по расширению возможностей создателей, а также в формировании экосистем, где создатели знаний сохраняют автономию и справедливую долю создаваемой ценности.

Список литературы.

1. Митина Д. Е., Филлипов Я. А. Роль цифровизации в развитии креативных индустрий // Вестник Ростовского государственного экономического университета (РИНХ). – 2025. – Т. 32. – №. 1. – С. 70 - 80.

2.Горбунов, Тимофей Александрович. "Технологические инновации в творческих индустриях и их оценка." *Индустриальная экономика* S2 (2025): 46 - 52.

3.Горда О. С. Экосистемный подход к развитию креативных индустрий в эпоху цифровизации // Ученые записки Крымского федерального университета имени ВИ Вернадского. Экономика и управление. – 2025. – Т. 11. – №. 2. – С. 71 - 84.

4. Панасенко С. В., Христофорова И. В., Сурай Н. М. Современные проблемы и перспективы развития креативных индустрий в России // Экономика Профессия Бизнес. – 2025. – №. 2. – С. 95 - 102.

5.Дорошенко М. В. Блокчейн как инновационный инструмент в креативных индустриях: перспективные направления и сдерживающие факторы // Креативная экономика. – 2024. – Т. 18. – №. 8. – С. 1831 - 1852.

6.Мызрова К. А., Рожкова Е. В., Чугунова О. А. Креативные индустрии: условия развития и перспективы // Экономика, предпринимательство и право. – 2024. – Т. 14. – №. 8. – С. 4141 - 4154.

7. Салтыкова А. Д. ФОРМАТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЙ // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2026. – №. 2. – С. 153 - 171.

© Баженов С.И., 2026

Власовец Е.Н.
Аспирант факультета маркетинга, менеджмента и предпринимательства
БНТУ,
г. Минск, Республика Беларусь

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ГЛОБАЛЬНЫХ ИНФРАСТРУКТУРНЫХ ПРОЕКТОВ

Аннотация
В статье рассматриваются ключевые правовые аспекты реализации глобальных инфраструктурных проектов. Анализируются механизмы институциональной координации, регулирования земельно - имущественных отношений, экологических и социальных требований, финансирования и распределения рисков. На основе международной практики выявляются основные правовые инструменты, обеспечивающие согласованность действий участников, защиту их прав и эффективную реализацию инфраструктурных проектов.

Ключевые слова:
Инфраструктурные проекты, правовое регулирование, международное сотрудничество, ГЧП; распределение рисков.

LEGAL ASPECTS OF IMPLEMENTING GLOBAL INFRASTRUCTURE PROJECTS

Abstract
The article examines key legal aspects of implementing global infrastructure projects. It analyzes mechanisms of institutional coordination, land and property regulation, environmental and social requirements, financing, and risk allocation. Based on international practice, the study identifies key legal instruments that ensure coordinated actions among project participants, protect their rights, and facilitate the effective implementation of infrastructure projects.

Keywords:
Infrastructure projects, legal regulation, international cooperation, public - private partnerships (PPPs), risk allocation.

Реализация крупных инфраструктурных проектов представляет собой комплексный процесс, в рамках которого технические, архитектурные и экономические решения непосредственно взаимосвязаны системой правового регулирования. В связи с масштабом подобных проектов и необходимостью взаимодействия значительного числа участников – государственных органов, частных и институциональных инвесторов, проектных и строительных организаций, собственников земельных участков и местных сообществ – особое значение приобретает правовое регулирование, обеспечивающее согласование различных общественных и частных интересов.

Реализация масштабных инфраструктурных инициатив требует определения порядка и последовательности выполнения значительного количества взаимосвязанных мероприятий и процедур, включая получение многочисленных разрешений и согласований, проведение необходимых оценок, привлечение и структурирование финансирования, распределение ответственности между участниками, а также урегулирование возможных споров. В связи с этим необходимо наличие эффективной правовой базы, обеспечивающей комплексное регулирование всех этапов жизненного цикла глобального инфраструктурного проекта с учётом принципов международного сотрудничества и специфики трансграничного взаимодействия [1].

Целью настоящего исследования является выявление основных правовых механизмов, применяемых при реализации крупных инфраструктурных проектов, на основе анализа международной практики.

Одним из ключевых условий успешной реализации масштабного инфраструктурного проекта является наличие системно выстроенной и юридически определённой нормативно - правовой базы. Она должна обеспечивать регламентацию институциональных полномочий и зон ответственности участников проекта, процедур принятия управленческих решений, требований к проектированию, строительству и вводу объекта в эксплуатацию, механизмов финансирования, а также правовых условий его последующей эксплуатации и контроля.

Особое значение имеет формирование чёткой институциональной архитектуры, предусматривающей однозначное разграничение компетенций, полномочий и зон ответственности между участниками проектов. Отсутствие нормативно закреплённого распределения функций и механизмов межведомственной координации повышает риски административных задержек, дублирования полномочий, правовой неопределённости и возникновения споров. Всемирный банк подчёркивает, что эффективная институциональная структура должна устанавливать иерархию органов, объём их полномочий и сферу ответственности на всех этапах реализации проекта, минимизируя пересечение юрисдикций и обеспечивая предсказуемость процедур для частного сектора [2].

Одним из ключевых элементов правового обеспечения инфраструктурных проектов выступает регулирование земельно - имущественных отношений, поскольку реализация масштабных объектов предполагает использование значительных земельных ресурсов и, как следствие, затрагивает права собственности и иные вещные права. В транспортном строительстве это может выражаться в необходимости отчуждения земельных участков, установления сервитутов и приобретения иных прав, обеспечивающих размещение, строительство и последующую эксплуатацию инфраструктуры. Показательным примером является планируемый к реализации британский проект высокоскоростной железной дороги High Speed 2 (HS2), правовой механизм реализации первой фазы которого установлен в нормативном акте «Закон о

высокоскоростных железных дорогах (Лондон – Западный Мидлендс) 2017» [3]. Данный нормативный акт наделил уполномоченные органы полномочиями по принудительному приобретению земельных участков, а также отдельных прав на землю, необходимых для строительства железнодорожной инфраструктуры. При этом применение указанных полномочий осуществляется в соответствии с установленными законодательством процедурами принудительного приобретения, компенсации и защиты имущественных прав собственников.

Практика HS2 также демонстрирует необходимость сочетания специальных механизмов правового регулирования с обеспечением защиты прав собственников и иных заинтересованных лиц. Законодательство предусматривало процедуры рассмотрения обращений лиц, чьи имущественные и иные права могли быть затронуты реализацией проекта. Показательным является парламентское рассмотрение первой фазы проекта: в Палату лордов было подано 822 петиции, что свидетельствует о значительной роли механизмов общественного участия и защиты заинтересованных сторон при реализации крупномасштабной инфраструктуры.

Наряду с регулированием земельно - имущественных отношений существенное значение при реализации крупных инфраструктурных проектов приобретает экологическое и социальное регулирование. Учитывая масштаб и потенциальное воздействие таких объектов на окружающую среду и территории проживания населения, соответствующие требования целесообразно интегрировать уже на предпроектной стадии. В соответствии с подходом Всемирного банка экологические и социальные риски должны оцениваться на протяжении всего жизненного цикла проекта. Данный подход позволяет своевременно идентифицировать потенциальные риски и предусмотреть правовые и организационные механизмы их минимизации [4].

В рамках реализации проекта HS2 в Великобритании экологические и социальные требования были интегрированы в общий механизм правового обеспечения проекта. Наряду с законодательным актом, определяющим правовые основания строительства первой фазы высокоскоростной железнодорожной линии, были разработаны Environmental Minimum Requirements (EMR), регулирующие вопросы охраны окружающей среды, объектов историко - культурного наследия, планирования и организации строительных работ [5]. Таким образом, экологические требования были закреплены как неотъемлемая часть проектных и строительных процедур, обеспечивая системный подход к управлению воздействием инфраструктурного объекта на окружающую среду и заинтересованные стороны.

Следующим ключевым принципом правового обеспечения крупных инфраструктурных проектов является принцип распределения финансовых и проектных рисков между участниками. Масштаб и капиталоёмкость таких проектов обусловливают необходимость применения комплексных механизмов финансирования, включая государственно - частное партнёрство, при котором

правовые условия взаимодействия публичного и частного секторов должны обеспечивать сбалансированное распределение рисков и ответственности [6].

Согласно позиции Всемирного банка, правовая база государственно - частного партнёрства должна быть интегрирована в общую систему государственного регулирования и обеспечивать комплексный учёт бюджетных, экологических и социальных аспектов реализации инфраструктурных проектов.

Для международных инфраструктурных проектов правовая согласованность выступает самостоятельным фактором их успешной реализации, поскольку позволяет минимизировать риски, обусловленные различиями национальных законодательств, и обеспечить координацию действий всех участников. Несогласованность национальных требований и административных процедур может приводить к возникновению правовой неопределённости, задержкам, увеличению проектных издержек и нарушению установленных сроков реализации.

В качестве примера можно рассмотреть проект создания высокоскоростной железнодорожной магистрали Мумбаи – Ахмедабад, осуществляемый в рамках международного сотрудничества Индии и Японии при финансовом и техническом участии японской стороны. Задержки, связанные с приобретением земельных участков в штате Махараштра, оказали влияние на сроки реализации проекта, что демонстрирует значимость эффективной правовой и административной координации между участниками даже при наличии международного финансирования и институциональной поддержки.

Другим примером необходимости правовой координации при реализации трансграничных инфраструктурных проектов является строительство тоннеля под Ла - Маншем, реализация которого потребовала согласования правовых механизмов Великобритании и Франции. Заключённый в 1986 году Кентерберийский договор (Treaty of Canterbury) сформировал специальную межгосударственную правовую основу для строительства и последующей эксплуатации объекта, обеспечив координацию полномочий и взаимодействие двух государств. Данный пример демонстрирует, что создание согласованного международно - правового механизма является важным условием реализации трансграничных инфраструктурных проектов и позволяет снизить риски, обусловленные различиями национальных правовых систем.

Анализ международной практики показывает, что эффективность крупных инфраструктурных проектов определяется не только наличием развитой нормативно - правовой базы, но и согласованностью применяемых правовых и административных механизмов. Правовое регулирование должно охватывать весь жизненный цикл проекта, обеспечивая институциональную координацию, защиту прав заинтересованных сторон, распределение рисков и взаимосвязь земельных, экологических, финансовых и договорных механизмов..

Список использованных источников и литературы:

1. Мошкова, Д. М. Правовые аспекты реализации мегасайенс - проектов / Д. М. Мошкова, Д. Л. Лозовский // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2019. – №7 (59).

2. PPP Reference Guide - PPP Cycle // World Bank Group [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https: // ppp.worldbank.org / library / ppp - reference - guide - ppp - cycle?utm _ source=chatgpt.com. – Дата доступа: 14.09.2026.

3. High Speed Rail (London - West Midlands) Act 2017 // legislation.gov.uk. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https: // www.legislation.gov.uk / ukpga / 2017 / 7 / notes / division / 6 / index.htm?utm _ source=chatgpt.com. – Дата доступа: 14.09.2026.

4. Martin Loosemore, A. Ng. Risk allocation in the private provision of public infrastructure / A. Ng. Martin Loosemore // International Journal of Project Management. – Volume 25, Issue 1 – Pages 66 - 76.

5. Environmental minimum requirements for HS2 Phase One // Gov.uk. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https: // www.gov.uk / government / publications / environmental - minimum - requirements. – Дата доступа: 14.09.2026.

6. Камина, П. В. Развитие правового регулирования института государственно - частного партнёрства и его значение при реализации инфраструктурных проектов: опыт Российской Федерации и зарубежных стран / П. В. Камина // Право и управление. XXI век. 2025. – ТОМ 21. – № 2.

© Власовец Е.Н., 2026

Ли Гуйхэ
выпускник, Школа восточного туризма и культуры города Дунъин,

РАЗВИТИЕ ЭКСПОРТНОГО ПОТЕНЦИАЛА ПРЕДПРИЯТИЙ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация: В статье рассматриваются современные направления развития экспортного потенциала предприятий в условиях трансформации мировой экономики, усиления международной конкуренции и изменения структуры глобальной торговли. Анализируются основные факторы, влияющие на экспортную деятельность хозяйствующих субъектов, включая цифровизацию экономики, инновационное развитие, диверсификацию рынков сбыта и повышение качества продукции. Особое внимание уделяется вопросам повышения конкурентоспособности предприятий на внешних рынках, совершенствования механизмов государственной поддержки экспорта и адаптации компаний к новым условиям международной торговли. Сделан вывод о том, что устойчивое развитие экспортного потенциала является важным фактором экономического роста предприятий и повышения конкурентоспособности национальной экономики.

Ключевые слова: экспортный потенциал, внешнеэкономическая деятельность, международная торговля, конкурентоспособность, диверсификация экспорта, цифровизация, экспортная стратегия, государственная поддержка.

Li Guihe
Graduate, Dongying School of Oriental Tourism and Culture,

DEVELOPING THE EXPORT POTENTIAL OF ENTERPRISES IN THE CURRENT ENVIRONMENT

Abstract: The article examines contemporary approaches to the development of export potential of enterprises in the context of the transformation of the global economy, increasing international competition, and changes in the structure of world trade. The study analyzes the main factors influencing export activities, including digitalization, innovation development, market diversification, and product quality improvement. Particular attention is paid to enhancing the competitiveness of enterprises in foreign markets, improving export support mechanisms, and adapting companies to new conditions of international trade. The study concludes that sustainable development of export potential is an important factor for enterprise growth and strengthening the competitiveness of the national economy.

Keywords: export potential, foreign economic activity, international trade, competitiveness, export diversification, digitalization, export strategy, state support.

В условиях глобализации и усиления международной конкуренции экспортная деятельность становится одним из важнейших факторов устойчивого развития предприятий. Выход на внешние рынки позволяет хозяйствующим субъектам расширять масштабы производства, увеличивать объемы реализации продукции, диверсифицировать источники доходов и укреплять свои конкурентные позиции. Для национальной экономики развитие экспорта способствует росту валютных поступлений, повышению занятости населения, стимулированию инновационной активности и укреплению международных экономических связей. В современных условиях значение экспортного потенциала предприятий существенно возрастает вследствие трансформации мировой торговли, цифровизации экономики и изменения структуры международного спроса [1].

Экспортный потенциал предприятия представляет собой совокупность производственных, финансовых, технологических, кадровых и организационных возможностей, обеспечивающих эффективное продвижение продукции на зарубежные рынки. Его формирование зависит от множества факторов, включая уровень конкурентоспособности продукции, качество управления, инновационный потенциал предприятия и состояние внешнеэкономической среды. В современных условиях успешное развитие экспортного потенциала требует не только наличия качественного товара, но и способности оперативно адаптироваться к изменениям международного рынка [2].

Одной из ключевых тенденций развития мировой экономики является усиление конкуренции на международных рынках. Рост числа производителей и расширение возможностей международной торговли приводят к тому, что предприятия

вынуждены постоянно совершенствовать продукцию, снижать издержки и внедрять инновации. В этих условиях конкурентоспособность становится основным фактором успешной экспортной деятельности. Предприятия, ориентированные на внешние рынки, должны обеспечивать соответствие продукции международным стандартам качества, экологической безопасности и технического регулирования [3].

Существенное влияние на развитие экспортного потенциала оказывает цифровизация экономики. Современные цифровые технологии позволяют предприятиям значительно расширить возможности продвижения продукции за рубежом. Использование электронных торговых площадок, цифровых маркетинговых инструментов, систем управления взаимоотношениями с клиентами и технологий анализа больших данных способствует повышению эффективности экспортной деятельности. Цифровизация также упрощает процессы поиска зарубежных партнеров, проведения переговоров и заключения международных контрактов [4].

Важным условием успешного развития экспорта является диверсификация внешних рынков. Зависимость от ограниченного числа стран - партнеров повышает риски для предприятия в случае изменения экономической или политической ситуации. Поэтому современные компании стремятся расширять географию поставок и осваивать новые рынки сбыта. Диверсификация экспортных направлений позволяет снижать влияние внешних шоков, повышать устойчивость бизнеса и обеспечивать стабильность экспортных доходов [5].

Особую роль в развитии экспортного потенциала играет инновационная деятельность. В условиях перехода мировой экономики к модели, основанной на знаниях и технологиях, предприятия получают конкурентные преимущества за счет внедрения инноваций. Разработка новых видов продукции, совершенствование производственных процессов и использование современных технологий позволяют создавать товары с высокой добавленной стоимостью, которые обладают большей конкурентоспособностью на мировом рынке. Именно инновационная продукция становится одним из основных драйверов роста экспорта в развитых и развивающихся странах [6].

Немаловажное значение имеет развитие производственного потенциала предприятий. Для успешной экспортной деятельности необходимо обеспечивать стабильное качество продукции, соответствие международным требованиям и возможность оперативного увеличения объемов производства. Модернизация оборудования, внедрение современных технологий управления производством и повышение квалификации персонала способствуют укреплению экспортных возможностей предприятий и повышению эффективности их деятельности [2].

Современные изменения мировой экономики требуют от предприятий гибкости и способности адаптироваться к новым условиям международной торговли. В последние годы значительное влияние на экспортную деятельность оказывают геополитические факторы, трансформация глобальных цепочек поставок и рост

протекционистских тенденций. В этих условиях предприятия вынуждены пересматривать экспортные стратегии, искать новых партнеров и оптимизировать логистические маршруты. Повышение устойчивости экспортной деятельности становится важнейшим элементом долгосрочного развития бизнеса [3].

Существенную поддержку развитию экспортного потенциала оказывает государственная политика. Во многих странах реализуются специальные программы стимулирования экспорта, включающие финансовую поддержку предприятий, страхование экспортных рисков, организацию международных выставок и бизнес - миссий, а также информационно - консультационное сопровождение внешнеэкономической деятельности. Эффективная система государственной поддержки способствует снижению барьеров выхода на зарубежные рынки и повышает конкурентоспособность национальных производителей [1].

Важным направлением развития экспортного потенциала является совершенствование логистической инфраструктуры. Эффективная транспортная система, современные складские комплексы и развитая сеть международных транспортных коридоров обеспечивают своевременную доставку продукции зарубежным потребителям и снижают логистические издержки. В условиях роста международной конкуренции качество логистического обслуживания становится одним из факторов успеха экспортной деятельности предприятий [4].

В современных условиях возрастает значение устойчивого развития как фактора повышения экспортной конкурентоспособности. Международные потребители все чаще предъявляют требования к экологической безопасности продукции, соблюдению принципов социальной ответственности и использованию ресурсосберегающих технологий. Предприятия, внедряющие стандарты устойчивого развития, получают дополнительные преимущества на мировом рынке и укрепляют свою репутацию среди зарубежных партнеров [5].

Таким образом, развитие экспортного потенциала предприятий является важнейшим условием повышения их конкурентоспособности и обеспечения устойчивого экономического роста. Современные условия требуют комплексного подхода к развитию экспортной деятельности, включающего повышение качества продукции, внедрение инноваций, цифровизацию бизнес - процессов, диверсификацию рынков сбыта и совершенствование логистической инфраструктуры. В условиях усиливающейся международной конкуренции именно способность предприятий эффективно использовать свой экспортный потенциал становится одним из ключевых факторов их долгосрочного успеха на мировом рынке. Развитие экспорта способствует не только росту отдельных компаний, но и укреплению позиций национальной экономики в системе международных экономических отношений.

Список использованных источников

1. Porter M. E. The Competitive Advantage of Nations. – New York: Free Press, 1990. – 896 p.

2. Балабанов И. Т., Балабанов А. И. Внешнеэкономические связи. – М.: Финансы и статистика, 2021. – 512 с.
3. World Trade Organization. World Trade Report 2024. Trade and Development in a Changing Global Economy. – Geneva: WTO, 2024. – 230 p.
4. OECD. SME and Entrepreneurship Outlook 2024. – Paris: OECD Publishing, 2024. – 290 p.
5. United Nations Conference on Trade and Development. Trade and Development Report 2024. – New York; Geneva: United Nations, 2024. – 256 p.
6. World Bank. Global Economic Prospects 2025. – Washington, DC: World Bank, 2025. – 238 p.

© Ли Гуйхэ, 2026

Ли Цзюлун
выпускник, Школа восточного туризма и культуры города Дунъин

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ТОРГОВЛИ

Аннотация: В статье рассматриваются современные тенденции развития мировой торговли в условиях трансформации глобальной экономики. Анализируются основные факторы, влияющие на динамику международного товарооборота, включая цифровизацию, регионализацию экономических связей, изменение структуры глобальных цепочек создания стоимости, усиление геополитической нестабильности и развитие электронной коммерции. Особое внимание уделяется новым направлениям международного торгового сотрудничества, а также роли инновационных технологий в повышении эффективности внешнеторговой деятельности. Сделан вывод о том, что мировая торговля продолжает оставаться важнейшим фактором экономического развития, однако ее структура и механизмы функционирования претерпевают значительные изменения под воздействием современных глобальных вызовов.

Ключевые слова: мировая торговля, международная торговля, глобализация, цифровизация, электронная коммерция, регионализация, глобальные цепочки создания стоимости, мировая экономика.

Li Jiulong
Graduate, Dongying School of Oriental Tourism and Culture

MODERN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF GLOBAL TRADE

Abstract: The article examines current trends in the development of world trade in the context of the transformation of the global economy. The study analyzes the main

factors influencing the dynamics of international trade, including digitalization, regionalization of economic relations, changes in global value chains, increasing geopolitical instability, and the development of e - commerce. Particular attention is paid to new directions of international trade cooperation and the role of innovative technologies in improving the efficiency of foreign trade activities. The study concludes that world trade remains one of the most important drivers of economic development, although its structure and mechanisms are undergoing significant changes under the influence of contemporary global challenges.

Keywords: world trade, international trade, globalization, digitalization, e - commerce, regionalization, global value chains, world economy.

Мировая торговля на протяжении многих десятилетий выступает одним из важнейших факторов экономического роста и международного сотрудничества. Благодаря развитию транспортных систем, информационных технологий и международного разделения труда государства получили возможность более эффективно использовать имеющиеся ресурсы, расширять рынки сбыта и повышать конкурентоспособность национальных экономик. Вместе с тем современные процессы развития мировой экономики сопровождаются значительными структурными изменениями, которые оказывают существенное влияние на характер международной торговли. В условиях ускоренной цифровизации, геополитической нестабильности и трансформации глобальных производственных систем мировая торговля вступает в новый этап своего развития [1].

Одной из важнейших тенденций современного периода является изменение структуры международного товарооборота. Если ранее основную долю мировой торговли составляли сырьевые товары и продукция традиционной промышленности, то в настоящее время возрастает значение высокотехнологичной продукции и услуг. Развитие цифровой экономики способствует увеличению объемов торговли программным обеспечением, цифровыми платформами, облачными сервисами и другими нематериальными активами. В результате происходит постепенное смещение центра мировой торговли от традиционных товаров к продукции с высокой добавленной стоимостью [2].

Существенное влияние на развитие мировой торговли оказывает цифровизация. Современные информационно - коммуникационные технологии значительно упрощают процессы международного обмена товарами и услугами. Использование электронного документооборота, технологий больших данных, искусственного интеллекта и блокчейна позволяет снижать транзакционные издержки, ускорять логистические операции и повышать прозрачность внешнеторговых сделок. Цифровая трансформация способствует формированию новых бизнес - моделей и расширяет возможности участия малых и средних предприятий в международной торговле [3].

Особое место среди современных тенденций занимает стремительное развитие электронной коммерции. Рост популярности цифровых торговых платформ привел к существенному увеличению объемов трансграничной торговли. Электронная коммерция предоставляет производителям прямой доступ к зарубежным потребителям без необходимости создания сложной сети посредников. В результате снижаются издержки выхода на международные рынки и повышается доступность товаров для потребителей во всем мире. По оценкам международных организаций, доля электронной торговли в мировой экономике продолжает устойчиво увеличиваться, формируя новые направления развития международного бизнеса [4].

Значительное влияние на мировую торговлю оказывает трансформация глобальных цепочек создания стоимости. На протяжении нескольких десятилетий международное производство основывалось на принципах максимальной экономической эффективности и размещении различных стадий производственного процесса в странах с наиболее выгодными условиями. Однако пандемия COVID - 19, геополитические конфликты и логистические кризисы выявили уязвимость сложившейся модели глобального производства. В результате многие компании начали пересматривать свои стратегии, уделяя больше внимания устойчивости и надежности поставок [5].

Следствием данных процессов стало усиление тенденций регионализации мировой торговли. Государства и компании стремятся сокращать зависимость от удаленных поставщиков и развивать торгово - экономические связи в рамках отдельных регионов. Усиление роли региональных интеграционных объединений способствует формированию новых центров экономической активности. Регионализация позволяет снизить логистические риски и повысить устойчивость торговых отношений, однако одновременно может способствовать фрагментации мировой экономики и сокращению масштабов глобальной интеграции [6].

Еще одной важной тенденцией является усиление влияния геополитических факторов на международную торговлю. В последние годы торговые отношения все чаще становятся объектом политического регулирования. Санкционные ограничения, торговые споры, экспортный контроль и меры по обеспечению технологической безопасности оказывают непосредственное влияние на структуру международных товарных потоков. В результате экономические решения компаний и государств все чаще принимаются с учетом не только коммерческих факторов, но и политических рисков [1].

Одновременно возрастает роль устойчивого развития в международной торговле. Экологические проблемы, изменение климата и необходимость достижения целей устойчивого развития стимулируют внедрение новых требований к производству и международному обмену товарами. Все большее значение приобретают экологические стандарты, механизмы углеродного регулирования и принципы «зеленой» экономики. Многие страны вводят дополнительные требования к экологической безопасности импортируемой продукции, что оказывает влияние на конкурентоспособность производителей на мировом рынке [3].

Существенные изменения происходят и в географической структуре мировой торговли. Продолжается усиление экономических позиций стран Азии, прежде всего Китая, Индии и государств Юго - Восточной Азии. Данный регион становится одним из ключевых центров мирового производства и потребления. Одновременно наблюдается рост экономической активности стран Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки, что способствует формированию более многополярной структуры мировой торговли [2].

Важным направлением развития мировой торговли является расширение торговли услугами. Благодаря цифровым технологиям многие виды услуг могут предоставляться дистанционно независимо от территориального расположения участников сделки. Это касается финансовых, образовательных, консалтинговых, информационных и инженерных услуг. Рост международной торговли услугами способствует повышению эффективности мировой экономики и формированию новых источников экономического роста [4].

Несмотря на существующие вызовы, мировая торговля продолжает оставаться важнейшим механизмом международного экономического взаимодействия. Современные тенденции свидетельствуют не о прекращении процессов глобализации, а об их трансформации. Происходит формирование более гибкой модели международной торговли, в которой ключевую роль играют цифровые технологии, устойчивость цепочек поставок, региональное сотрудничество и инновации. В этих условиях конкурентоспособность государств все в большей степени зависит от способности адаптироваться к новым требованиям глобального рынка и эффективно использовать возможности цифровой экономики [5].

Таким образом, развитие мировой торговли в XXI веке характеризуется сочетанием процессов цифровизации, регионализации, технологической модернизации и изменения структуры международного спроса. Усиление роли электронной коммерции, трансформация глобальных цепочек создания стоимости, рост значения торговли услугами и влияние геополитических факторов формируют новую архитектуру мирового хозяйства. В перспективе дальнейшее развитие мировой торговли будет определяться способностью государств и компаний адаптироваться к изменяющимся условиям международной экономической среды и эффективно использовать преимущества современных технологий [6].

Список использованных источников

1. World Trade Organization. World Trade Report 2024: Trade and Inclusiveness. – Geneva: WTO, 2024. – 220 p.
2. United Nations Conference on Trade and Development. Trade and Development Report 2024. – New York; Geneva: United Nations, 2024. – 256 p.
3. OECD. Digital Trade Outlook 2024. – Paris: OECD Publishing, 2024. – 198 p.
4. World Bank. Global Economic Prospects 2025. – Washington, DC: World Bank, 2025. – 238 p.
5. Baldwin R. The Great Convergence: Information Technology and the New Globalization. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2016. – 344 p.
6. Evenett S., Fritz J. The Global Trade Alert Database Handbook. – London: CEPR Press, 2023. – 212 p.

© Ли Цзюлун, 2026

Луцкан С.П.
заведующий кафедрой
«Прикладное программирование»
МИРЭА — Российский технологический университет,
г. Москва, РФ

ВЕСОВЫЕ ПРИОРИТЕТЫ КРИТЕРИЕВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЯ В УСЛОВИЯХ ГИБРИДНЫХ УГРОЗ: МЕТОД АНАЛИЗА ИЕРАРХИЙ И АНАЛИЗ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ

Аннотация.
Весовые коэффициенты критериев в индикаторных моделях экономической безопасности предприятия обычно задаются экспертным усреднением и не проходят проверку на непротиворечивость. Рассчитаны веса одиннадцати критериев двух блоков — традиционного (семь) и цифрового (четыре: технологическая независимость, киберустойчивость, санкционная устойчивость, цифровая репутация) — методом анализа иерархий по матрице парных сравнений 11×11; отношение согласованности равно 0,010 при пороге 0,1. В первую тройку вошли финансовая устойчивость (вес 0,161), технологическая независимость (0,159), киберустойчивость (0,152); на цифровой блок приходится 0,456 суммарного веса против 0,37 в модели автора 2024 года. Сто десять однофакторных смещений суждений и 2000 статистических испытаний подтвердили: состав группы лидеров воспроизводится в каждом сценарии.

Ключевые слова:
экономическая безопасность предприятия, весовые коэффициенты, метод анализа иерархий, гибридные угрозы, цифровые критерии, анализ чувствительности, интегральный индекс.

Lutskan S.P.
Head of the Department of Applied Programming
MIREA – Russian Technological University
Moscow, Russian Federation

WEIGHT PRIORITIES OF ENTERPRISE ECONOMIC SECURITY CRITERIA UNDER HYBRID THREATS: ANALYTIC HIERARCHY PROCESS AND SENSITIVITY ANALYSIS

Abstract
Criteria weights in indicator - based models of enterprise economic security are usually set by expert averaging without any consistency check. The weights of eleven criteria — seven traditional and four digital ones — are derived with the Analytic Hierarchy Process from an 11×11 pairwise comparison matrix; the consistency ratio equals 0.010 against the 0.1 threshold. Financial stability (0.161), technological independence (0.159) and cyber resilience (0.152) head the ranking, and the digital block totals 0.456 of the overall

weight versus 0.37 in the author's 2024 model. Stepwise perturbation of judgments (110 runs) and 2,000 Monte Carlo trials reproduce the leading triad in every scenario.

Keywords: economic security of an enterprise, criteria weights, analytic hierarchy process, hybrid threats, digital criteria, sensitivity analysis, integral index.

Введение.

С 2022 года давление на экономическую безопасность предприятия приобрело гибридный характер: санкционные ограничения, отзыв поддержки зарубежных программных продуктов и компьютерные атаки действуют одновременно, а их последствия перетекают из одной функциональной подсистемы в другую. Цифровой фон непрерывно нарастает. Объем клиентских операций, проведенных без добровольного согласия, вырос за 2024 год до 27,5 млрд руб. — прирост 74,4 %, а предотвращенный банками ущерб оценен в 13,5 трлн руб. [1]. Роскомнадзор насчитал за тот же год 135 утечек баз данных; в открытый доступ попало более 710 млн записей о гражданах [2]. Мировая статистика дает средний жизненный цикл утечки 241 день, включая 181 день до обнаружения и 60 дней на локализацию, при средней стоимости инцидента 4,44 млн долл. [3]; российские оценки ущерба от одной утечки — в среднем 11,5 млн руб., максимум — свыше 41 млн руб., причем главные потери накапливаются еще до обнаружения события, в латентной фазе [4].

При таком профиле угроз качество оценки экономической безопасности определяется не только составом критериев, но и их весами. Между тем в индикаторных и ресурсно - функциональных методиках веса чаще всего назначаются экспертным усреднением, а согласованность приоритетов никак не контролируется [5]; в более ранней модели автора одиннадцать критериев также были взвешены экспертно [6]. Цель работы — рассчитать веса критериев методом анализа иерархий (МАИ) с контролем согласованности суждений и проверить устойчивость ранжирования двумя независимыми схемами возмущения, чтобы структура приоритетов стала воспроизводимой и пригодной для сопряжения с адаптивной системой показателей мониторинга [7; 8].

Состав критериев и метод расчета весов.

Критериальный состав опирается на ресурсно - функциональную традицию экономической безопасности [9]: классические подсистемы дополнены цифровыми критериями без разрушения структуры. Традиционный блок (семь критериев): финансовая устойчивость, производственно - технологическая устойчивость, интеллектуально - кадровая безопасность, рыночная устойчивость, инновационный потенциал, правовая защищенность, эколого - социальная ответственность. Цифровой блок (четыре): технологическая независимость, киберустойчивость, санкционная устойчивость и цифровая репутация. По сравнению с моделью 2024 года [6] введен производственный контур, «уровень цифровизации» заменен технологической независимостью, экологическая и социальная ответственность

объединены, а санкционный критерий переведен с вероятностной оценки на измеримую экспозицию.

МАИ строит матрицу A попарных сравнений одиннадцати критериев; суждения задаются на стандартной шкале Саати 1–9, где единица означает равенство сравниваемых позиций, а девятка — абсолютное превосходство одной над другой [10]. Вектор приоритетов w — собственный вектор матрицы, нормированный на единицу. Качество суждений контролируют три соотношения:

$$\begin{cases} \lambda_{max} = \frac{1}{n} \cdot \sum_{i=1}^{n} \frac{(A \cdot w)_i}{w_i}; \\ \text{ИС} = \frac{\lambda_{max} - n}{n-1}; \\ \text{ОС} = \frac{\text{ИС}}{\text{СС}} \end{cases}, \quad (1)$$

где λ_{max} — максимальное собственное значение матрицы A; $n = 11$; ИС — индекс согласованности; ОС — отношение согласованности; СС — табличная константа случайной согласованности (при $n = 11$ равна 1,51 [10]). Порог приемлемости $\text{ОС} \leq 0{,}1$: при превышении матрица признается несогласованной, и суждения подлежат пересмотру. Ключевая логика сравнений такова. Финансовая устойчивость, киберустойчивость и технологическая независимость признаны равными по важности (суждения 1): ущерб от компьютерных инцидентов и программной зависимости уже сопоставим с масштабом финансовых рисков [1; 3], а финансовая основа по - прежнему поглощает ущерб любой природы. Программная независимость втрое превосходит по важности санкционную устойчивость (суждение 3): зависимость от зарубежных программ структурна и снимается лишь многолетними проектами замещения [11], тогда как компонентная экспозиция смягчается перестройкой каналов поставок. Цифровая репутация втрое уступает финансовой устойчивости и вдвое — киберустойчивости (суждения 3 и 2): потери репутации по большей части вторичны — они производны от инцидентов и эпизодичны. Киберустойчивость вдвое важнее производственно - технологической устойчивости (суждение 2): остановки производства все чаще запускаются отказами ИТ - инфраструктуры — логика, зафиксированная в требованиях операционной надежности [12].

Прочность решения подтверждена двумя процедурами. Первая — однофакторное смещение: каждая из 55 наддиагональных ячеек матрицы сдвигалась на соседнюю ступень шкалы вверх и вниз, всего 110 пересчетов. Вторая — статистические испытания методом Монте - Карло: все 55 суждений одновременно умножались на логнормальный множитель со средним квадратическим отклонением логарифма 0,25; выполнено 2000 пересчетов.

Результаты расчета и проверка устойчивости.

Расчет по формулам (1) дает $\lambda_{max} = 11{,}157$, откуда $\text{ИС} = 0{,}016$ и $\text{ОС} = 0{,}010$ — почти на порядок лучше порога приемлемости: суждения непротиворечивы. Веса, ранги, динамика против модели 2024 года и диапазоны чувствительности сведены в таблицу 1.

Таблица 1 — Весовые коэффициенты критериев и их устойчивость к возмущению суждений

Критерий	Блок	Вес	Ранг	Δ к модели 2024 г., п. п.	Интервал, смещение суждений на шаг	90 % интервал, Монте-Карло
Финансовая устойчивость	традиционный	0,161	1	−3,9	0,152–0,174	0,144–0,180
Технологическая независимость	цифровой	0,159	2	+5,9	0,151–0,172	0,141–0,178
Киберустойчивость	цифровой	0,152	3	+0,2	0,143–0,164	0,135–0,169
Производственно-технологическая устойчивость	традиционный	0,089	4–5	введен	0,083–0,096	0,079–0,100
Интеллектуально-кадровая безопасность	традиционный	0,089	4–5	+0,9	0,083–0,096	0,078–0,100
Санкционная устойчивость	цифровой	0,083	6	+6,3	0,078–0,090	0,073–0,094
Рыночная устойчивость	традиционный	0,075	7	−7,5	0,071–0,083	0,066–0,085
Цифровая репутация	цифровой	0,061	8	−3,9	0,058–0,068	0,054–0,070
Инновационный потенциал	традиционный	0,053	9	−2,7	0,049–0,059	0,046–0,060
Правовая защищенность	традиционный	0,042	10	−0,8	0,040–0,047	0,037–0,048
Эколого-социальная ответственность	традиционный	0,035	11	−3,5	0,033–0,039	0,031–0,040

Источник: расчет автора по матрице парных сравнений 11×11. Δ — изменение против весов модели [6]: для технологической независимости базой служит критерий «уровень цифровизации» (0,10), для эколого-социальной ответственности — сумма весов экологической (0,04) и социальной (0,03) ответственности; производственно-технологическая устойчивость введена впервые. Сумма округленных весов — 0,999 (округление до трех знаков).

Приоритеты образуют три группы. Первую задают финансовая устойчивость с весом 0,161 и технологическая независимость (0,159); замыкает тройку киберустойчивость (0,152) — разрывы между позициями лежат в третьем знаке, то есть цифровые критерии сравнялись с финансовым фундаментом. Во второй группе — производственно - технологическая устойчивость и интеллектуально - кадровая безопасность (по 0,089), санкционная устойчивость (0,083), рыночная устойчивость (0,075). В третьей — цифровая репутация (0,061), инновационный потенциал (0,053), правовая защищенность (0,042), эколого - социальная ответственность (0,035). Суммарный вес цифрового блока — 0,456 против 0,544 у традиционного; в модели 2024 года цифровым критериям соответствовало 0,37 [6]. Наибольший прирост дали санкционная устойчивость (+6,3 п. п.) и технологическая независимость (+5,9 п. п.); рыночная устойчивость потеряла 7,5 п. п. — под санкциями рыночный фактор частично опосредуется экспозицией и программной зависимостью, которые и приняли вес на себя.

Обе схемы возмущения подтверждают прочность решения. При однофакторных смещениях максимальное ОС составило 0,016, минимальная корреляция Спирмена с базовым ранжированием — 0,964; в 90 сценариях из 110 лидером оставалась финансовая устойчивость, в 18 — технологическая независимость, в 2 — киберустойчивость. В статистических испытаниях первая тройка в полном составе воспроизведена во всех 2000 прогонах; первенство внутри нее доставалось финансовой устойчивости в 45 % случаев, технологической независимости — в 38 %, киберустойчивости — в 17 %. Усредненное по прогонам ОС равно 0,028; 95 - й перцентиль — 0,037; превышений порога 0,1 не зафиксировано. Интервалы таблицы 1 показывают, что группы не перекрываются: нижняя граница третьей позиции (0,135) выше верхней границы четвертой (0,100), поэтому порядок внутри тройки может меняться, а ее состав — нет.

Обсуждение: применение весов в интегральной оценке.

Рассчитанные веса задают вклад критериев в интегральный индекс уровня угроз экономической безопасности:

$$\text{ИИЭБ} = \sum_{i=1}^{11} w_i \cdot x_i, \quad (2)$$

где x_i — значение критерия, нормированное в интервал [0; 1] так, что рост означает ухудшение состояния. Границы зон интерпретации заимствованы из адаптивной системы показателей мониторинга [7; 8]: значение до 0,40 означает устойчивое состояние, интервал 0,40–0,65 — зону контроля, свыше 0,65 — критическую зону. Веса выступают базовыми приоритетами стратегического контура этой системы, а тактический контур при инциденте временно смещает приоритеты в сторону пораженных каналов распространения ущерба — в экспертно установленных коридорах.

Нормативный контур перехода на отечественное программное обеспечение сложился из запрета иностранных программ на значимых объектах критической информационной инфраструктуры [13] и обязанности применять программы из единого реестра [14]; проект постановления Правительства устанавливает общий

срок перевода — 1 января 2028 года, а для отдельных категорий объектов — отсрочки до 1 января 2031 года и 1 января 2036 года [11]. Переход требует ресурсов и времени — это и поддерживает высокий вес технологической независимости. Смысл каскадных каналов виден на документированных событиях. Компьютерная атака 2021 года на оператора крупнейшего американского продуктопровода остановила систему на несколько дней и завершилась выкупом около 5 млн долл. [15] — удар по киберустойчивости конвертировался в производственные, рыночные, финансовые и правовые потери. Утечка почтового сервиса стала публичной примерно через год после события [16]: все это время внешние индикаторы предприятия оставались спокойными — иллюстрация латентной фазы, в которой угроза уже реализована. Санкционный шок 2022 года выявил четыре типа адаптационных стратегий среди 1860 опрошенных промышленных компаний; треть из них никаких мер не предприняла [17].

Заключение.

Проведенное исследование показало, что распространенная практика назначения весов критериев экономической безопасности предприятия экспертным усреднением не позволяет ни проверить непротиворечивость приоритетов, ни воспроизвести их структуру. Расчет весов одиннадцати критериев — семи традиционных и четырех цифровых — методом анализа иерархий по матрице парных сравнений 11×11 с контролем согласованности суждений дал отношение согласованности 0,010 при пороге 0,1, то есть почти на порядок лучше допустимого уровня. Группу сопоставимых лидеров образовали финансовая устойчивость (0,161), технологическая независимость (0,159) и киберустойчивость (0,152): разрывы между позициями лежат в третьем знаке, и цифровые критерии сравнялись по значимости с финансовым фундаментом модели. Суммарный вес цифрового блока составил 0,456 против 0,37 в модели автора 2024 года; наибольший прирост дали санкционная устойчивость (+6,3 п. п.) и технологическая независимость (+5,9 п. п.), тогда как рыночная устойчивость потеряла 7,5 п. п. Эти сдвиги отражают практику 2022–2026 годов: под санкциями рыночный фактор частично опосредуется экспозицией и программной зависимостью, которые и приняли вес на себя.

Проверка устойчивости двумя независимыми схемами возмущения подтвердила прочность решения: 110 однофакторных смещений суждений и 2000 статистических испытаний методом Монте - Карло сохранили состав группы лидеров во всех сценариях. Интервалы весов третьей позиции не перекрываются с интервалами четвертой, поэтому порядок внутри первой тройки способен меняться, а ее состав — нет; управленческие решения допустимо привязывать к составу группы лидеров, а не к порядку внутри нее. Рассчитанные веса выступают базовыми приоритетами стратегического контура адаптивной системы показателей мониторинга экономической безопасности предприятия и задают вклад критериев в интегральный индекс уровня угроз по формуле (2). Перспектива работы —

апробация весов на фактических данных конкретных предприятий с уточнением матрицы парных сравнений силами их экспертных групп.

Список использованной литературы

1. Банк России. Обзор операций, совершенных без добровольного согласия клиентов финансовых организаций, за 2024 год. — Москва: Банк России, 2025. — URL: https: // www.cbr.ru / analytics / ib / operations _ survey / 2024 / (дата обращения: 10.09.2026).

2. Роскомнадзор зафиксировал 135 утечек баз данных в 2024 году // Forbes. — 15.01.2025. — URL: https: // www.forbes.ru / tekhnologii / 528912 - roskomnadzor - zafiksiroval - 135 - utechek - baz - dannyh - v - 2024 - godu (дата обращения: 10.09.2026).

3. IBM. Cost of a Data Breach Report 2025. — Armonk: IBM Security, 2025. — URL: https: // www.ibm.com / reports / data - breach (date of access: 10.09.2026).

4. Утечки данных в России: ущерб достигает 41 млн рублей за инцидент: по данным исследования ЭАЦ ГК InfoWatch и группы ЦИРКОН // Anti - Malware.ru. — 17.01.2025. — URL: https: // anti - malware.ru / news / 2025 - 01 - 17 - 111332 / 45028 (дата обращения: 10.09.2026).

5. Беловицкий К. Б., Николаев В. Г. Экономическая безопасность: учебное пособие. — Москва: Научный консультант, 286 с., 2 - е изд. 2024 г., ISBN 978 - 5 - 9500722 - 8 - 4.

6. Луцкан С. П. Модель оценки экономической безопасности в эпоху цифровой трансформации экономики // Инновационная экономика: информация, аналитика, прогнозы. — 2024. — № 5. — С. 225–233. — DOI: 10.47576 / 2949 - 1894.2024.5.5.027.

7. Митяков Е. С., Луцкан С. П. Адаптивная система показателей мониторинга экономической безопасности предприятия: математическое и численное моделирование // Развитие и безопасность. — 2026. — № 1. — С. 16–33.

8. Митяков Е. С., Луцкан С. П. Адаптивная система показателей мониторинга экономической безопасности предприятия: эмпирическая верификация модели // Развитие и безопасность. — 2026. — № 2. — С. 33–48.

9. Экономическая безопасность России: общий курс: учебник / под ред. В. К. Сенчагова. — 3 - е изд., перераб. и доп. — Москва: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2009. — 815 с.

10. Саати Т. Принятие решений. Метод анализа иерархий / пер. с англ. — Москва: Радио и связь, 1989. — 316 с.

11. Минцифры предложило сроки перевода значимых объектов КИИ на российское ПО // Интерфакс: информационное агентство. — 12.05.2026. — URL: https: // www.interfax.ru / russia / 1088934 (дата обращения: 10.09.2026).

12. Об обязательных для кредитных организаций требованиях к операционной надежности при осуществлении банковской деятельности в целях обеспечения непрерывности оказания банковских услуг: положение Банка России от 12.01.2022

№ 787 - П (зарег. Минюстом России 08.04.2022 № 68140) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https: // www.consultant.ru / document / cons _ doc _ LAW _ 415013 / (дата обращения: 10.09.2026).

13. О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации: указ Президента Рос. Федерации от 30.03.2022 № 166 (в ред. от 07.04.2025) // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https: // www.consultant.ru / document / cons _ doc _ LAW _ 413177 / (дата обращения: 10.09.2026).

14. О внесении изменений в Федеральный закон «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации»: федеральный закон от 07.04.2025 № 58 - ФЗ (вступил в силу 01.09.2025) // Официальный интернет - портал правовой информации. — URL: http: // pravo.gov.ru (дата обращения: 10.09.2026).

15. Colonial Pipeline Paid Hackers Nearly $5 Million in Ransom // Bloomberg. — 13.05.2021. — URL: https: // www.bloomberg.com / news / articles / 2021 - 05 - 13 / colonial - pipeline - paid - hackers - nearly - 5 - million - in - ransom (date of access: 10.09.2026).

16. Данные сервиса Mail.ru утекли в Сеть // РБК. — 13.01.2023. — URL: https: // www.rbc.ru / life / news / 63c16f779a79477f13010d09 (дата обращения: 10.09.2026).

17. Симачев Ю. В., Яковлев А. А., Голикова В. В., Городный Н. А., Кузнецов Б. В., Кузык М. Г., Федюнина А. А. Российские промышленные компании в условиях «второй волны» санкционных ограничений: стратегии реагирования // Вопросы экономики. — 2023. — № 12. — С. 5–30. — DOI: 10.32609 / 0042 - 8736 - 2023 - 12 - 5 - 30.

© Луцкан С.П. 2026

Сюй Шэнхао
выпускник, Школа восточного туризма и культуры города Дунъин,

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВ В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Аннотация: В статье рассматриваются ключевые аспекты обеспечения экономической безопасности государств в условиях глобальных изменений мировой экономики. Анализируются современные вызовы, связанные с геополитической нестабильностью, трансформацией международной торговли, цифровизацией, технологической конкуренцией и нарушением глобальных цепочек поставок. Особое внимание уделяется роли экономической безопасности как важнейшего элемента национальной безопасности и устойчивого развития государства. Обоснована необходимость формирования новых механизмов защиты

национальных экономических интересов в условиях возрастающей неопределенности международной среды. Сделан вывод о том, что обеспечение экономической безопасности требует комплексного подхода, сочетающего меры по развитию инноваций, укреплению технологического суверенитета, диверсификации внешнеэкономических связей и повышению устойчивости национальной экономики к внешним шокам.

Ключевые слова: экономическая безопасность, национальная безопасность, глобальные изменения, геополитические риски, технологический суверенитет, цифровизация, устойчивое развитие, мировая экономика.

Xu Shenghao
Graduate, Dongying School of Oriental Tourism and Culture,
email: xushenghao9@outlook.com

ECONOMIC SECURITY OF STATES IN AN ERA OF GLOBAL CHANGES

Abstract: The article examines the key aspects of ensuring economic security of states in the context of global transformations of the world economy. The study analyzes contemporary challenges related to geopolitical instability, transformation of international trade, digitalization, technological competition, and disruptions in global supply chains. Particular attention is paid to the role of economic security as a crucial component of national security and sustainable development. The necessity of developing new mechanisms for protecting national economic interests in an increasingly uncertain international environment is substantiated. The study concludes that ensuring economic security requires a comprehensive approach combining innovation development, technological sovereignty, diversification of foreign economic relations, and strengthening the resilience of national economies to external shocks.

Keywords: economic security, national security, global transformations, geopolitical risks, technological sovereignty, digitalization, sustainable development, world economy.

Современный этап развития мировой экономики характеризуется масштабными трансформациями, затрагивающими практически все сферы общественной жизни. Усиление геополитической конкуренции, ускорение цифровизации, изменение структуры международной торговли, энергетические кризисы, пандемии и технологические ограничения оказывают значительное влияние на устойчивость национальных экономик. В этих условиях экономическая безопасность становится одним из ключевых факторов сохранения государственного суверенитета, обеспечения устойчивого экономического роста и поддержания высокого уровня благосостояния населения. Вопросы экономической безопасности выходят за рамки исключительно экономической политики и приобретают стратегическое значение для национального развития [1].

Традиционно экономическая безопасность рассматривается как состояние экономики, обеспечивающее защиту национальных интересов, устойчивость к внутренним и внешним угрозам, а также способность государства создавать условия для долгосрочного социально - экономического развития. В условиях глобализации государства получили дополнительные возможности для интеграции в мировую экономику, привлечения инвестиций и расширения внешней торговли. Однако одновременно усилилась взаимозависимость национальных экономик, что сделало их более уязвимыми перед внешними кризисами и глобальными потрясениями [2].

Одним из наиболее значимых вызовов последних лет стала геополитическая нестабильность. Международные санкции, торговые конфликты и рост политической напряженности оказывают непосредственное влияние на экономическое развитие государств. Ограничение доступа к зарубежным рынкам, технологиям и финансовым ресурсам может существенно снижать темпы экономического роста и ограничивать возможности модернизации национальной экономики. В результате многие страны вынуждены пересматривать стратегии экономического развития, уделяя больше внимания вопросам устойчивости и независимости критически важных отраслей [3].

Важным фактором обеспечения экономической безопасности становится способность государства адаптироваться к изменениям глобальной экономической среды. Современная мировая экономика характеризуется высокой степенью неопределенности, связанной с быстрым распространением новых технологий, изменением структуры международного производства и трансформацией глобальных цепочек создания стоимости. События последних лет показали, что чрезмерная зависимость от отдельных поставщиков или внешних рынков способна привести к серьезным экономическим последствиям. Именно поэтому государства стремятся диверсифицировать внешнеэкономические связи и создавать альтернативные механизмы обеспечения устойчивости поставок [4].

Существенное влияние на экономическую безопасность оказывает цифровая трансформация. Развитие искусственного интеллекта, больших данных, облачных технологий и интернета вещей создает новые возможности для повышения эффективности экономики. Вместе с тем цифровизация сопровождается возникновением новых угроз, связанных с кибербезопасностью, утечкой данных и зависимостью от иностранных цифровых платформ. В современных условиях технологическое лидерство становится одним из ключевых факторов конкурентоспособности государств. Страны, обладающие собственными научно - технологическими ресурсами и развитой инновационной инфраструктурой, получают значительные преимущества в глобальной конкурентной борьбе [5].

Особую роль в обеспечении экономической безопасности играет технологический суверенитет. Под данным понятием понимается способность государства самостоятельно разрабатывать, производить и использовать критически важные технологии без чрезмерной зависимости от внешних

поставщиков. Усиление технологической конкуренции между крупнейшими экономиками мира привело к тому, что вопросы контроля над стратегическими технологиями стали неотъемлемой частью национальных стратегий безопасности. Развитие микроэлектроники, искусственного интеллекта, телекоммуникационных систем и цифровой инфраструктуры рассматривается сегодня как важнейшее условие сохранения экономической независимости государства [6].

В эпоху глобальных изменений возрастает значение продовольственной и энергетической безопасности. Обеспечение населения продовольствием и стабильное функционирование энергетической системы являются основой устойчивого развития любой страны. Рост цен на энергоресурсы, нарушение логистических маршрутов и изменение структуры мировых рынков усиливают необходимость формирования эффективной политики управления стратегическими ресурсами. Государства стремятся развивать собственную ресурсную базу, внедрять энергосберегающие технологии и диверсифицировать источники поставок сырья и энергии [2].

Важным элементом экономической безопасности остается финансовая устойчивость государства. Глобальные финансовые кризисы продемонстрировали, что нестабильность финансовой системы может привести к масштабным экономическим потерям и социальным последствиям. Для минимизации подобных рисков государствам необходимо поддерживать устойчивость банковского сектора, контролировать уровень государственного долга и обеспечивать эффективность денежно - кредитной политики. Кроме того, особое значение приобретает развитие национальных платежных систем и механизмов международных расчетов, способных функционировать в условиях внешних ограничений [3].

Современные вызовы требуют пересмотра традиционных подходов к государственному регулированию экономики. Если ранее основное внимание уделялось обеспечению макроэкономической стабильности и стимулированию экономического роста, то сегодня на первый план выходят задачи повышения устойчивости экономики к внешним шокам. В связи с этим активно развиваются механизмы стратегического планирования, прогнозирования рисков и управления экономической безопасностью на национальном уровне. Формирование эффективной системы мониторинга угроз позволяет своевременно выявлять потенциальные риски и принимать меры по их нейтрализации [1].

Немаловажное значение имеет международное сотрудничество в сфере экономической безопасности. Несмотря на процессы деглобализации и усиление геополитических противоречий, многие вызовы носят транснациональный характер и требуют коллективных решений. К таким вызовам относятся киберугрозы, изменение климата, международная преступность, финансовая нестабильность и эпидемиологические риски. Поэтому государства заинтересованы в развитии механизмов международного взаимодействия, направленных на обеспечение устойчивости мировой экономики и снижение глобальных рисков [4].

Таким образом, экономическая безопасность государств в эпоху глобальных изменений становится важнейшим условием сохранения национального суверенитета и обеспечения устойчивого развития. Современные угрозы имеют комплексный характер и охватывают экономическую, технологическую, энергетическую, финансовую и информационную сферы. В этих условиях эффективность государственной политики определяется способностью своевременно адаптироваться к изменениям международной среды, укреплять внутренний потенциал экономики и обеспечивать баланс между открытостью внешнему миру и защитой национальных интересов. В долгосрочной перспективе именно уровень экономической безопасности будет во многом определять место государства в системе мирового хозяйства и его возможности для устойчивого развития. [1][3].

Список использованных источников

1. Казанцева Е. Г. Экономическая безопасность государства как стратегический приоритет в условиях глобальной трансформации // Экономическая безопасность. 2022. Т. 5. № 3. С. 739–756. DOI: 10.18334 / ecsec.5.3.114819.

2. Косов М. Е. и др. Экономическая безопасность. М.: ЮНИТИ - ДАНА, 2025. 480 с.

3. Лев М. Ю., Сазонова Е. С. Экономическая безопасность в эпоху фундаментальных перемен // Экономическая безопасность. 2026. Т. 9. № 4. С. 667–698. DOI: 10.18334 / ecsec.9.4.126059.

4. Господарик Ю. П., Пашковская М. В. Международная экономическая безопасность: учебник. М.: Университет Синергия, 2018. 413 с.

5. Коваленко О. А., Малютина Т. Д., Ткаченко Д. Д. Экономическая безопасность: моделирование и оценка. М.: ИЦ РИОР, 2021. DOI: 10.12737 / 2007 - 4.

6. Манахова И. В., Пороховский А. А. (ред.). Экономическая безопасность государства и бизнеса в условиях глобальной трансформации: монография. М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2023. 200 с.

© Сюй Шэнхао, 2026

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

LEGAL SCIENCES

Павлович Н.П.
Студентка 3 курса юридического факультета
БрГУ имени А.С.Пушкина, г.Брест, Республика Беларусь
Научный руководитель: Маслакова Н.Н.,
старший преподаватель кафедры
гражданско - правовых дисциплин
г.Брест, Республика Беларусь

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ ВНУТРИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются основы правового регулирования трудовой миграции внутри Европейского союза, базирующиеся на статье 45 ДФЕС, Регламенте № 492 / 2011 и Директиве 2004 / 38 / ЕС. Анализируются принципы запрета дискриминации по гражданству, равенства условий занятости, права на проживание работника и его семьи, а также координации национальных систем социального обеспечения.

Ключевые слова: трудовая миграция, Европейский союз, свобода передвижения работников, цифровизация, правовое регулирование.

Трудовая миграция внутри Европейского союза (далее – ЕС) представляет собой перемещение граждан одного государства - члена ЕС в другое государство - член с целью поиска работы или осуществления трудовой деятельности. В праве ЕС это явление преимущественно рассматривается через категорию свободного передвижения работников.

Основой правового регулирования является ст. 45 Договора о функционировании Европейского союза (далее – ДФЕС). Согласно данной норме, свобода передвижения работников обеспечивается внутри Союза, а дискриминация по признаку гражданства в сфере занятости, оплаты труда и других условий работы запрещается [4].

Свобода передвижения включает право принимать предложения о работе, свободно перемещаться по территории государств - членов, проживать в другом государстве с целью трудоустройства и оставаться там после прекращения трудовой деятельности. Следовательно, это право охватывает фактический доступ к рынку труда, равные условия занятости и возможность судебной защиты.

Свобода передвижения не является абсолютной. Государства могут ограничивать её по соображениям общественного порядка, общественной безопасности и охраны здоровья. Отдельное исключение предусмотрено для некоторых должностей на государственной службе. Однако ограничения должны быть законными, необходимыми и пропорциональными. Они не могут использоваться как средство скрытой дискриминации иностранных работников [4].

Понятие работника определяется с учётом фактических обстоятельств. Лицо должно осуществлять реальную и эффективную деятельность за вознаграждение,

как правило, в условиях организационной зависимости от работодателя. Неполная занятость или небольшой доход сами по себе не исключают признание лица работником.

О. Р. Гулина рассматривает свободу передвижения как фундаментальный институт права ЕС, включающий также права лиц, ищущих работу, неработающих граждан и членов семей мобильных лиц. Такой подход показывает связь трудовой мобильности с правом на проживание и семейную интеграцию [4].

Основным актом вторичного права является Регламент (ЕС) № 492 / 2011 о свободе передвижения работников внутри Союза. Он закрепляет право гражданина государства - члена ЕС получать работу и осуществлять её в другом государстве на условиях, равных условиям для граждан этого государства.

Регламент предусматривает равенство в вопросах доступа к вакансиям, заключения и прекращения трудового договора, оплаты труда, профессионального обучения, восстановления на работе, участия в профсоюзах, а также получения социальных и налоговых преимуществ.

Запрещаются требования и административные процедуры, которые ограничивают доступ граждан других государств - членов к вакансиям или устанавливают для них дополнительные условия найма. Работник не должен подвергаться менее благоприятному обращению по причине гражданства в течение всего периода занятости.

Регламент также предусматривает права членов семьи мобильного работника. В частности, дети гражданина ЕС, работающего в другом государстве, получают доступ к общему и профессиональному образованию на условиях, сопоставимых с условиями для граждан принимающей страны.

Право работника на трудовую деятельность связано с правом проживать в государстве занятости. Эти вопросы регулируются Директивой 2004 / 38 / ЕС о праве граждан Союза и членов их семей свободно передвигаться и проживать на территории государств - членов.

В течение первых трёх месяцев гражданин ЕС вправе находиться в другом государстве при наличии действительного паспорта или удостоверения личности. Для проживания свыше трёх месяцев лицо должно, как правило, быть работником, самозанятым, студентом либо иметь достаточные средства к существованию и медицинское страхование.

Для работника наличие занятости является самостоятельным основанием проживания. В установленных случаях статус работника сохраняется при временной нетрудоспособности, вынужденной безработице или профессиональном обучении. После пяти лет непрерывного законного проживания возникает право на постоянное проживание.

Директива распространяет определённые гарантии на членов семьи гражданина ЕС, включая супруга, зарегистрированного партнёра, детей и находящихся на иждивении родственников. Это подтверждает социальную направленность

законодательства ЕС: трудовая мобильность рассматривается не только как перемещение отдельного работника, но и как возможность проживания семьи.

Социальные права мобильных работников обеспечиваются посредством координации национальных систем социального обеспечения. ЕС не создаёт единую систему пенсий и пособий, а устанавливает правила взаимодействия национальных систем. К основным принципам относятся равное обращение, применение законодательства одного государства к конкретной ситуации, суммирование страховых периодов и сохранение приобретённых социальных прав.

Данный механизм особенно важен для работников, которые трудились в нескольких государствах ЕС. При определении права на социальную выплату могут учитываться периоды занятости и страхования, приобретённые в разных странах.

Международно - правовой аспект регулирования связан с защитой трудовых и социально - экономических прав мигрантов. В. П. Кириленко, Г. В. Алексеев и М. З. Чаава указывают, что защита трудящихся - мигрантов осуществляется на универсальном, региональном и национальном уровнях [5]. При этом право ЕС представляет собой особый наднациональный механизм, предоставляющий гражданам государств - членов непосредственно действующие права на перемещение, трудоустройство и равное обращение.

Несмотря на развитую нормативную базу, трудовая мобильность внутри ЕС сталкивается с проблемами. Во - первых, сохраняются различия в зарплатах, стоимости жилья, налогах и соц. выплатах, что влияет на миграционные потоки и усиливает отток квалифицированных работников из менее благоприятных экономик. Во - вторых, сложности возникают при признании квалификаций: для регулируемых профессий могут требоваться подтверждение диплома, стажа и знания языка.

Таким образом, правовое регулирование трудовой миграции в ЕС основано на свободе передвижения работников, закреплённой в ст. 45 ДФЕС, и развито в Регламенте № 492 / 2011 и Директиве 2004 / 38 / ЕС. Ключевые принципы – запрет дискриминации по гражданству, равенство условий занятости, право на проживание работника и его семьи, а также координация национальных систем соцобеспечения без создания единой системы. Особенность модели – наднациональный характер: ЕС устанавливает обязательные гарантии защиты мобильных работников, но сохраняет за государствами компетенцию в сфере заработной платы, налогов и социальной политики. Вместе с тем практическая реализация сталкивается с различиями в уровне жизни, сложностями признания квалификаций и рисками трудовых нарушений, поэтому главная задача регулирования – обеспечить баланс между свободой перемещения рабочей силы и защитой работников от дискриминации, эксплуатации и недобросовестной конкуренции на рынке труда.

Список литературы

1. Договор о функционировании Европейского союза. Статья 45 [Электронный ресурс] // EUR - Lex. — URL: https: // eur - lex.europa.eu / eli / treaty / tfeu _ 2016 / art _ 45 / oj / eng (дата обращения: 13.09.2026).

2. Регламент (ЕС) № 492 / 2011 Европейского парламента и Совета от 5 апреля 2011 г. о свободе передвижения работников внутри Союза [Электронный ресурс] // EUR - Lex. — URL: https: // eur - lex.europa.eu / eli / reg / 2011 / 492 / oj / eng (дата обращения: 13.09.2026).

3. Директива 2004 / 38 / ЕС Европейского парламента и Совета от 29 апреля 2004 г. о праве граждан Союза и членов их семей свободно передвигаться и проживать на территории государств — членов [Электронный ресурс] // EUR - Lex. — URL: https: // eur - lex.europa.eu / eli / dir / 2004 / 38 / oj / eng (дата обращения: 13.09.2026).

4. Гулина Ольга Рифмировна Право на свободу передвижения в европейском Союзе // Актуальные проблемы российского права. 2014. №12. URL: https: // cyberleninka.ru / article / n / pravo - na - svobodu - peredvizheniya - v - evropeyskom - soyuze (дата обращения: 13.09.2026).

5. Кириленко В. П., Алексеев Г. В., Чаава М. З. Международная защита прав трудящихся - мигрантов и миграционное законодательство // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. — 2022. — Т. 16, № 2. — С. 84–94. — URL: https: // cyberleninka.ru / article / n / mezhdunarodnaya - zaschita - prav - trudyaschihsya - migrantov - i - migratsionnoe - zakonodatelstvo (дата обращения: 14.09.2026).

© Павлович Н.П., 2026

Павлович Н.П.
Студентка 3 курса юридического факультета
БрГУ имени А.С.Пушкина, г.Брест, Республика Беларусь
Научный руководитель: Маслакова Н.Н.,
старший преподаватель кафедры
гражданско - правовых дисциплин
г.Брест, Республика Беларусь

СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В ЕС И ЕАЭС (2020–2026 ГГ.) В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ УЧЁТНЫХ СИСТЕМ

Аннотация. В статье представлен сравнительный статистический анализ трудовой миграции в Европейском союзе и Евразийском экономическом союзе за 2020–2026 гг. Рассматриваются основные показатели мобильности работников, включая численность граждан ЕС трудоспособного возраста, проживающих в другом государстве, количество трансграничных и командированных работников, а также данные о прибывших и возвратившихся. Проведено сопоставление масштабов трудовой мобильности в ЕС и ЕАЭС с учётом различий в методологии сбора данных.

Ключевые слова: трудовая миграция, Европейский союз, ЕАЭС, статистический учёт, цифровизация, свобода передвижения работников.

Трудовая миграция внутри Европейского союза (далее — ЕС) представляет собой перемещение работников между государствами - членами с целью трудоустройства. В праве ЕС это явление традиционно связывается прежде всего со свободой передвижения работников, закреплённой в ст. 45 Договора о функционировании Европейского союза (далее — ДФЕС) [1].

Для статистического анализа обычно используются несколько взаимодополняющих показателей: численность граждан ЕС трудоспособного возраста, проживающих в другом государстве; число фактически занятых мобильных граждан; количество трансграничных и командированных работников; число прибывших и возвратившихся работников. Стоит отметить, что эти показатели не являются полностью идентичными, поскольку постоянное проживание, временная занятость и регулярное пересечение границы представляют собой разные формы трудовой мобильности. Соответственно, и подходы к их учёту различаются.

Ст. 45 ДФЕС предоставляет работникам право принимать предложения о работе, свободно перемещаться, проживать в государстве занятости и оставаться там после окончания трудовой деятельности. Регламент (ЕС) № 492 / 2011, в свою очередь, устанавливает равенство граждан ЕС при доступе к вакансиям, заключении трудового договора, оплате труда, увольнении и получении социальных преимуществ [2]. Право проживания работников и членов их семей регулируется Директивой 2004 / 38 / ЕС [3], поэтому рост числа мобильных работников требует не только оценки факта перемещения, но и контроля за соблюдением их трудовых и социальных прав.

Особое значение в последние годы приобретают данные о трансграничной занятости и командировании. Такие формы работы требуют чёткого определения применимого трудового законодательства, порядка уплаты социальных взносов и гарантий, предоставляемых работнику. Здесь возникает немало сложностей, особенно когда речь идёт о цифровых платформах занятости и удалённой работе.

Динамика по годам: 2020 год характеризовался резким ограничением международных перемещений из - за пандемии COVID - 19. Закрытие границ, ограничения на передвижение и временное прекращение деятельности предприятий снизили число новых перемещений и краткосрочных трудовых поездок. Вместе с тем уже сформировавшаяся структура мобильного населения сохранилась. В 2020 г. около 10 млн граждан ЕС трудоспособного возраста проживали в государстве, отличном от государства их гражданства. Это означает, что пандемия сильнее повлияла на новые потоки, чем на работников, которые уже проживали и работали за рубежом.

В 2021 г. началось постепенное восстановление трудовой мобильности. Численность граждан ЕС трудоспособного возраста, проживающих в другой стране, оставалась примерно на уровне 10 млн человек. При этом перемещения

всё ещё были ниже докризисного уровня, поскольку сохранялись санитарные ограничения и неопределённость на рынках труда. В этот период заметно выросло значение временной и дистанционной занятости. Работодатели и работники были вынуждены адаптироваться к ограничениям, что усилило необходимость координации национальных правил в области труда, социального страхования и пересечения границ. Во многом именно тогда стали активнее использоваться цифровые инструменты учёта и обмена данными между национальными ведомствами.

В 2022 г. трудовая мобильность заметно активизировалась. По данным Европейской комиссии, около 9,9 млн граждан ЕС трудоспособного возраста проживали в другом государстве Союза. Из них примерно 7 млн являлись экономически активными, то есть работали или искали работу. В этом же году около 2,09 млн человек работали в государстве, отличном от государства проживания. Их доля составляла приблизительно 1,1 % всех занятых в возрасте от 15 до 64 лет. Кроме того, около 859 тыс. граждан ЕС и стран Европейской ассоциации свободной торговли переехали в другую страну, а примерно 656 тыс. возвратились в государство своего гражданства. Соотношение прибывших и возвратившихся подтверждает распространение циркулярной мобильности: работники всё чаще перемещаются на определённый период, а затем возвращаются, сохраняя трудовые и социальные связи с государством происхождения.

В 2023 г. восстановление трудовой мобильности продолжилось. На 1 января 2023 г. около 10,1 млн граждан ЕС в возрасте от 20 до 64 лет проживали в государстве, отличном от государства их гражданства. Показатель увеличился примерно на 2 % по сравнению с предыдущим годом. Уровень занятости мобильных граждан ЕС составлял около 78 %, тогда как среди граждан государства проживания — около 76 %. Это свидетельствует о достаточно высокой вовлечённости мобильных граждан в рынок труда, хотя сам показатель не отображает качество занятости и наличие возможных нарушений прав. Число трансграничных работников в 2023 г. составило примерно 1,83 млн человек. Кроме того, около 5,5 млн командировок работников подтверждались документами. Следовательно, значительная часть трудовой мобильности осуществлялась без постоянной смены места жительства.

В 2024 г. число граждан ЕС трудоспособного возраста, проживающих в другом государстве, достигло примерно 10,1 млн человек, что соответствовало около 3,8 % населения ЕС трудоспособного возраста. Количество трансграничных работников выросло примерно до 1,87 млн, то есть приблизительно на 2 % по сравнению с предыдущим годом. Число командированных работников составило около 5,6 млн и увеличилось примерно на 0,8 %. Наиболее значительная доля трансграничной занятости сохранялась в Люксембурге, где такие работники составляли около 45 % рабочей силы. Это объясняется небольшими размерами государства, высоким уровнем заработной платы и тесной связанностью с рынками

труда Франции, Германии и Бельгии. Основными государствами назначения мобильных работников оставались Германия, Швейцария и Люксембург, а среди основных государств происхождения выделялись Франция, Польша и Германия [4; 5].

В 2025–2026 гг. Европейская комиссия публиковала преимущественно обобщённые данные за 2023–2024 гг. Поэтому отдельные итоговые показатели за 2025 и 2026 гг. ещё не могут рассматриваться как полностью сопоставимая годовая статистика. На уровне официальных оценок к 2026 г. сохранялась тенденция стабильной высокой мобильности, т.к. около 10 млн граждан ЕС трудоспособного возраста проживали в другой стране, примерно 1,9 млн являлись трансграничными работниками, а число командированных работников превышало 5 млн. Таким образом, период 2025–2026 гг. характеризовался не резким увеличением, а стабилизацией показателей после восстановления, начавшегося в 2021 г.

Отдельного внимания заслуживает опыт Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС), где трудовая мобильность также регулируется интеграционными нормами. Гражданам государств - членов ЕАЭС, как правило, не требуется получать разрешение на работу в другом государстве Союза. Им предоставляются отдельные гарантии в сфере трудовых отношений, образования и социального обеспечения. По данным Евразийской экономической комиссии, численность граждан государств - членов ЕАЭС, осуществлявших трудовую деятельность в других государствах Союза, составила 739 617 человек в 2022 г., 996 034 человека в 2023 г. и 1 025 729 человек в 2024 г. [6]. В 2023 г. показатель увеличился примерно на 34,7 %, а в 2024 г. — ещё на 2,98 %.

Рынок трудовой мобильности ЕАЭС значительно меньше рынка ЕС. В ЕС около 10,1 млн граждан трудоспособного возраста проживают в другом государстве, тогда как в ЕАЭС в 2024 г. официально учитывалось около 1 млн трудящихся граждан в других странах Союза. Однако прямое сравнение ограничено различиями в методологии: ЕС учитывает мобильное население, а Евразийская экономическая комиссия (далее — ЕЭК) — преимущественно лиц, официально осуществляющих трудовую деятельность. Различия национальных методов учёта затрудняют сопоставление миграционных потоков на постсоветском пространстве, как отмечают М. Ф. Ткаченко, А. А. Мигранян и А. С. Максимова [8]. Поэтому для ЕАЭС особенно важна унификация показателей и обмен административными данными, в том числе с использованием цифровых платформ.

Таким образом, трудовая мобильность стала устойчивой частью интеграции в ЕС и ЕАЭС. Для её дальнейшего развития важно поддерживать свободное перемещение работников и обеспечивать точный статистический учёт, равные условия труда и эффективную защиту их прав. В условиях цифровизации это требует совершенствования правовых норм и активного внедрения совместимых цифровых платформ в сфере учёта, социального страхования и признания квалификаций.

© Павлович Н.П., 2026

Пупкова Т.В.
Обучающийся: ЧОУ ВО «СибЮУ», 2 курс
г.Омск, Омская область, Россия
Научный руководитель: Кондратьева О.С.
доцент кафедры уголовного права и процесса СибЮУ, к.ю.н.
г.Омск, Омская область, Россия

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ОБЩИХ УСЛОВИЙ СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА И ИХ РОЛЬ В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ

Аннотация
Актуальность. Отсутствие единого подхода к пониманию сущности общих условий судебного разбирательства обусловливает необходимость их дальнейшего научного осмысления. Цель – уточнить понятие и сущность общих условий судебного разбирательства и определить их роль в осуществлении правосудия. Методы. В статье использованы формально - юридический и системный методы. Результат. Предложено единое понятие общих условий судебного разбирательства. Выводы. Общие условия представляют собой универсальные процессуальные требования, обеспечивающие законность и эффективность правосудия.

Ключевые слова
Судебное разбирательство, общие условия судебного разбирательства, уголовный процесс, правосудие, уголовно - процессуальная форма.

Эффективность реализации судебной власти во многом определяется соблюдением общих условий судебного разбирательства, когда судебное разбирательство является центральной стадией уголовного судопроизводства, в рамках которой осуществляется разрешение уголовного дела по существу. Несмотря на очевидно большое значение общих условий судебного разбирательства, единый подход к пониманию их сущности все еще не сложился, что в соотношении сказанного обусловливает актуальность обращения к понятию и сущности таковых.

При возможности исходить из того, что общие условия судебного разбирательства рассматриваются в юридической литературе как основополагающие требования, определяющие порядок рассмотрения уголовного дела судом, содержание этого понятия раскрывается неоднозначно [3, с. 1040]. В частности, общие условия связываются с обеспечением законности судебной деятельности, реализацией процессуальных гарантий участников уголовного судопроизводства, а также созданием необходимых предпосылок для вынесения законного, обоснованного и справедливого судебного решения [4, с. 262]. Л.В. Головко, в свою очередь, придерживается мнения, что судебное разбирательство представляет собой строго регламентированную уголовно - процессуальную

форму, эффективность которой обеспечивается системой взаимосвязанных процессуальных требований, действующих на протяжении всей судебной стадии [2, с. 69].

Отмеченные выше и иные подходы, есть основания полагать, что отражают только отдельные стороны представляющего интерес института. Проблема усугубляется тем, что глава 35 УПК РФ об общих условиях судебного разбирательства объединяет нормы различной правовой природы [1]. Наряду с положениями, определяющими организационные основы судебного разбирательства (непосредственность и устность судебного исследования, гласность, неизменность состава суда, равенство прав сторон), законодатель включает нормы, регламентирующие участие отдельных субъектов уголовного процесса, порядок разрешения отдельных процессуальных вопросов, ведение протокола судебного заседания и иные аспекты судебной деятельности. Вследствие этого возникают препятствия для выделения единого критерия, который бы позволял определять, какие из закрепленных положений следует рассматривать именно как общие условия судебного разбирательства, а какие представляют собой самостоятельные процессуальные институты [5, с. 243]. Это видится одним из ключевых обстоятельств, не дающих достигнуть единства мнений в понятии и сущности общих условий судебного разбирательства.

При возможности подходить к данному вопросу иначе, наиболее оптимальным признаком общих условий судебного разбирательства видится их универсальность. Поскольку такие положения распространяются на судебное разбирательство независимо от категории уголовного дела, состава участников процесса и особенностей судебной процедуры. Более того, они формируют процессуальную модель судебного разбирательства, определяют порядок осуществления судебной деятельности и обеспечивают реализацию конституционных принципов правосудия [5, с. 244]. Именно поэтому к числу общих условий судебного разбирательства в теоретическом смысле следует относить прежде всего те положения, которые характеризуют организацию и процессуальную форму судебного разбирательства в целом, тогда как нормы, регулирующие процессуальный статус отдельных участников либо порядок разрешения отдельных процессуальных вопросов, выполняют обеспечивающую функцию как самостоятельный предмет регулирования.

Руководствуясь вышесказанным, значение общих условий судебного разбирательства выходит за рамки исключительно процессуальной регламентации. Их соблюдение обеспечивает реализацию принципов состязательности, равноправия сторон, непосредственности исследования доказательств, открытости судебной деятельности и иных гарантий справедливого судебного разбирательства, что формирует единый процессуальный механизм, направленный на достижение назначения уголовного судопроизводства и укрепление доверия общества к судебной власти.

Таким образом, общие условия судебного разбирательства, что в том числе отражает сущность данной категории и ее значение, представляют собой закрепленную уголовно - процессуальным законом систему универсальных организационно - процессуальных требований, определяющих процессуальную форму судебного разбирательства независимо от особенностей конкретного уголовного дела и обеспечивающих законность, справедливость и эффективность осуществления правосудия.

Список использованной литературы:

1. Уголовно - процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174 - ФЗ: в ред. Федерального закона от 27 июля 2026 г. № 281 - ФЗ. – Доступ из справ. - правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Головко Л.В. Теоретические основы модернизации учения о материальной истине в уголовном процессе // Библиотека криминалиста. 2012. № 4. С. 65 - 87.
3. Очур В.А., Даштаар - Оол В.О. Общие условия судебного разбирательства // Экономика и социум. 2020. № 1. С. 1039 - 1042.
4. Шарапутдин М.О. Перечень общих условий судебного разбирательства в уголовном процессе: спорные аспекты // Закон и право. 2025. № 6. С. 260 - 263.
5. Шарапутдин М.О. Проблемные аспекты классификации общих условий судебного разбирательства // Государственная служба и кадры. 2025. № 2. С. 242 - 245.

© Пупкова Т.В., 2026г.

Туралиева А.А.
магистрант 3 курса кафедры «Уголовное право», специальность:
«Правоприменительная деятельность в уголовном судопроизводстве»
Институт Права Волгоградский государственный Университет
г. Волгоград, РФ

ТЕОРЕТИКО - МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ МЕРЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Аннотация:

В статье автором рассматриваются теоретические и методологические аспекты, лежащие в основе регламентации назначения уголовных наказаний. Анализируются ключевые принципы, цели и факторы, оказывающие воздействие на определение вида и размера наказания. Отдельный акцент сделан на вопросах дифференциации мер ответственности и соблюдении критериев соразмерности и законности при их применении.

Ключевые слова:
уголовное наказание, принцип индивидуализации и дифференциации наказания, гуманизация назначения наказания, преступление, преступное поведение.

Turalieva A.A.
3rd-year master's student at the Department of Criminal Law, majoring in "Law Enforcement in Criminal Proceedings,"
Institute of Law, Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation.

THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS OF DETERMINING THE MEASURE OF CRIMINAL LIABILITY

Abstract:
In the article, the author examines the theoretical and methodological aspects underlying the regulation of the imposition of criminal penalties. The key principles, goals, and factors that influence the determination of the type and amount of punishment are analysed. Special emphasis is placed on the issues of differentiating measures of liability and ensuring compliance with the criteria of proportionality and legality in their application.

Keywords:
criminal punishment, the principle of individualization and differentiation of punishment, humanization of the imposition of punishment, crime, criminal behavior.

В системе уголовного права институт наказания занимает центральное место и служит его базовым компонентом. Его решение требует четких ориентиров, которые позволяют избежать произвола и обеспечить справедливость. Указанные ориентиры формируются на основе теоретических и методологических предпосылок, включающих философские, социальные и правовые аспекты.

Первостепенное значение имеет принцип соразмерности, предполагающий, что тяжесть санкции должна соответствовать степени общественной опасности деяния и вине лица.

Данный принцип напрямую вытекает из идеи восстановления социальной справедливости, а также предупреждения новых правонарушений. Второй важный ориентир - индивидуализация ответственности, которая требует учета личности преступника, его мотивов, обстоятельств, смягчающих или отягчающих наказание, а также посткриминального поведения.

Методологическую основу составляет системный анализ, соединяющий нормативные положения с данными криминологии и судебной практики. Такой подход позволяет выработать единые критерии оценки, которые применяются судом при выборе конкретной меры воздействия. В итоге определение наказания опирается на баланс между абстрактными правилами и особенностями

конкретного дела, что обеспечивает правовую определенность и защиту интересов общества.

По мнению Н. И. Матузова, методология - это система определенных принципов, способов, приемов, методик, правил научной деятельности, применяемых для получения истинных знаний об окружающей действительности. Имеется в виду вся совокупность познавательного инструментария, а также учение об этом инструментарии [2].

Особенности любого вида юридической ответственности несовершеннолетних нуждаются прежде всего в методологическом решении, опираясь на которое мы можем решать производные, технико - юридические задачи. В теории права существуют несколько концепций юридической ответственности.

Представляется, что именно общетеоретический подход позволит нам прежде всего определить, что представляет собой юридическая ответственность в уголовном праве, а также каковы сущность и особенности такого основного ее вида, как уголовная ответственность.

Юридическую ответственность определяют, как меру государственного принуждения, основанную на юридическом и общественном осуждении поведения правонарушителя и выражающуюся в установлении для него определенных отрицательных последствий в виде ограничения личного и имущественного порядка.

Тем самым юридическая ответственность определяется через один из следующих признаков:

- государственной принуждение;
- юридическое и общественное осуждение;
- отрицательные последствия в виде правоограничений личного или имущественного порядка.

В теории права существуют также такие концепции юридической ответственности, как разновидности санкций или обязанности претерпевать неблагоприятные последствия[4].

Наказание как мера государственного принуждения влечет определенные ограничения прав и свобод, поэтому оно не только выступает карой за преступление, но и инструментом достижения целей, закрепленных в законе: восстановление социальной справедливости, исправление осужденного, предупреждение новых преступлений (общая и частная превенция), формирование правосознания.

Уголовное наказание является мерой государственного принуждения (ч. 1 ст. 43 УК РФ). Между тем уголовное законодательство предусматривает и иные меры, реализуемые в отношении лиц, виновных в уголовно - противоправных деяниях.

Реализация уголовной политики неразрывно связана с организацией борьбы с преступностью и достижением указанных целей, а конечный эффект закона обеспечивается справедливым наказанием.

Принципы назначения наказания служат основой его применения, определяя подходы и критерии для судов.

К ним относятся:

- законность, в соответствии с которым наказание должно назначаться в соответствии с уголовным законом и только судом;

- справедливость, согласно данному принципу наказание должно соответствовать тяжести совершенного преступления, степени вины и другим значимым обстоятельствам;

- индивидуализация - наказание должно быть назначено с учетом конкретных обстоятельств дела, личности виновного, его прошлого и поведения после совершения преступления;

- гуманизм - означает, что наказание не должно быть жестоким и унижающим человеческое достоинство;

- принцип равенства перед законом, при соблюдении которого все лица, совершившие одинаковые преступления, должны нести равную ответственность [1].

Согласно позиции А. И. Рарога, уголовная ответственность, представляя собой комплексное социально - правовое последствие совершённого преступного деяния, находит своё практическое применение лишь в границах уголовно - правового отношения [3]. Данное отношение, в свою очередь, выступает одновременно как определённая форма существования уголовной ответственности и как инструмент, позволяющий определить её масштаб, а затем осуществить её реализацию на практике.

Факторы, влияющие на выбор наказания, делятся на группы:

- отягчающие обстоятельства (рецидив, особая жестокость, группа);

- смягчающие (явка с повинной, несовершеннолетие);

- характер и степень общественной опасности, личность виновного, его поведение после преступления.

Правила назначения включают: назначение в пределах санкции, учет смягчающих и отягчающих обстоятельств, возможность более мягкого наказания при исключительных обстоятельствах, назначение по совокупности преступлений и приговоров.

Теоретико - методологические аспекты включают проблемы индивидуализации в условиях массового судопроизводства, объективности оценки обстоятельств, балансировки целей наказания, применения новых видов наказаний, обеспечения справедливости. Исследователи выделяют нарушения принципов, отсутствие единых подходов к оценке обстоятельств, недостаточность методик, проблемы ресоциализации и рецидивизма, субъективизм судей.

Современные тенденции включают расширение альтернативных мер, сокращение сроков лишения свободы, развитие пробации, восстановление прав потерпевших, использование новых технологий.

Таким образом, правила назначения наказания - сложный институт, требующий постоянного совершенствования для обеспечения законности и эффективности правосудия.

Список использованной литературы:

1. Голубев Ю. В. Теоретико - методологические основы системы уголовных наказаний: понятие и признаки // Право и практика. 2020. №4. С. 88 - 92.

2. Матузов, Н. И. Правовой нигилизм как образ жизни // Право и политика. — 2012. — № 12. — С. 2080–2089.

3. Рарог А. И. Законодательные атаки на устои уголовного права // Государство и право. — 2013. — № 1. — С. 24–32.

4. Ходжалиев С.А. Правила назначения уголовного наказания. Теоретико - методологические аспекты // Уголовно - правовые науки - 2025. - С.555 - 556.

© Туралиева А.А., 2026

ШИРЯЕВА Т.Ю.

Аспирант ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации»,
прокурор отдела прокуратуры Краснодарского края, г. Краснодар, РФ

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗАКОННОСТИ В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ: ПУБЛИЧНО - ПРАВОВОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ В УСЛОВИЯХ АЛГОРИТМИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация

В статье исследуется трансформация представлений о законности и государственном принуждении в условиях цифровой модернизации правовой системы. Показано, что историческая эволюция законности — от обычных форм правопорядка к монополии государства на легитимное принуждение — получает новое качество в цифровой среде, где право все чаще реализуется через алгоритмы, платформенные интерфейсы, электронные доказательства и автоматизированные процедуры правоприменения. Обосновывается тезис о том, что цифровизация не сводится к технической оптимизации юридических процедур, а затрагивает саму природу законности, меняя соотношение убеждения, контроля и принуждения. Выявлены риски алгоритмического произвола, размывания процессуальных гарантий, приватизации публично - властных функций и подмены правовой оценки формальной корректностью кода. Сформулированы принципы цифровой законности: верховенство права над алгоритмом, прозрачность, объяснимость, человеческий контроль, пропорциональность, защита персональных данных, право на обжалование и независимый аудит. Предложены направления законодательной модернизации в сфере регулирования автоматизированных

решений, электронных доказательств, смарт - контрактов, платформенного регулирования и прокурорского надзора за цифровым правоприменением.

Ключевые слова

законность, публично - правовое принуждение, цифровая трансформация, алгоритмическое регулирование, электронное правосудие, смарт - контракт, цифровые доказательства, верховенство права, искусственный интеллект, правовое государство.

Институт законности имеет длительную историю, однако для цифровой повестки важно не столько воспроизведение хронологии, сколько выявление устойчивой логики развития: право постепенно освобождалось от частно - мстительных форм и приобретало публично - властный характер.

На ранних стадиях общественного развития порядок обеспечивался не писаными нормами, а локальными обычаями, религиозными представлениями и практиками самопомощи. Конфликты разрешались внутри родовой или соседской общины, а справедливость часто отождествлялась с восстановлением нарушенного равновесия, в том числе через возмездие. При этом обычные правила различных племенных союзов не были унифицированы: уже древние источники различают, например, обычаи полян от обычаев древлян [6, с. 7]. В таком контексте принуждение не было исключительно государственным: оно могло осуществляться самими участниками правоотношений.

По мере формирования государственности появляется тенденция к централизации правосудия. Русско - византийские договоры X века уже содержат ссылки на «Закон Русский», что свидетельствует о переходе от чисто обычного регулирования к писаным правовым формам [3, с. 7]. Краткая редакция «Русской Правды» еще допускает месть со стороны родственников потерпевшего, однако при невозможности мести предусматривает взыскание установленного штрафа [8, с. 4]. Таким образом, государство начинает не просто фиксировать правила поведения, но и ограничивать частные формы принуждения, постепенно концентрируя легитимное насилие в своих руках.

Судебники периода становления централизованного Русского государства закрепляют идею единого правопорядка, распространяющегося на всю территорию. Суд перестает быть формой саморазрешения конфликта и превращается в публичную процедуру. Даже такие архаичные институты, как судебный поединок или очная ставка, допускались лишь в пределах, установленных государством. Более того, применение физических мер принуждения, включая пытку, хотя и было с современной точки зрения грубым нарушением прав человека, тем не менее свидетельствовало о стремлении формализовать и ограничить произвол: насилие должно было исходить от власти и осуществляться по определенной процедуре [4, с. 54].

Таким образом, исторически законность развивалась по вектору от горизонтального правопорядка, основанного на обычае и взаимных претензиях

равных субъектов, к вертикальному правопорядку, где государство выступает гарантом соблюдения права и носителем легитимного принуждения.

Именно эта логика оказывается важной для понимания цифровой трансформации. В современном мире государство вновь сталкивается с ситуацией, когда значительная часть регулирования переносится в частноплатформенную среду. Однако, в отличие от раннего средневековья, речь идет не о племенных обычаях, а о корпоративных правилах, пользовательских соглашениях, алгоритмах модерации и технических протоколах. Поэтому ключевой вопрос состоит в том, сохранит ли государство монополию на легитимное принуждение или допустит формирование параллельных цифровых юрисдикций, не подконтрольных публичному праву.

Классическая теория государства и права рассматривает законность как режим, при котором все субъекты обязаны соблюдать законы, а государство обеспечивает их исполнение, в том числе посредством принуждения. Принуждение выступает неотъемлемым элементом законности, поскольку представление об обязательности права складывается не только из идеи его социальной ценности, но и из понимания наличия мер государственного принуждения, гарантирующих исполнение закона [1, с. 131].

Вместе с тем в условиях правовой государственности безусловным критерием легальности и легитимности государственного принуждения должно стать соблюдение его пределов [7]. В иных случаях существует вероятность перехода принуждения в произвол, что исключает само состояние законности.

Реальная правовая практика подтверждает, что одного убеждения недостаточно. По данным официального сайта Министерства внутренних дел Российской Федерации, за период с января по сентябрь 2025 года было зарегистрировано 1356,5 тыс. преступлений [2]. В условиях, когда отдельные лица игнорируют установленные нормы поведения, государство вынуждено защищать интересы граждан путем воздействия на физические, имущественные, моральные и иные сферы жизни нарушителей.

Однако цифровая среда усложняет классическую модель законности.

Во - первых, право становится более фрагментированным: наряду с государственными нормами действуют технические стандарты, платформенные правила, корпоративные политики, протоколы взаимодействия информационных систем.

Во - вторых, принуждение становится менее заметным. Блокировка аккаунта, отказ в электронной услуге, снижение рейтинга, ограничение доступа к сервису могут не восприниматься гражданином как юридическое наказание, хотя фактически они лишают его важных благ.

В - третьих, возрастает роль профилактики. Государство стремится не столько наказывать нарушителя, сколько предотвращать нарушение через мониторинг, анализ данных и прогнозные модели. Это смещает акцент с ретроспективной ответственности на управление рисками.

В - четвертых, меняется субъектный состав правоотношений. Ряд функций, традиционно принадлежавших государству, де - факто исполняют частные операторы цифровых платформ. Это требует новой доктрины публичности: не всякий частный субъект, обладающий техническим контролем над поведением пользователей, должен признаваться носителем публичной власти, но некоторые его действия должны подлежать публично - правовым ограничениям.

Таким образом, цифровая модернизация не отменяет законность, но требует ее переформулировки. Законность в эпоху алгоритмов — это не только соответствие действий формальным предписаниям закона, но и обеспечение подотчетности технологических систем, защищающих и одновременно ограничивающих права человека.

Цифровая модернизация меняет не только способы фиксации права, но и механизмы его реализации. Право все чаще существует не только в тексте нормы, но и в коде программы, интерфейсе сервиса, базе данных, маршруте электронного документа, алгоритме проверки или автоматизированном решении. Архитектура цифрового пространства выступает самостоятельной формой регулирования, способной влиять на поведение не меньше, чем право, мораль или рынок [10, p. 120–127].

В юридической практике цифровая трансформация проявляется в нескольких направлениях.

Смарт - контракты переносят исполнение обязательств в техническую среду. Условия сделки исполняются автоматически при наступлении определенных цифровых событий. Это снижает транзакционные издержки, но одновременно сужает пространство для гибкого правоприменения, учета добросовестности, существенного изменения обстоятельств и защиты слабой стороны. Смарт - контракт может рассматриваться как сделка, условия которой определены программным кодом, что требует переосмысления традиционных категорий волеизъявления, оферты, акцепта и исполнения обязательства [5, с. 15–17].

Цифровые технологии позволяют перейти от реагирования на уже совершенное нарушение к прогнозированию рисков. Системы оценки опасности, мониторинга поведения, биометрической идентификации и анализа больших данных создают модель предупредительного правопорядка. Такая модель эффективна с точки зрения безопасности, но опасна с точки зрения законности: человек может оказаться под ограничительными мерами не за конкретное противоправное деяние, а за вероятностный риск, выявленный алгоритмом [14, p. 1–20].

Для того чтобы модернизация не приводила к деградации правового государства, необходима концепция цифровой законности. Ее можно рассматривать как развитие классического принципа верховенства права применительно к алгоритмической среде. Верховенство права предполагает не только формальное наличие закона, но и подотчетность публичной власти, прозрачность процедур, защиту от произвола и эффективное правосудие [13, p. 6–10].

Цифровое пространство не знает жестких национальных границ. Поэтому важно учитывать современные международные стандарты, в том числе Регламент ЕС об искусственном интеллекте, Рамочную конвенцию Совета Европы об искусственном интеллекте и Рекомендацию ЮНЕСКО по этике искусственного интеллекта [9, p. 2–5; 11, p. 54–57; 12, p. 10–15]. Такой подход позволяет сочетать инновационное развитие с защитой прав человека, демократических ценностей и верховенства права.

История законности показывает, что правовое государство формировалось через постепенную монополизацию принуждения государством и отказ от частной расправы. Цифровая эпоха ставит этот процесс под новое давление: технологии создают эффективные механизмы контроля, но одновременно порождают риск алгоритмического произвола, приватизации властных функций и формализации права без сохранения его гуманистического содержания.

Модернизация правовой системы не должна сводиться к переводу бумажных процедур в электронный вид. Подлинная трансформация требует выработки новой модели цифровой законности, в которой технологические средства служат не замене права, а усилению его гарантий. Публично - правовое принуждение в цифровой среде остается необходимым элементом правопорядка, но его легитимность определяется не эффективностью алгоритма, а соблюдением конституционных принципов: законности, справедливости, соразмерности, человеческого достоинства и права на судебную защиту.

Главный вывод состоит в следующем: цифровое государство правомерно лишь тогда, когда код подчинен праву, автоматизация — подотчетности, а эффективность — правам человека. Именно этот баланс должен стать ориентиром юридической модернизации в эпоху цифровых технологий.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кудрявцев, В. Н. Право и поведение / В. Н. Кудрявцев. — Москва: Юридическая литература, 1978. — 191 с. — Текст: непосредственный.

2. Министерство внутренних дел Российской Федерации. О состоянии преступности за январь–сентябрь 2025 года. — URL: https: // мвд.рф / reports / item / 72174303 / (дата обращения: 23.09.2026). — Текст: электронный.

3. Памятники русского права. Выпуск 1: Памятники права Киевского государства X—XII вв. / под ред. С. В. Юшкова; сост. А. А. Зимин. — Москва: Госюриздат, 1952. — 367 с. — Текст: непосредственный.

4. Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. — Москва: Юридическая литература, 1985. — 391 с. — Текст: непосредственный.

5. Савельев, В. А. Смарт - контракт как сделка на условиях, определенных программным кодом / В. А. Савельев // Законы России: опыт, анализ, практика. — 2017. — № 5. — С. 15–26. — Текст: непосредственный.

6. Сергеевич, В. И. Лекции и исследования древней истории русского права / В. И. Сергеевич. — 2 - е изд., доп. — Санкт - Петербург: Типография М. М. Стасюлевича, 1899. — 544 с. — Текст: непосредственный.

7. Уздимаева, Н. И. Понятие, содержание и признаки государственного принуждения / Н. И. Уздимаева, М. С. Холодов // Этнос и право. — 2018. — № 4. — URL: https: // ep.mrsu.ru / journal / 4 - 18 / Usdimaeva.html (дата обращения: 23.09.2026). — Текст: электронный.

8. Хрестоматия по истории государства и права России: учебное пособие / сост. Ю. П. Титов. — Москва: Проспект, 2000. — 432 с. — Текст: непосредственный.

9. Council of Europe. Framework Convention on Artificial Intelligence and Human Rights, Democracy and the Rule of Law (CETS No. 225). — Strasbourg: Council of Europe, 2024. — 24 p. — URL: https: // www.coe.int / en / web / conventions / full - list / - / conventions / treaty / 225 (дата обращения: 23.09.2026). — Текст: электронный.

10. Lessig, L. Code: Version 2.0 / L. Lessig. — New York: Basic Books, 2006. — 336 p. — Текст: непосредственный.

11. Regulation (EU) 2024 / 1689 of the European Parliament and of the Council of 13 June 2024 laying down harmonised rules on artificial intelligence (Artificial Intelligence Act) // Official Journal of the European Union. — 2024. — L 2024 / 1689. — P. 1–213. — URL: http: // data.europa.eu / eli / reg / 2024 / 1689 / oj (дата обращения: 23.09.2026). — Текст: электронный.

12. UNESCO. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. — Paris: UNESCO, 2021. — 40 p. — URL: https: // unesdoc.unesco.org / ark: / 48223 / pf0000381137 (дата обращения: 23.09.2026). — Текст: электронный.

13. Venice Commission. Rule of Law Checklist (CDL - AD(2016)007). — Strasbourg: Council of Europe Publishing, 2016. — 24 p. — URL: https: // www.venice.coe.int / webforms / documents / ?pdf=CDL - AD(2016)007 - e (дата обращения: 23.09.2026). — Текст: электронный.

14. Zuboff, S. The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power / S. Zuboff. — New York: PublicAffairs, 2019. — 658 p. — Текст: непосредственный.

© Ширяева Т.Ю., 2026

СОДЕРЖАНИЕ

МЕДИЦИНСКИЕ НАУКИ

Ярец Ю.И.
АНТИКОМПЛИМЕНТАРНАЯ, АНТИЛИЗОЦИМНАЯ
И АНТИИНТЕРФЕРОНОВАЯ АКТИВНОСТЬ БАКТЕРИЙ,
ВЫДЕЛЕННЫХ ИЗ РАНЕВОГО ОТДЕЛЯЕМОГО 5

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Gurbanmyradova U., Bayramov Y., Atayev R., Garyagdyyeva G.
ENHANCING CYBERSECURITY INFRASTRUCTURE THROUGH ARTIFICIAL
INTELLIGENCE AND MACHINE LEARNING ALGORITHMS 13

Nurberdiyeva G., Babayeva M., Dymylov A., Garyagdyyeva G.
EVALUATING THE EFFECTIVENESS
OF PROJECT - BASED LEARNING (PBL)
WITHIN THE COMMUNICATIVE LANGUAGE TEACHING (CLT) FRAMEWORK 15

Nurberdiyeva G., Kakalyyev S., Batyrova A., Garyagdyyeva G.
METHODOLOGY FOR ENHANCING EFL STUDENTS' SPEAKING SKILLS
THROUGH THE INTEGRATION OF DIGITAL TECHNOLOGIES
AND INTERACTIVE PLATFORMS 17

Rahmanov B., Orazov Y.
A CORRELATION ANALYSIS
OF THE HISTORICAL - GENETIC HERITAGE
AND PHYSICAL ENDURANCE PARAMETERS OF THE AKHAL - TEKE HORSE 19

БОВА А.А.
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ
В ВЫСШЕМ ОБРАЗОВАНИИ 21

ЛИПЕНКО Л.О.
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИКТ КАК СРЕДСТВО ЭСТЕТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
УЧАЩИХСЯ НАЧАЛЬНЫХ КЛАССОВ НА УРОКАХ МУЗЫКИ 24

Мажарцева А.К., Гапоненко В.П.
ЦИФРОВЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ В ЯЗЫКОВОЙ ПОДДЕРЖКЕ
НАУЧНО - ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ 29

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Каюпова Ф. М.
ПРОАКТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ:
РОЛЬ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ
В ФОРМИРОВАНИИ НОВЫХ МЕТОДОВ 33

Монгуш М.Ч.
ПРОБЛЕМА СОБЛЮДЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА В 21 ВЕКЕ 35

Уланова М. К.
ТРАДИЦИОННЫЕ ДУХОВНО - НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ
КАК ОСНОВА СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ 45

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Горбацевич О.А.
ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ БАРЬЕРЫ
В ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ ГРУППЫ:
СТРАТЕГИИ АДАПТАЦИИ УЧЕБНОГО ДИСКУРСА 51

Горбацевич О.А.
РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ И ФАСИЛИТАЦИИ:
СТИЛИСТИЧЕСКИЙ И ЭМОТИВНЫЙ АНАЛИЗ 53

Горбацевич О.А.
ПРИРОДА КОММУНИКАТИВНЫХ НЕУДАЧ
В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ДИАЛОГЕ:
КОГНИТИВНО - ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
РЕЧЕВЫХ СТРАТЕГИЙ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ И ОБУЧАЮЩЕГОСЯ 57

Горбацевич О.А.
ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ДИСКУРСА В УСЛОВИЯХ ГИБРИДНОГО ОБУЧЕНИЯ:
МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЙ АСПЕКТ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ДИСЦИПЛИНЕ:
«РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА РЕЧИ» ДЛЯ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ 59

Горбацевич О.А.
ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ
ВОЕННОГО РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА В УЧЕБНОМ ДИСКУРСЕ:
ФОРМИРОВАНИЕ НАВЫКОВ КОМАНДНОЙ РЕЧИ
НА ЗАНЯТИЯХ ПО ДИСЦИПЛИНЕ
«РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА РЕЧИ» 62

Горбацевич О.А.
РИТОРИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ И КОММУНИКАТИВНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ:
АНАЛИЗ СТРАТЕГИЙ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
В ПЕДАГОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ВОЕННОГО ВУЗА 65

Грушин С.В.
ТИПЫ ПЕРЕВОДЧЕСКИХ ЭКВИВАЛЕНТОВ
В ТЕРМИНОСИСТЕМЕ ЭКСПЛУАТАЦИОННОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ АЭС:
ПОЛНЫЕ, ЧАСТИЧНЫЕ, БЕЗЭКВИВАЛЕНТНЫЕ 67

Салимова И.М.
ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ
ФИКСАЦИИ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ 71

Сафронова Е.Е.
ПРОБЛЕМА ПЕРЕДАЧИ ИМПЛИЦИТНЫХ АКТАНТОВ
В НЕМЕЦКО - РУССКОМ ПЕРЕВОДЕ 76

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Дворянкин О.А.
БАБА - ЯГА И ВОЛШЕБНЫЕ ПРЕДМЕТЫ 81

ТЕХНИЧЕСКИЕ НАУКИ

Виноградов А.С.
СТРАТЕГИИ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ
ОБНАРУЖЕНИЯ ОБЪЕКТОВ
В УСЛОВИЯХ ПЛОХОЙ ВИДИМОСТИ 96

Гаврилов А.Ю.
КЛАССИФИКАЦИЯ ХИМИЧЕСКИХ РЕАКТОРОВ:
ОТ ГОМОГЕННЫХ ДО МНОГОФАЗНЫХ 101

Кондратенко М.В.
ПРОБЛЕМЫ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ CRM СИСТЕМ
С ЭЛЕМЕНТАМИ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
ДЛЯ B2B – КОМПАНИЙ 104

Куликова В.Е., Колузанов Д.В.
ВИЗУАЛИЗАЦИЯ УГРОЗ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
НА БАЗЕ КИБЕРПОЛИГОНА 109

Кустов Р.Ю.
ВЫБОР СРЕДСТВ КОМПЕНСАЦИИ РЕАКТИВНОЙ МОЩНОСТИ
С УЧЁТОМ РЕЖИМА ПРОМЫШЛЕННОЙ НАГРУЗКИ 112

Сизова Ю.В.
ИЗУЧЕНИЕ СИСТЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА
ОБВАЛЬЩИКА МЯСА 114

Сизова Ю.В.
ТРЕБОВАНИЯ ОХРАНЫ ТРУДА ВО ВРЕМЯ ПРОВЕДЕНИЯ РАБОТ
ПРИ РАБОТЕ НА ВЫСОТЕ 116

Сизова Ю.В.
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
БЕЗОПАСНОСТИ ТРУДА РАБОТНИКОВ
МЯСОПЕРЕРАБАТЫВАЮЩЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ 118

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Архангельский М. А., Белоглазкин А. А.
ФИЛОСОФИЯ КАК ОСОБЫЙ ТИП МИРОВОЗЗРЕНИЯ
И ФОРМА ДУХОВНОГО ОСВОЕНИЯ МИРА ЧЕЛОВЕКОМ 122

Кириллова Е.С.
ПРОБЛЕМА ОДИНОЧЕСТВА
В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ 125

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Баженов С.И.
ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ НА ЭКОНОМИКУ ЗНАНИЙ
В КРЕАТИВНЫХ ИНДУСТРИЯХ 131

Власовец Е.Н.
ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ
ГЛОБАЛЬНЫХ ИНФРАСТРУКТУРНЫХ ПРОЕКТОВ 135

Ли Гуйхэ
РАЗВИТИЕ ЭКСПОРТНОГО ПОТЕНЦИАЛА ПРЕДПРИЯТИЙ
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ 139

Ли Цзюлун
СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ТОРГОВЛИ 143

Луцкан С.П.
ВЕСОВЫЕ ПРИОРИТЕТЫ КРИТЕРИЕВ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
ПРЕДПРИЯТИЯ В УСЛОВИЯХ ГИБРИДНЫХ УГРОЗ:
МЕТОД АНАЛИЗА ИЕРАРХИЙ И АНАЛИЗ ЧУВСТВИТЕЛЬНОСТИ 147

Сюй Шэнхао
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВ
В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ 154

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Павлович Н.П.
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ
ВНУТРИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ 160

Павлович Н.П.
СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ В ЕС И ЕАЭС
(2020–2026 ГГ.) В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ УЧЁТНЫХ СИСТЕМ 163

Пупкова Т.В.
ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ОБЩИХ УСЛОВИЙ
СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА И ИХ РОЛЬ
В ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ПРАВОСУДИЯ 167

Туралиева А.А.
ТЕОРЕТИКО - МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ
МЕРЫ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ 169

Ширяева Т.Ю.
МОДЕРНИЗАЦИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗАКОННОСТИ
В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ:
ПУБЛИЧНО - ПРАВОВОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ
В УСЛОВИЯХ АЛГОРИТМИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА 173

АГЕНТСТВО МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ И ВСЕРОССИЙСКИЕ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ КОНФЕРЕНЦИИ
https://ami.im/aktual-konference

Авторам предоставляются
- Сборник статей (УДК, ББК и ISBN, открытый доступ, elibrary.ru)
- Индивидуальный сертификат участника
- Благодарность научному руководителю (при наличии)
- Программа научно-практической конференции

Условия публикации
- Соблюдение требований к материалам https://ami.im/trebovaniya-k-oformleniyu/
- Организационный взнос 120 руб. за стр.
- Минимальный объем статьи 3 страницы.

Сроки публикации и рассылки
- Электронные варианты на сайте в течение 3 дней после конференции.
- Рассылка электронных вариантов в течение 5 дней после конференции
- Печатные экземпляры, при заказе, будут высланы в течение 7 дней после конференции.

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ НОВАЯ НАУКА: ОТ ИДЕИ К РЕЗУЛЬТАТУ
https://ami.im/nnoikr

ISSN 3034-2198

Авторам предоставляются
- Сборник статей (ISSN, открытый доступ, elibrary.ru)
- Индивидуальное свидетельство автора
- Благодарность научному руководителю (при наличии)

Условия публикации
- Соблюдение требований к материалам https://ami.im/trebovaniya-k-oformleniyu/
- Организационный взнос 120 руб. за стр.
- Минимальный объем статьи 3 страницы.

Сроки публикации и рассылки
- Электронные варианты на сайте в течение 3 дней после окончания приема материалов.
- Рассылка электронных вариантов в течение 5 дней после окончания приема материалов

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ НОВАЯ НАУКА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ
https://ami.im/nnpip

ISSN 3034-218X

Авторам предоставляются
- Сборник статей (ISSN, открытый доступ, elibrary.ru)
- Индивидуальное свидетельство автора
- Благодарность научному руководителю (при наличии)

Условия публикации
- Соблюдение требований к материалам https://ami.im/trebovaniya-k-oformleniyu/
- Организационный взнос 120 руб. за стр.
- Минимальный объем статьи 3 страницы.

Сроки публикации и рассылки
- Электронные варианты на сайте в течение 3 дней после окончания приема материалов.
- Рассылка электронных вариантов в течение 5 дней после окончания приема материалов

Научное издание **Scientific publication**

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЯ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ЭПОХУ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Сборник статей
по итогам
Международной научно-практической конференции
24 сентября 2026 г.

В авторской редакции

Авторы дали полное и безоговорочное согласие по всем условиям Договора о публикации материалов, представленного по ссылке https://ami.im/avtorskiy-dogovor/

Подписано в печать 26.09.2026
Формат 64x90/16.
Печать: цифровая.
Гарнитура: Tahoma
Усл. печ. л. 11,00.
Тираж 500.
Заказ 1121.

In the author's edition

The authors gave full and unconditional consent to all the terms of the Agreement on the publication of materials presented at the link https://ami.im/avtorskiy-dogovor/

Signed for printing on 26.09.2026
Format 64x90/16.
Printing: digital.
Typeface: Tahoma
Conv. print l. 11.00.
Circulation 500.
Order 1121.

АГЕНТСТВО МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
https://ami.im **e-mail: info@ami.im**

AGENCY OF INTERNATIONAL RESEARCH
+7 347 29 88 999

Отпечатано в издательском отделе
АГЕНТСТВА МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
450057, г. Уфа, ул. Пушкина 120

Printed by the publishing department
AGENCIES OF INTERNATIONAL RESEARCH
450057, Ufa, st. Pushkin 120